

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 279 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XX

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Из истории русского языкознания

ТАРТУ 1971

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 279 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ**

XX

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Из истории русского языкознания

ТАРТУ 1971

Редакционная коллегия:

**Б.М.Гаспаров, А.А.Метса, Х.Я.Пах,
С.В.Смирнов (ответственный редактор)**

С. В. Смирнов

Ф. И. БУСЛАЕВ И РУССКОЕ ЯЗЫКО-
ЗНАНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА

Ничего не может быть ошибочнее,
как отбрасывать прошедшее, слу-
жившее для достижения настоящего.

А. И. Герцен

В истории русского языкознания первая половина XIX века отличается большой сложностью, проявляющейся в многообразии и пестроте проблематики, борьбе нового и старого, противоречивости развития лингвистической мысли. К этому времени относится появление тех основных проблем и противоречий, которые пришлось разрешать русскому языкознанию в течение всего XIX и даже XX веков. Именно в этот период был собран и опубликован тот огромный фактический материал, который в значительной степени явился основой последующих сравнительно-исторических исследований.

История языкознания есть наука о закономерностях возникновения и развития различных направлений. Поэтому для рассмотрения лингвистической мысли в I половине XIX века также необходимо прежде всего выделить основные линии в ее развитии. Первые попытки осознать, что собой представляло языкознание в этот период относятся уже к середине XIX века. Основой для этого послужило предисловие Я. Грима к III изданию "Немецкой грамматики" (1840 г.), где он выделяет и характеризует два рода изучения языков: филологический и лингвистический. "Для первого язык есть только средство к изучению древней литературы, но средство, неистощимо богатое содержанием. Цель филолога достигнута, если он мало-помалу сживает с древним языком, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться в него и чувственно и духовно, так усваивает себе его образ и со-

став, что свободно может употреблять его, как собственное врожденное достояние, в разговоре и чтении памятников литературы отжившей. Содержание и форма взаимно обуславливаются друг другом, так что, с возрастанием уразумения речи и поэзии, богатеет и содержание для грамматики. Идет она шагом более твердым, чем смелым, с взглядом более здоровым, нежели проникающим вдаль на богато разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любит вскапывать ее в глубину. Такая грамматика преимущественное внимание обращает на синтаксис, которого нежная ткань дает знать о цветах и плодах изучаемой почвы, и в котором особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхождении изменчивых звуков и отдельных форм, довольствуясь тщательным и обычным употреблением их в речи. В учении об образовании слов занимается она не столько обнажением корней, сколько производством и сложением слов. Все правила языка направляются к лучшим произведениям литературы и неохотно распространяются на области языка, не обработанные искусством и запущенные. Все грамматическое изучение неукоснительно служит критике словесных произведений, полагая в том свое призвание и цель. — Другой род изучения, лингвистический, углубляется в язык, как в непосредственную цель свою, и менее заботится о живом и целом выражении. Действительно, можно изучать язык сам по себе и открывать в нем законы, наблюдать не то, что на нем выражается, а то, что живет и вращается в нем самом. В противоположность предыдущему, такое языкознание можно назвать членоразлагающим, ибо оно более любит разнимать по частям состав языка и высматривать его кости и жилы, менее заботясь наблюдать свободное движение всех его членов, и подслушивать нежное его дыхание. Как успехи анатомии вообще зависят от сравнения, так и здесь возникло сравнительное языкоучение, извлекающее правила из сближения целых языков или форм одного и того же языка, исторически развивавшихся друг из друга, хотя различных, однако сродных и между собой соприкасающихся. Это изучение мало

следит за ходом и судьбой литературы и находит себе такую же пищу в языке необработанном, даже в грубом диалекте, как и в возвышеннейших произведениях классических. Прежде всего берется оно за простейшие стихи в звуке и флексиях и в гораздо меньшей мере занимается синтаксисом... В органическом языке нет неправильностей, которые не исходили бы от глубоко коренящегося закона, нет исключений, которые, основательно понятые, не подходили бы под правило. Все дело в том, чтобы дать первенство закону перед неправильностью и правилу перед исключением" (14, 29-31) ¹.

Таким образом, мы находим здесь довольно полный перечень основных отличий сравнительно-исторического изучения языков от филологического. Эти положения неоднократно использовались (особенно в трудах Ф. Буслаева) для характеристики и русского языкознания I половины XIX века, а иногда и для доказательства того, что только историческое изучение языка является единственно научным.

Однако вскоре ученые заметили, что выделение только двух направлений не дает полного представления о характере и содержании языкознания того периода, так как каждое из них оказывается довольно неоднородным. Поэтому нередко стали говорить о трех способах изучения языка: философском, историческом и сравнительном. "Философский показывает общие законы человеческого слова, основанные на началах мышления: в нем все частные видоизменения грамматических форм подводятся к общим философским законам. В сравнительном - сравнивается какой-либо язык с другими языками, однородными и соплеменными. Исторический последовательно ведет историю языка от самых древних памятников его литературы до позднейших времен" (66, 13).

¹ Первая цифра в скобках означает порядковый номер списка литературы, вторая цифра - страницу источника. Все выделение в цитатах разрядкой, кроме особо оговоренных случаев, принадлежат авторам соответствующих работ.

Эта классификация затем была уточнена Давыдовым в статье "Взгляд на грамматические исследования о русском языке" (ИОРЯС, т. III, 1854). Анализируя грамматические работы по русскому языку, он высказал мнение, что после Ломоносова у нас выделяется три направления в изучении отечественного языка: учебное, критическое и ученое. Представители первого (Ломоносов, Барсов, Светов, Никольский; позднее: Орнатовский, Тимковский, Болдырев, Калайдович, Перевлесский и др.) излагают грамматические правила, т.е. они не исследуют происхождения звуков и форм, а ограничиваются только употреблением их в речи образцовых писателей. Для них слово выступает не как предмет особой науки, а как орудие всех наук, как средство сообщения знаний. Второе направление (Востоков и Греч) предлагает критическое и подробное перечисление правил, которые нуждаются в логических и исторических обоснованиях. Ученое направление впервые стало рассматривать слово как предмет особой науки. Такая наука пользуется способами философским и сравнительно-историческим. "Эти два способа взаимно один другому помогают в основательном изучении слова, как предмета о с о б о й, с а м о б ы т н о й н а у к и. Философский способ освещает исторические исследования мыслию и много-различные изыскания сравнительные совокупляет в стройное единство; исторический же, или сравнительный, способ служит философскому материалю основой" (35, II7). Наиболее типичными представителями философского способа Давыдов считает В. Гумбольдта и Бенкера, а сравнительно-исторического - Гримма и Болпа.

Эта периодизация представляет для нас определенный исторический интерес, как образец восприятия грамматических идей первой половины XIX века, для которой характерно еще такое состояние науки, когда разные принципы и методы еще четко не дифференцировались и сравнительно мирно уживались друг с другом. Однако в целом она страдает определенными недостатками. Во-первых, неясна сущность критического направления и его отличие от учебного. Во-вторых, под одной

рубрикой объединяются ученые, далекие друг от друга по своим теоретическим и методическим принципам (ср. Ломоносов и Никольский, Востоков и Греч и т.д.). Причиной этого является нечеткость самих исходных принципов.

Нам представляется, что основные различия между разными течениями в истории русской грамматической мысли определяются предметом, целью и методом исследования. С этой точки зрения в русском языкознании I половины XIX века выделяется две линии: а) описательное изучение русского языка и создание на этой основе практических грамматик¹, б) сравнительно-исторические исследования.

Практические грамматики исследуемого периода были неоднородны. Среди них довольно четко выделяются два типа:

а) Филологические грамматики (Ломоносов, Барсов, Академическая грамматика 1802 г., Востоков), для которых характерны следующие особенности: предмет исследования - литературный язык, отчасти живая народно-разговорная речь; цель - учить правильно читать и писать; метод - описательный, индуктивный (на основе текста создаются правила и исключения из них).

б) Философские грамматики (Языцкий, Орнатовский, Тимковский, Якоб, Греч, Давыдов). Предмет исследования - язык образцовых писателей, цель - выяснение принципов построения языка на основе универсальных логических категорий, метод - описательный, дедуктивный.

Сравнительно-исторические исследования характеризуются следующими признаками: предмет исследования - весь русский язык во всех его проявлениях (книжный, разговорный, диалектный); цель - путем сравнения с другими родственными языками, изучения старинных и новых литературных памятников и диалектов выяснить пути развития русского языка.

¹ Ср. высказывание А. Котляревского: "История русского языкознания до утверждения его на сравнительно-исторических началах есть главным образом история русской практической грамматики" (99, 2).

История языка есть необходимейшее условие для понимания его современного состояния. Исторический анализ должен привести к открытию языковых законов, которые заменят прежние правила и исключения из них. Метод исследования — сравнительно-исторический, индуктивный.

Данная работа ставит перед собой задачу исследовать пути и особенности развития русской лингвистической мысли в первой половине XIX века и затем на этом фоне осветить научное наследие Ф. И. Буслаева, которое полнее всего отражает характер языкознания этого периода, завершает и обобщает достижения отечественной науки о языке и открывает путь синтаксическим исследованиям Потебни.

Г Л А В А П Е Р В А Я

РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ I. Русские грамматики конца XVIII -

I половины XIX века

Первые грамматические работы на Руси стали появляться в XV - XVI вв. Основное внимание древнерусских книжников в этот период было сосредоточено на церковнославянском языке, который использовался в качестве одного из типов литературного языка. Только изредка через этот книжный язык в грамматики просачиваются отдельные факты живой русской речи. Но во второй половине XVIII века начинается формирование русского национального языка и закрепление его в литературе. Постепенно разрушается система средневекового двуязычия, происходит распад книжного церковнославянского языка. Народно-разговорная речь мощным потоком вливается в литературный язык и начинает занимать в нем ведущее место. Однако и старые, архаические элементы книжного языка еще не выходят из литературного употребления, сосуществуют рядом с фактами разговорного языка. Этим обуславливается самая характерная черта литературного языка Петровской эпохи - пестрота и неупорядоченность словарного состава и грамматического строя. Как писал В.Д.Левин, "здесь все в кипении, движении, борьбе, в развитии - и тенденция этого развития очевидна: идет напряженный и трудный процесс складывания нового литературного языка. Этот процесс имеет две стороны: установление народной основы литературного языка и усвоение жизнеспособных элементов старокнижной традиции" (59, 99-100; см. также: 79, т. I, 164).

Такое состояние литературного языка настоятельно требовало создания его прочных норм, разработки и изучения грамматики. Это хорошо понимали многие передовые деятели Петровской эпохи. Например, Посошков в своей книге "О скудости и богатстве" подчеркивал, что "грамматика — дело высокое и прочное", что царь "надлежит постараться о грамматике, чтобы принудить ее выправить добрым расположением...", чтоб и без учителя можно познать всякие падежи и склонения". Однако Петровская эпоха не внесла значительного оживления в изучение и преподавание русского языка. Более того, в то время грамматику рекомендовалось проходить "купно с географией и историей", чтобы соединить "невеселое языка учение" с "веселым мира и мимошедшим в мире дел познанием" и тем самым вызвать в учениках "доброхотство" к учению.

Работа по созданию прочных норм русского литературного языка начинает разворачиваться с тридцатых годов XVIII века. Одним из первых опытов была грамматика студента В.Е.Адогурова, опубликованная в качестве приложения к "Немецко-латинско-русскому словарю" Вейсмана (1731 г.). Но выход грамматики Адогурова не решил поставленной задачи и не мог удовлетворить потребностей русского общества в хорошем грамматическом руководстве, так как она представляла собой в основном лишь переделку старославянской грамматики М.Смотрицкого в применении к русскому языку.

В 1735 году при Академии наук было открыто Российское собрание с целью "радеть о возможном дополнении российского языка, о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве". На открытии собрания В.К.Тредьяковский произнес речь "О чистоте российского слова", в которой одной из основных задач нового общества считал "составление грамматики доброй и исправной и словаря полного и довольного". Сам Тредьяковский неоднократно высказывался по разным лингвистическим вопросам, но грамматики не написал.

Задача по созданию первой грамматики русского литературного языка была выполнена гениальным ученым М.В.Ломоносовым. Ломоносов придавал грамматике как науке большое

значение. Широко известно его высказывание о том, что "тупа оратория, косяязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению" (61, 392). Поэтому в грамматике все науки "нужду имеют".

Мысль написать грамматику русского языка возникла у Ломоносова, вероятно, в середине 40-х годов, во время работы над вторым вариантом Риторики. В сентябре 1755 года работа была переписана уже набело, но из печати вышла лишь 9 января 1757 года. Появление грамматики было воспринято современниками как выдающееся событие, как национальное торжество.

"Российская грамматика" имеет две характерных особенности. Во-первых, она основана на индуктивном методе. Ведь в создании русской грамматики Ломоносов по сути дела не имел предшественников. Поэтому правила русского языка он должен был выводить непосредственно из фактов живого употребления, из тех многочисленных примеров, которые были собраны им самим. Вторая особенность ломоносовской грамматики - ее нормативно-стилистический характер. Опираясь на положение, что "худые примеры - не закон", Ломоносов указывает всюду, какое употребление "пристойнее", какое "обыкновенно слуху" и какое "дико и слуху несносно", "неправедно", "неприятно" или "весьма странно и противно способности легкого чтения", или "весьма развратно". Говоря об употреблении грамматических форм, он во многих случаях связывает его с разными стилями литературного языка. Особенно четко были им разграничены формы высокого и низкого стилей (например, употребление форм на -а и -у в родительном падеже существительных мужского рода, употребление причастий и деепричастий, форм сравнительной степени и т.д.). "В условиях послепетровского времени, при хаотической неразмежеванности литературных стилей, при множестве новых требований к письменной речи, при торопливости и неращивности, с которой подчас разрешались проблемы литера-

турного языка, — властные, твердые, накаленные страстью грамматические предписания Ломоносова имели жизненно важное значение" (61, 860).

Эти "предписания" охватывают все основные разделы изучения языка: фонетику и орфографию, морфологию и синтаксис. В "Российской грамматике" не только были отмечены многие особенности русского вокализма и консонантизма (например, оглушение и озвончение согласных, переход е в о и др.), дана классификация звуков по месту и способу образования и акустическим признакам, но и приведен довольно полный свод орфографических и орфоэпических норм. В орфографии Ломоносов считает нецелесообразным введение одного фонетического принципа написания, как это предлагал Тредьяковский. Орфография должна служить объединению, а не разъединению всех говорящих по-русски. Отдавая предпочтение московскому академическому произношению ради его "отменной красоты", Ломоносов возражает против написания а вместо о в безударном положении в соответствии с произношением. В связи с этим он замечает: "Но ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно" (61, 430). В основу орфографии Ломоносов клал два принципа: морфологический и фонетический. Дальнейшая разработка русского правописания вплоть до наших дней идет по этому пути, лишь конкретизируя и уточняя выдвинутые великим ученым положения.

В морфологической части Ломоносов выделял, в соответствии с традицией, идущей от античных грамматик, восемь частей речи: "1) и м я для названия вещей; 2) м е с т о и м е н и е для сокращения наименований; 3) г л а г о л для названия деяний; 4) п р и ч а с т и е для сокращения соединением имени и глагола в одно предложение; 5) н а р е ч и е для краткого изображения обстоятельств; 6) п р е д л о г для показания принадлежности обстоятельств к вещам и действиям; 7) с о с з для изображения взаимности наших понятий; 8) м е ж д у м е т и е для

краткого изъявления движений духа" (61, 408).

Части речи Ломоносов делит на знаменательные и служебные. Термин "знаменательный" у него имеет двойное значение. Первоначально знаменательными он называет все восемь частей речи. Но затем относит к ним только имя и глагол, считая все остальные служебными. Отличительные признаки служебных частей речи Ломоносов видит в том, что предлоги и союзы ус-танавливают то или иное соответствие между знаменательными словами, а местоимения, наречия, причастия и междометия имеют обобщенную, сократительную функцию.

Но Ломоносов не только создал общее учение о частях речи в русском языке, но и во многих отношениях конкретизировал их грамматические категории. В "Российской грамматике" имеется масса интересных замечаний и наблюдений над русским языком, которые сохраняют свое значение до сих пор. К их числу можно, например, отнести противопоставление имени другим словам, указания на служебную функцию предлогов и союзов, на совмещение в причастии именного и глагольного значений, выделение в русском языке двух спряжений, в то время как в предшествующих грамматиках славянские глаголы обычно располагались по четырем латинским спряжениям, замечания относительно употребления кратких и полных форм прилагательных, а также страдательных причастий прошедшего времени и многое другое. Более того, ломоносовская система залогов дошла до нашего времени.

Ломоносов, строго различая русский и старославянский языки, считал, что русский литературный язык образуется "старательным и осторожным употреблением сродного нам ко-ренного славянского языка купно с российским". Это значит, что он выступает прежде всего за признание литературных прав живой народной речи, но и в то же время против отрицания книжных традиций, стремится создать литературный язык на основе синтеза русского языка и общепонятных старославянских элементов. Эта тенденция характерна не только для теории "трех стилей", но и отчетливо проявляется в "Российской грамматике". "Обветшалые" формы, которые в

тот период осознавались как церковнославянские, здесь вообще отсутствуют, например, двойственное число, формы с чередованием заднеязычных со свистящими, аорист, имперфект, инфинитив на -ти и многие другие. Но ряд традиционных, книжных форм грамматикой узаконен. Это причастия, формы превосходной степени прилагательных на -ейш-, -айш-, окончание -ий в именительном-винительном падежах единственного числа мужского рода и некоторые другие. Иначе говоря, из большого количества архаических форм, имевших значительное распространение в памятниках первой половины XVIII века, Ломоносов оставляет в своей грамматике лишь очень немногие, которые действительно оказались наиболее устойчивыми и в большинстве своем дошли до настоящего времени. В основе же всей грамматики лежат формы живого русского языка.

Вопросы синтаксиса у Ломоносова оказались наименее разработанными. Им посвящено только последнее, шестое наставление "О сочинении частей слова". В этом наставлении синтаксис сводится к правилам сочетания слов в предложении по принципу согласования и управления. Учение же о предложении Ломоносов относил не к грамматике, а к риторике. Там дается определение предложения и его членов. В "Российской грамматике" эти понятия были сформулированы еще в довольно нечеткой форме. Например, в § 81 говорится: "Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния. Того ради между речениями, речью составляющими, первое место иметь должно имя, вещь знаменующее, потом глагол, изъявляющий оныя вещи деяние. Например: облаки покрыли; земля тучнеет" (61, 418). В данном случае под морфологическими терминами "имя" и "глагол" подразумеваются подлежащее и сказуемое. Другие члены предложения не названы, но указывается, что они служат для распространения главных членов.

В более четкой форме учение о членах предложения представлено в "Риторике". В ней Ломоносов пишет: "Оне (т.е. предложения. - С.С.) имеют две части - подлежащее и сказуемое. Оно значит вещь, о которой рассуждаем, а сие показывает самое то, что рассуждаем о подлежащем. Так, в рассуждениях 'надежда есть ободрение' и 'богатство и честь суть побуждения к тру-

дам', 'надежда' и 'богатство и честь' суть подлежащие, а 'ободрение' и 'побуждение к трудам' суть сказуемые. Глагол существительный 'есть' или 'суть' называется связка, которых подлежащее и сказуемое сопрягаются" (6I, II7). Ломоносовым описаны и основные способы выражения подлежащего и сказуемого.

Значит, на логической основе Ломоносов выделяет два члена предложения: подлежащее и сказуемое. Но, кроме этого, он, видимо, к членам предложения относил и связку, поскольку не включал ее в состав сказуемого, а рассматривал как особый, связующий элемент между подлежащим и сказуемым.

Как уже было сказано, "сочинение частей слова" в "Российской грамматике" сводится к анализу согласования и управления. Эти вопросы рассмотрены весьма обстоятельно. Ломоносов различает "сочинение имен", "сочинение глаголов", "сочинение вспомогательных частей слова" и "сочинение частей слова по разным обстоятельствам". При сочинении имен различается управление при именах числительных, формах сравнительной степени, именах существительных и т.д. Среди разных типов сочинения глаголов анализируются действительные и страдательные обороты, деепричастные обороты, сочетания безличных глаголов с инфинитивом, предложное управление и др. Кроме того, в шестом наставлении также подробно рассмотрены функции предлогов и союзов.

"Российская грамматика" - одно из выдающихся явлений в истории русского языкознания и даже истории русской культуры. "Строгость плана Российской грамматики, ее полнота, обилие, разнообразие и продуманность примеров, самостоятельность и тонкость грамматических наблюдений отмечались не раз историками отечественного языкознания. Смело отмечая устаревшие формы и категории, Ломоносов сосредоточил все внимание на живых формах словоизменения и необычайно богато представил их в своей Грамматике" (6I, 86I). Благодаря этому, "Российская грамматика" стала одним из популярнейших учебных руководств. Об этом свидетельствует

тот факт, что она выдержала 14 изданий, а также была переведена на немецкий, французский и новогреческий языки. На этом труде воспиталось и несколько поколений русских грамматистов (Н. Курганов, А. Барсов, П. Соколов, В. Светов и др.).

Уже во второй половине XVIII века под влиянием трудов Ломоносова выходит несколько грамматик русского языка. Одна из них — "Российская универсальная грамматика или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку", составленная Н. Кургановым и изданная в 1769 г. Позднее она несколько раз переиздавалась под заглавием "Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия", который наряду с грамматикой содержал также хрестоматию для занимательного чтения и словарь иноязычных и непонятных слов с толкованиями.

Курганов в основу своего руководства положил грамматику Ломоносова. Это сказывается в содержании и расположении грамматического материала, грамматическом и орфоэпическом разграничении высокого и низкого стиля, классификации частей речи и др. Но, как отметил В. Виноградов, грамматика Курганова, опираясь на "Российскую грамматику", в то же время "стремится пополнить ее как живым материалом конструкций разговорно-обиходной речи, так и отдельными фактами архаического синтаксиса церковнославянского языка, взятыми из грамматики М. Смотрицкого. Этот материал, не всегда достаточно систематизированный и грамматически обобщенный, все же несколько расширял рамки и содержание ломоносовской грамматики, но иногда в сторону той грамматической традиции, от которой Ломоносов отталкивался" (26, 46; ср. также: 33, 30-31).

Многое сделал для развития грамматических идей Ломоносова его самый крупный ученик и последователь А. А. Барсов. Основным трудом Барсова является "Российская грамматика", написанная в последней четверти XVIII в. Полностью до сих

пор она еще нигде не опубликована. Два списка хранятся в библиотеке Московского университета и один в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. При жизни Барсова вышли только "Краткие правила Российской грамматики, собранныя из разных Российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях имп. Моск. университета" (1771 г.). Кроме того, небольшой отрывок был опубликован Ф. Буслаевым в сборнике "В воспоминание 12 января 1855 г. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей имп. Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея". В последнее время изучением научного наследия Барсова довольно много занимался Виноградов. Им готовилось также научное издание грамматики Барсова (26, 52), но эта работа, очевидно, не была доведена до конца.

Исследования Виноградова показали, что грамматика Барсова как по расположению материала, так и по его освещению также примыкает к труду Ломоносова. Это сказывается, например, в проведении морфологического принципа орфографии, разграничении норм высокого и низкого стилей применительно к орфоэпии и грамматике и т.д. Нередко в обеих грамматиках совпадают даже примеры. Они показывают, что в основе грамматики Барсова также лежит анализ фактов не только литературного языка, но и живой народной речи, включая просторечие и отчасти диалекты.

Однако зачастую Барсов идет дальше "Российской грамматики", иначе освещая те или иные факты или рассматривая вопросы, не затронутые Ломоносовым (ср., например, деление существительных на одушевленные и неодушевленные и др.). Особенно значительно ему удалось углубить изучение многих вопросов синтаксиса и расширить круг синтаксических проблем. Прежде всего он переносит учение о предложении из риторики в грамматику и делает его, наряду со словосочетанием, одним из главных объектов синтаксиса. При этом Барсов довольно подробно описал способы выражения подлежащего и сказуемого, положил начало учению о ти-

пах простого и сложного предложения, указал на смысловое и грамматическое значение порядка слов, ввел в грамматику ряд удачных терминов, употребляющихся до сих пор, и т.д. "Таким образом, А.А.Барсов развил дальше учение о предложении, опираясь на труды Ломоносова и современных западноевропейских лингвистов, а также на свои собственные наблюдения. Объем и задачи синтаксиса значительно расширились будучи "наставлением о соединении и связании нескольких слов или и целых речей", синтаксис теперь включает в себя теорию предложения, развернутое описание структуры разных форм и типов предложения" (26, 57-58).

С другой стороны, на грамматике Барсова сказывается уже некоторое влияние логицизма^I. Это проявляется в стремлении установить связь между суждением и предложением, в выделении связки, наряду с подлежащим и сказуемым, и др. С этой же целью он перед собственно синтаксисом рассматривает ряд вопросов логики. Но вместе с тем Барсов не допускает крайностей логицизма и подчеркивает, что грамматические явления самостоятельны по отношению к логическим и поэтому одно и то же логическое содержание может передаваться разными языковыми средствами. Например, рассматривая предложение как выражение суждения, он в то же время отличает форму предложения от формы суждения.

"Таким образом, в синтаксисе А.А.Барсова впервые обозначается всесторонний подход к рассмотрению внутренних качеств предложения - с логической, структурно-грамматической, интонационно-смысловой и экспрессивно-стилистической точек зрения. Тут наблюдается зарождение и первичное

^I Философские грамматики были известны уже Ломоносову. Ср. его высказывание: "Общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению" (61, 420). Но они не оказали заметного влияния на его грамматическую систему.

оформление тех разнообразных взглядов на предложение, которые по большей части односторонне развивались в русской синтаксической теории на протяжении всего XIX века" (26, 65; см. также: 33, 34 и сл.).

В 1802 году вышла "Российская грамматика, сочиненная Российской академией". Ее главными составителями были академики Дмитрий и Петр Соколовы. По содержанию и характеру это учебное пособие также было продолжением ломоносовских традиций. Преимуществом сказывается во многих отношениях: стилистической направленности, исключением учения о предложении и его типах и сведении синтаксиса к изучению словосочетаний и типов синтаксической связи слов в предложении. Акад. Виноградов, давая общую оценку данного руководства, писал: "Итак, грамматика Академии Российской в основном продолжает в разработке форм русского словосочетания ломоносовскую грамматическую традицию, обогащая ее новыми наблюдениями над формами и типами словосочетаний. Однако, в Грамматике Академии Российской наблюдается и явный отход от синтаксических принципов Ломоносова в сторону лексикографического эмпиризма, в сторону М.Смотрицкого и Н.Курганова" (26, 98).

На отрицательном отношении к этой грамматике многих ученых сказались две причины. Во-первых, она вышла в то время, когда ломоносовская стилистическая система перестала играть сколько-нибудь ведущую роль в системе литературного языка. Поэтому во многих отношениях грамматика Академии Российской отражала языковое прошлое, а не настоящее. Недаром многие рассматривали ее даже как шаг назад по сравнению с "Российской грамматикой" Ломоносова. Во-вторых, как отмечал В.Виноградов, эта грамматика осталась в стороне от того синтаксического движения, которое было вызвано в то время появлением философских грамматик. Она была не в состоянии противостоять натиску последней, ибо не предлагала теории грамматики взамен ничего более существенного. Недаром ведь почти незамеченными оказались два последующих издания "Российской грамматики, состав-

ленной Академией Российской" (1809 и 1818 гг.).

После восстания декабристов на первый план была выдвинута политическая сторона народного просвещения, ей был подчинен весь учебный процесс. Перед созданным в мае 1826 года Комитетом устройства учебных заведений ставилась задача сличить все уставы учебных заведений России, рассмотреть и сравнить учебные книги и руководства, поручить профессорам и академикам восполнить пробелы в учебной литературе, "дабы уже за совершением сего воспретить всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадиям". В 1827 году Главное правление училищ поручает А.Х. Востокову составить руководство по русскому языку. В результате этого в 1831 году выходит сразу два пособия: "Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях" и "Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная". Обе книги были приняты министерством народного просвещения и выдержали большое число изданий. По подсчетам В.Водовозова, уже к 1871 году разошлось не менее 200 тысяч экземпляров учебных пособий Востокова.

"Русская грамматика" была составлена, следовательно, как школьный учебник. Поэтому в ней нет теоретических рассуждений, не дается обоснования принципов той или иной классификации. Все выводы, результаты наблюдений над языком представлены в виде кратких и точных определений. Востоков сумел не только обобщить все, что было сделано до него, но и на основе огромного фактического материала прийти к ряду новых, оригинальных выводов. В то время это была, по выражению Белинского, "лучшая из всех русских грамматик" (см. 6, 256). Более того, грамматическая система Востокова явилась одним из этапов истории русского языкознания и оказала определенное влияние на ряд последующих ученых.

Если определять место Востокова в истории отечественной грамматики, то прежде всего его следует рассматривать как самого видного продолжателя (и в какой-то мере завер-

шителя) идей Ломоносова. Влияние последнего особенно сказалось в методике исследования. Во-первых, если для грамматик того времени было характерно стремление подводить языковые факты под определенную (логическую) схему, то Востоков, как и его великий предшественник, выводит правила на основе анализа самих фактов. Во-вторых, это влияние сказывается в том, что главное место в грамматике занимает анализ морфологических форм, а синтаксис рассматривается только как учение о сочетании слов по способу согласования и управления. В-третьих, Востоков унаследовал от Ломоносова и стилистическую направленность грамматики. Он различает "важную или благородную речь" (= книжный язык), "простонародную" (= просторечие) и "обыкновенную речь или язык разговорный". Иначе говоря, он устанавливает стили на базе литературного языка пушкинской эпохи. Характеристика форм дается также в определенной степени в зависимости от этих стилей.

В целом "Русская грамматика" носит описательный характер. Элементы историзма в ней представлены слабо: они проявляются лишь в немногих исторических справках.

Книга Востокова содержит 4 раздела: словопроизведение (этимология), словосочетание (синтаксис), правописание и слогуударение. Следовательно, у него еще нет особого раздела фонетики, а соответствующие сведения разбросаны по разным главам.

Однако и в области фонетики Востокову удалось внести ряд существенных дополнений и поправок, показывающих более правильный взгляд на многие явления (см. об этом подробнее 25). Например, он в значительной мере дополнил сведения об условиях перехода е в о, впервые отметив, что такой переход не совершается в словах старославянского происхождения, а также на месте ѣ, за исключением нескольких слов. Востоков отметил также случаи перехода е в о перед мягкими согласными (несёте, везёте), т.е. указал на роль аналогии в процессе этого звукового изменения. Далее, он ввел новые термины "под-

вижное" и "неподвижное" ударение и установил основные закономерности в позиции русского ударения. Востокову удалось определить и в некоторых случаях исторически объяснить основные типы чередований звуков в русском языке и отметить их морфологическую сторону.

В морфологии Востоков, сохранив традиционные восемь частей речи, внес в их состав некоторые изменения. Имя, вслед за Орнатцким и Гречем, он разделил на имя существительное и имя прилагательное. Далее, причастие он считал не самостоятельной частью речи, а особой группой в составе имен прилагательных. Его анализ частей речи и их грамматических категорий отличается большой стройностью и новизной подхода при объяснении многих явлений. Например, Востоков дополнил классификацию существительных *singularia* и *pluralia tantum*, уточнил список слов общего рода, ввел новые приемы различения рода, все многообразие форм имен существительных свел к двум типам склонения: женскому и неженскому. При рассмотрении имен прилагательных Востоков ввел термин "относительные прилагательные", систематизировал учение о степенях сравнения, впервые отметил возможность перехода относительных прилагательных в качественные. Под понятием "глагол" он объединил личные формы, инфинитив, прошедшее время. При этом он утвердил учение о двух спряжениях (вместо трех прежних), удачно выделил глагольные классы, правильно связал различные формы времени с учением о видах, хотя и не смог упростить старую систему многочисленных времен¹. Кроме того, Востоков впервые отметил модальные слова, детально описал употребление и функции предлогов, дал удачную классификацию союзов по составу, употреблению и значению.

I

У Ломоносова еще не было учения о видах, вместо этого выделялось десять времен. Востоков уже подробно рассматривает категории вида, но в то же время сохраняет восемь времен в русском языке.

Вслед за Ломоносовым Востоков определял синтаксис как "словосочинение". Задача его - устанавливать правила, по которым нужно соединять слова в речи. "Когда речь ограничивается выражением одной мысли, тогда она называется предложением" (28, II6). Обязательный признак предложения - наличие глагола. Где его нет, там подразумевается вспомогательный глагол. При этом Востоков особое внимание обращает на различия между простым и составным сказуемым. Если в логических грамматиках всегда говорилось о трех членах, то у Востокова предложение состоит из двух частей: подлежащего и сказуемого, куда входит и связка 'быть' (изд. 6, 1844 г.). Кроме того, он выделяет в предложении определительные и дополнительные слова. Первые из них выражаются прилагательным, приложением и наречием, а вторые - косвенными падежами существительных, местоимений и инфинитивом. В функции определительных и дополнительных слов могут выступать также придаточные предложения, которые бывают полными и сокращенными. Сокращенные придаточные предложения представляют собой деепричастную или причастную конструкцию, а также именной оборот.

Востоков впервые ввел в русскую грамматику термин "словосочетание" и дал довольно полное и глубокое описание основных форм словосочетаний, особенно предложного и беспредложного управления. Согласование им понимается еще очень широко, с включением сюда и примыкания, которое было выделено в самостоятельный тип синтаксической связи лишь во второй половине XIX века.

Учение о простом и сложном предложении изложено очень кратко. Между этими понятиями не проведено еще четкого разграничения (к сложным Востоков относит и простые предложения с однородными главными членами), отсутствует деление сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные. Вместо этого Востоков дал подробную классификацию подчинительных союзов по значению, различая сравнительные, условные, уступительные и другие союзы.

Много нового Востоков внес в учение о порядке слов, связав его с изучением строя различных модальных типов предложения (повествовательные, вопросительные, ответные, повелительные).

Оценивая данный труд Востокова, акад. Виноградов писал: "Таким образом, не только востоковский очерк русской морфологии, высоко оцененный акад. А.А.Шахматовым, но и та часть "Русской грамматики" А.Х.Востокова, которая посвящена изложению системы русского синтаксиса, особенно в области учения о словосочетании и словорасположении, содержит множество ценнейших замечаний и наблюдений. Несмотря на удивительный лаконизм изложения, строгую простоту и сжатость, А.Х.Востоков в своем синтаксисе сумел дать тонкое, глубоко продуманное, систематизирующее все предшествующие наблюдения и вместе с тем вполне оригинальное описание основных форм словосочетаний в русском языке. Внутренняя "Русской грамматики" Ломоносова склонность к материалистическому освещению синтаксических явлений русского языка, трезвый реализм наблюдений, необыкновенный дар систематизации - все эти черты научного гения А.Х.Востокова заставляют признать его прямым последователем и продолжателем М.В.Ломоносова в развитии русской синтаксической (можно сказать грамматической. - С.С.) науки" (26, 193-194).

Мы проследили развитие одного из течений в русской грамматике. Его с полным основанием можно назвать ломоносовским, так как те принципы, которых придерживались и которые развивали сторонники этого течения, были заложены в трудах Ломоносова. К их числу можно отнести следующие:

1. Предметом грамматического анализа служил не только литературно-книжный язык, но и живая народная речь, включая элементы просторечия и отчасти диалектов.

2. Индуктивный характер грамматик, т.е. стремление выводить правила русского языка непосредственно из фактов живого употребления.

3. Нормативно-стилистическая направленность. Авторы всех перечисленных грамматик стремятся не только отразить

нормы литературного языка, но и показать особенности их проявления в различных языковых стилях.

4. В основе грамматик лежало учение о частях речи как лексико-грамматических группах слов. При этом определения частей речи строились на семантическом принципе, а их анализ шел по пути рассмотрения морфологических форм. Синтаксис вообще не занимал в грамматиках значительного места. Он рассматривался как учение о сочетании слов по принципу согласования и управления.

5. Учение о предложении дается главным образом в риториках. В основе анализа этой единицы лежало учение о членах предложения, которое во многих случаях нельзя было связать с учением о частях речи, так как они имели разные истоки, опирались на разные исходные данные и преследовали разные цели. Таким образом, в грамматиках возникает разрыв между этими понятиями.

х

х

х

Начало XIX века ознаменовалось значительными изменениями в русской грамматической мысли. Отчасти это было связано с реформами Александра I в народном образовании. В сентябре 1802 года комиссия народных училищ была преобразована в министерство народного просвещения. В 1804 году появился "Устав учебных заведений подведомых университетам". По этому уставу все учебные заведения подразделялись "соответственно обязанностям и пользам каждого состояния" на: 1) приходские училища, 2) уездные училища, 3) губернские, или гимназии, 4) университеты. Каждому учебному заведению были определены свои цели и задачи, составлены особые программы. Русская грамматика стала изучаться лишь в уездных училищах. В гимназиях была введена всеобщая (или философская) грамматика, которая вместе с логикой, психологией и нравоведением составляла предмет философии.

В Западной Европе философская грамматика получила начало в ХУП в., хотя некоторые ее идеи восходят еще к античности. Появление этих грамматик было связано с реформаторской деятельностью янсенистов. Но определенную роль сыграло также влияние идей Декарта. Испытания, перенесенные католической церковью в ХУІ веке, заставили ее напрячь все силы и провести необходимые преобразования. На почве этого возникло своеобразное учреждение Пор-Рояль, влияние которого сказалось в христианской догматике, литературе, этике и других областях.

Аббатство Пор-Рояль, находившееся под Парижем, в ХУП веке стало центром янсенизма. Оно было также широко известно своими учебными заведениями - женской и мужской школами, славившимися высоким уровнем преподавания. Янсенисты действительно уделяли большое внимание созданию новой школы. Они считали, что образование и воспитание ведет к одной цели: человек, развивая рассудок через образование, становится нравственно воспитанным. Отсюда естественно вытекал культ науки. Кроме теологического, в Пор-Рояль давалось и широкое светское образование. Изучались литература, философия и языки. Н.Кульман, исследовавший этот вопрос, писал: "Увлечение педагогическими вопросами должно было отразиться и на учебной литературе, бывшей в употреблении в янсенистских школах. Старые учебники и рутинные методы преподавания мало удовлетворяли янсенистов, поэтому они пошли новыми путями. Они поставили себе целью создать такие пособия и выработать такие методы, которые давали бы возможность ученикам в короткое время, с наибольшей пользой для развития и с неослабевающим интересом усвоить необходимые сведения. "Поменьше правил, побольше упражнений" - вот что было общим педагогическим девизом янсенистов" (55, 64-65).

Янсенисты придавали большое значение языкам и литературному образованию. Они начинали с основательного обучения родному языку и затем переходили к иностранным, которые усваивались преимущественно на литературных образцах.

Однако прежнюю грамматику с ее сухими определениями и обилием правил они отодвинули на задний план и одновременно создали новую дисциплину — всеобщую грамматику. Ее типичным примером является "Грамматика — всеобщая и теоретико-практическая, содержащая основы искусства речи, которые изложены ясным и простым языком, логические основы всего того, что есть общего между всеми языками, и главные различия между ними, а также многочисленные замечания по французскому языку". Она была составлена Антуаном Арно (1612-1694) и Клодом Лансло (1616-1695) и вышла в 1660 году. Эта грамматика была сразу же переведена на все основные европейские языки, затем неоднократно переиздавалась с различными приложениями и комментариями. "Грамматика Пор-Рояль явилась выдающейся для своего времени попыткой построить всеобъемлющую грамматическую систему на основе обобщения фактов ряда конкретных языков... Авторы Грамматики Пор-Рояль освободили свою лингвистическую концепцию от различных схоластических рассуждений, например, о "скрытых качествах и свойствах" языка, и попытались сформулировать общие законы построения языка-речи, отталкиваясь от универсализма и рационализма, руководствуясь некоторыми, уже ставшими для современников общепризнанными, положениями картезианства и не будучи ограничены какими-либо схоластическими нормами и догматическими постулатами" (65, 62).

Чтобы найти эти общие законы и тем самым выяснить причины существования таких явлений, которые характерны для большинства языков, составители обратились к логике. Это объяснялось тем, что законы логики едины для всего человечества, а, следовательно, они должны обуславливать некоторые единые принципы построения грамматического строя. В соответствии с этим языки представляются как бы различными видоизменениями некоторой универсальной языковой схемы, совпадающей в своих основных чертах с логической схемой.

Как убедительно показал Б. А. Ольховиков, создание "Граматики Пор-Рояль" имело важное значение для дальней-

шего развития языкознания. Во-первых, стремясь осмыслить строение и функционирование языка, а также факт многообразия языков, она заложила основы общего языкознания. Во-вторых, под ее влиянием зародилось течение, получившее название философии языка. В-третьих, "Грамматика Пор-Рояль" положила начало установлению универсальных свойств и категорий языка ("языковых универсалий")" (см. 65, 60-63). Именно поэтому нередко истоки теоретических предпосылок структурализма и лингвистической семиотики возводят к идеям универсальной грамматики.

Такой подход к языку, получивший наиболее полное выражение в "Грамматике Пор-Рояль", широко распространился в XVIII веке в Западной Европе и вызвал появление значительного количества работ, посвященных проблеме происхождения языка и изучению общих основ человеческой речи. В России всеобщая грамматика стала известна во второй половине XVIII века. В работах этого периода нередко упоминаются такие, например, имена, как Adelung, Court de Gebelin, Harris, de Brosses, Beauzée, Kempelen, du Marsais, Sylvestre de Sacy и др.

Переходным этапом от филологической грамматики (типа Ломоносовской) к философской было появление книги А.Никольского "Основания российской словесности" (СПб., 1807). Это учебное пособие, изданное для морских училищ, состояло из двух частей: грамматики со стихосложением и риторики.

Книга Никольского, с одной стороны, еще довольно тесно связана с Ломоносовской традицией. Это сказывается прежде всего в учении о восьми частях речи (понимание сущности частей речи, подробное рассмотрение формообразования, отсутствие учения о видах и вместо этого система многочисленных времен и др.). Правда, в отличие от "Российской грамматики", мы не находим здесь дифференциации форм по стилям, автор целиком старается опираться только на литературные (образцовые) примеры. Далее, как и у Ломоносова, выделяется особая глава "О сочинении слов", но несколько

иногое содержания. Автор стремится здесь определить правила употребления слов, изменения слов, управление одних слов другими, расположение слов. Поэтому рассматриваются, например, такие вопросы, как употребление увеличительных и уменьшительных существительных, слов *singularia tantum*, значение надежд, правила согласования прилагательных с существительными и под. Из правил расположения слов автор останавливается только на порядке слов в повествовательных и вопросительных предложениях, месте определяемого и определяющего и месте наречий. Иными словами, "Российская грамматика" в рассмотрении этих вопросов выглядит гораздо разнообразнее и содержательнее. Учение о предложении Никольский также переносит в риторику, если не считать кратких вступительных замечаний.

Однако, с другой стороны, в "Основаниях российской словесности" имеется уже много таких черт, которые связывают это пособие с философскими грамматиками. К числу их можно отнести следующие. Во-первых, грамматика начинается с логического введения, в котором рассматриваются понятия и их виды, рассуждения (суждения) и их части (подлежащее, сказуемое, союз), выделяются основные типы предложений (простые, сложные, утвердительные, отрицательные, общие, частные, теоретические и практические), которые во многом напоминают виды суждений. Уже в предисловии автор выдвигает следующее требование: "Чтоб правила сии, особенно правила всеобщей грамматики, основать на изъяснении понятия ума человеческого, дабы учащиеся не слепо следовали за учителем и не буквально затверживали преподаваемое учение, но собственным своим рассудком вникали в оное" (64, предисловие). Во-вторых, такие кардинальные понятия грамматики, как слово и предложение, объясняются на основе логических категорий. Ср.: "Всякое понятие, выраженное голосом или на письме, называется словом или речением" (64, 6)¹. "Когда разум наш два понятия между собой соеди-

¹ В другом месте он пишет: "Слова суть знаки понятий, произнесенные голосом или изображенные буквами" (64, 10).

няет, или одно от другого отделяет, таковое действие его называется рассуждением; а рассуждение, выраженное голо- сом или на письме, предложением" (64, 6). Отсюда рассу- ждения-предложения, по Никольскому, состоят из подлежащего ("того понятия, о котором рассуждаем, т.е. с которым со- единяем или от которого отделяем другое понятие") и сказу- емого ("тех понятий, которые соединяем с подлежащим или отделяем от онаго"). Подлежащее и сказуемое соединяются между собой союзом, который может и подразумеваться. Та- ким образом начала создаваться логическая основа синтак- сиса русского языка, отдельные элементы которой наблюда- лись уже у Барсова. В-третьих, в грамматике Никольского отражено наиболее основное, типичное для языка, закрепив- шееся как норма, а не все многообразие языковых форм с их социально-диалектной дифференциацией.

В последнем случае можно видеть также влияние трудов Готшеда и Аделунга, которые положили начало практическим грамматикам в Германии, когда там обучение родному языку вошло в число школьных предметов. Для осуществления этой задачи Готшед использовал готовые схемы латинской грам- матики и произведения образцовых писателей. На этой осно- ве были составлены учебные пособия с целью научить пра- вильно говорить и писать на родном языке. Но при таком подходе практическая грамматика начинает смыкаться с ло- гической. На это в свое время указал еще Буслаев: "Огра- ничив свой материал немногими примерами, выписанными из сочинений одного, или много двух, трех образцовых писате- лей, она видела в языке не иное что, как случайное соче- тание звуков, приноровленное писателями к выражению мыс- ли; и, вследствие того, давала господство общим логиче- ским отношениям мысли над этимологическою формою" (22, 568).

В 1810 году выходит "Всеобщая, философская граммати- ка, изданная Николаем Язвизким". Сам автор в предисловии писал следующее: "Во всем держался я всеобщей грамматики французского писателя Порт-Рояля; только где нужно, сде-

дал перемены; многое выбросил, многое прибавил" (99, 3-4). Кульман, подробно исследовавший этот вопрос, пришел к заключению, что 3, 4, 5 и 6 главы действительно полностью совпадают с грамматикой Пор-Рояль, а 1 и 2 значительно сокращены. Кроме того, если в грамматике Пор-Рояль анализируются преимущественно греческий, латинский, древнееврейский и французский языки, то Язвицкий добавляет к этому и русские примеры.

Поскольку всеобщая грамматика рассматривалась как "основание всех грамматик и всех языков", то необходимо было найти такую универсальную единицу описания, которая действительно могла бы быть приложимой ко всем языкам. Вполне естественно, что в тот период в роли такой единицы могли выступать только логические категории. Поэтому Язвицкий и рассуждает следующим образом. У нашего ума есть три действия - понятие, суждение и умозаключение. "Когда сии три рода мыслей выражаются словами, то они переменяют имена; понятие называется словом, суждение - предложением, умозаключение - доводом" (99, 30). Каждое суждение-предложение заключает в себе две части - подлежащее и сказуемое. Для связи их служит сориса (связка).

Язык состоит из слов-знаков. У знака есть две стороны: внешняя (звук и начертания) и внутренняя (значение). Люди нуждаются в знаках для выражения того, что происходит в их душе. Но для этого они должны были изобрести различие в словах, чтобы одни из них означали предметы мысли, а другие - их образ. К первым относятся имена, члены, местоимения, причастия и наречия, а ко вторым - глаголы, союзы и междометия. Предметами мыслей могут быть либо вещи, либо качества. Вещи (существа) имеют бытие сами по себе, а качества - только в вещах. Слова с первым значением называются существительными, а слова со вторым значением - прилагательными. Глаголы - это слова, употребляемые для обозначения утверждения.

Аналогичные мысли легко найти и в грамматике Пор-Рояль (см. об этом: 65, 66 и сл.). При этом нельзя не отметить.

что все рассуждения Язвичкогo также несут на себе печать рационализма: в языке все создано человеком сознательно для более удобного выражения мыслей. Например, род существует для того, чтобы сделать разговор менее смешанным и украсить его разнообразностью окончаний; местоимение I-го лица введено потому, что "в разговоре бесполезно и смешно было бы называть себя всегда по имени" и под.

Синтаксис в книге Язвичкогo занимает всего восемь страниц. Различается словосочинение сходственности (т.е. правила согласования) и словосочинение управления ("когда одно из двух слов производит перемену в другом"). И, кроме этого, формулируются некоторые правила "естественного" порядка слов, т.е. такого, когда в предложении ни одно слово не опущено и нет ни одного лишнего. Затем объясняются различные изменения естественного порядка слов и отсюда выводятся разные фигуры речи.

В 1810 году вышла из печати еще одна книга - "Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных" И. Орнатовского.

Автор, как это принято в философских грамматиках, начинает с рассуждений о достоинстве человеческого слова, его происхождении и о языке вообще. "Слово, - пишет он, - есть единственное орудие, делающее человека действительным членом общества, соединяющее души людей между собой, трогательное и склоняющее их к взаимному вспоможению, - обнаруживающее сокровеннейшие движения сердца" (68, 4). Даже мышление без языка было бы так же мало полезно, как часы без указателя. Все языки имеют то общее свойство, что служат для выражения человеческих понятий посредством членораздельных звуков. Поэтому основание языка у всех народов одно и то же. Но между языками существуют и различия, так как "всякий язык порознь предполагает согласие народа, сии, а не другие членораздельные звуки употреблять ко взаимному сообщению понятий" (68, 37).

На основе этого Орнатовский проводит деление грамматик на всеобщие и частные. "Всеобщая грамматика рассмат-

ривает состав слова человеческого в отношении его к тем понятиям, которые изображаются членораздельными звуками и которые составляют существенный предмет сей способности. Следовательно, сия наука основывается на умствованиях. Частная грамматика руководствует к тому, чтобы членораздельные звуки, принятые каким-нибудь народом за знаки понятий, употреблять вразумительным и тому народу свойственным образом" (68, 37-38). Правила частной грамматики должны выводиться "из всеобщего, письменного, просвещеннейшими в обществе людьми употребляемого языка", в то время как наречия могут служить для объяснения или дополнения этих правил, а не их основой, базой.

Рассматривая разделы грамматики, Орнатовский исходит из того, что у всякого познания есть два источника - чувствования и разум. Поэтому он прежде всего стремится дать определение ощущения, представления и понятия. "Когда мы понятие изображаем или членораздельными звуками, или письмом, тогда сии средства, служащие к возбуждению в других тех же самых понятий, называются словами или речениями" (68, 39-40). При соединении одного понятия с другим образуется суждение, состоящее из подлежащего и сказуемого. Если суждение выражено членораздельными звуками или письменными знаками, то оно называется предложением. Однако для выражения мыслей недостаточно одних понятий и суждений, необходимы еще и средства для выражения отношений между ними. В соответствии с этим Орнатовский выделяет в грамматике этимологию, синтаксис, орфоэпию и орфографию.

Этимология (словопроизведение), по мнению автора, должна рассматривать "наружное образование или состав слов и отношение оных к самим понятиям" (68, 42). При решении последнего вопроса (т.е. об отношении слов к понятиям и разделении их на части речи) он исходит из того, что основной и исходной единицей грамматики должно быть предложение, к которому сводится вся человеческая речь. Всякое предложение состоит из трех частей - подлежащего, сказуемого и связки. Следовательно, в языке различается

три знаменательных части речи - имя, глагол и союз. Но поскольку всякий предмет можно рассматривать с разных сторон, то соответственно этому Орнатовский выделяет следующие части речи: имя, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, междометие.

Под именем Орнатовский понимает такое слово, которое обозначает предмет и составляет подлежащее нашего суждения. Сюда же следует относить и те слова, которые обозначают свойства предметов, но существующие как бы сами по себе (леность, нежность). Прилагательное выражает свойство или качество, находящееся в предметах. Числительное обозначает количество предметов. Местоимение есть сокращенный способ называть лица и вещи, которые встречаются в нашей речи. Глагол означает состояние, действие или страдание предметов. К наречиям относятся слова, ограничивающие свойства и степень сказуемого. В отличие от этих частей речи иной характер носят предлоги и союзы. Предлоги выражают различные отношения понятий и слов в суждении и речи. Союзы служат для соединения двух и более понятий или предложений.

Если говорить об учении Орнатовского о частях речи, то необходимо прежде всего отметить две особенности. Во-первых, он впервые выделяет числительные в самостоятельную часть речи, значительно предвосхитив Павского^I. Во-вторых, намного раньше Греча и Востокова причастие здесь исключено из состава частей речи. Ср. следующее высказывание автора: "Ибо если существенное различие слов должно состоять в различении самих понятий, словами изображаемых, то между при-

^I Поэтому не совсем точно следующее утверждение Н.С.Поспелова: "Новым по отношению к предшествующей традиции грамматического учения о слове является у Павского утверждение грамматической самостоятельности числительных. Числительные в предшествующей научной традиции еще не занимали особого места как отдельная часть речи, а Павский подробно останавливается на грамматической структуре числительных, говорит о том, что близость числительных и к существительным, и к прилагательным, и к местоимениям не отнимает у них их грамматической самостоятельности" (75, 10).

частием и глаголом не более разности, как между глаголом и неопределенным наклонением. В том и в другом заключается понятие действия, или страдания, или положения предмета. Неопределенное наклонение изображает сии состояния, не приписывая оных определенным лицам, вещам и, следовательно, не выражая ни числа оных, ни времени; причастие, соединяя подлежащее и сказуемое в одно слово, из двух суждений составляет одно, не разрушая понятия о действии, страдании или положении предмета, и при том сохраняя впечатление времени, числа и лица глагола. Посему причастие и деепричастие суть такие же изменения глагола, как и прочие наклонения" (68, 123-124).

Несмотря на логическую основу грамматики Орнатовского, синтаксис в ней рассматривается как правила соединения слов. Предметы, окружающие нас, находятся в бесчисленных отношениях между собой. Поэтому многообразны и средства, выражающие отношения понятий. В связи с этим в предмет синтаксиса включаются также правила употребления любого изменения слова и правила размещения слов по отношению к подлежащему и сказуемому. Отсюда, в словосочинении (синтаксисе) рассматриваются, наряду с правилами согласования и управления различных частей речи, значения падежей, употребление глагольных форм (наклонений, времен), употребление союзов.

В.В.Виноградов, оценивая книгу Орнатовского в целом, справедливо отмечает, что она "представляет собой неорганическое соединение глав традиционной русской грамматики, в которой еще отсутствует подробное изложение учения о предложении и его членах, с некоторыми общими рассуждениями философической грамматики" (26, 126). Кроме этого, нельзя не отметить также рационалистический характер этой грамматики, достигавший нередко крайностей. Например, рассуждая о роде существительных неодушевленных и отвлеченных, Орнатовский высказывает, что мужской род люди приписали таковым вещам, "кои имеют некоторое свойство крепости, деятельности, общительности и вообще действия", а женский род таким, которые "служат к вмещению чего-нибудь, или к

произведению и вообще по природе своей более страдательны, нежели деятельны; более тихи, красивы, приятны, нежели крепки".

В 1811 году выходит книга И. Тимковского "Опытный способ к философическому познанию российского языка". Она представляет собой не учебник, а скорее методическое пособие для преподавателей. Поэтому в ней даются наставления по грамматическому разбору частей речи и предложений, образцы такого разбора и сборник упражнений, несколько напоминающий хрестоматию. Бросается в глаза и другая особенность книги. Обычно философские грамматики рассматривали язык вообще. Тимковский же при помощи правил всеобщей грамматики хочет объяснить "употребление российского слова". Это, естественно, накладывает свой отпечаток на отбор материала и его толкование.

Может быть, лучше всего взгляды Тимковского отражает грамматический разбор, который он предлагает в своей книге. Мы в качестве примера возьмем только две первые строчки: "Уже прекрасное светило простерло блеск свой по земли".

Вначале Тимковский рекомендует определять часть речи, для чего все слова необходимо поставить в исходной форме. Например:

"1) У ж е: Наречие. П р е к р а с н о е, прекрасный, красный: имя прилагательное. С в е т и л о, имя существительное.

2) П р о с т е р л о, простереть, постираю, глагол. Б л е с к, имя существительное. С в о й, местоимение. П о, предлог. З е м л я, земля, имя существительное" (91, 57).

Затем анализируется "грамматический смысл выражения", т.е. выделяются подлежащее и сказуемое и слова, которые от них зависят и которые выступают по отношению к ним как определительные. При каждом случае рекомендуется ставить вопрос: "Довольно ли было бы для смысла, если бы сего слова не было бы в речи?" Ср.:

"1) С в е т и л о есть подлежащее, о котором говорится в выражении.

Простерло блеск есть сказуемое, что о подлежащем, о Светиле говорится. Остальным определяется подлежащее и сказуемое.

Действие подлежащего. Простерло; кто? что? Светило (солнце). Нельзя ли полнее сделать понятие о Светиле? какое Светило? Прекрасное.

2) Светило простерло; довольно ли для смысла? что простерло? Блеск, чей? свой. Простерло блеск, довольно ли для понятия о действии? Когда простерло? Уже, после ночи, при ожиданиях, прежде сего времени. Уже простерло блеск, довольно ли для понятия о действии? где простерло? По земли" (91, 58).

Наконец разбор завершается анализом частей речи по их грамматическим свойствам.

"1) Уже, наречие времени, часть речи неперемняемая. Прекрасное, имя прилагательное, относится к светилу. Светило имя существительное. Какого рода, склонения? в каком числе, падеже? - Склонять по падежам единственного и множественного числа.

Прекрасное, прекрасный имя прилаг. в превосходной степени. Прекрасней, краснейший, самый красный. В положит. степени, красный. В уравнил. краснее. Какие другие грамматические постепенности красного? Красноватый, красненький, очень красный, весьма красный.

Прекрасное, сходство его с существительным: в каком роде, числе, падеже? - Склонять его вместе с существительным мужского рода, потом с существ. женского рода и с его существ., которое среднего рода.

2) Простерло, простереть, простираю, глагол, кто простер? Светило. Какого залога и спряжения глагол? в каком наклонении, времени, числе и почему, лице и почему? роде и почему? - Провести сей глагол по всем наклонениям, временам, числам, лицам, родам, деепричастиям, причастиям" (91, 62-63).

Кроме этого, в книге Тимковского большое место зани-

мают такие вопросы, как словоизменение и словообразование разных частей речи, лексическая синонимика, порядок слов, анализ смысла отдельных выражений, отношение славяно-русского языка к другим языкам, основные этапы истории русского литературного языка и др. Книга снабжена большим количеством примеров и текстов, взятых как из древней, так и новой русской литературы.

Следовательно, традиции философской грамматики здесь сказались преимущественно в синтаксическом разборе. Если раньше в синтаксисе ведущее место занимало учение о словосочетании и типах связи слов, то теперь центральное место начинает занимать понятие суждения-предложения и членов предложения.

Наиболее философский характер в этот период носила грамматика Л.Г.Якоба. Людвиг Гейрих Якоб, немец по происхождению, вначале занимал кафедру философии и затем государственных наук в Галльском университете. После закрытия университета Наполеоном переехал в Россию и был назначен профессором дипломатии и политической экономии в Харькове (1807 г.). Оттуда он перешел в Петербург и стал сотрудником Сперанского. Последние годы жизни провел в Галле.

В декабре 1807 г. Якоб прислал в Главное правление училищ письмо, в котором предлагал составить учебные книги для преподавания философских наук, подчеркнув, что его учебники приняты почти во всех университетах Германии. Члены комитета это предложение приняли. Уже в 1808 г. Якоб представил первую книгу, содержащую начертание логики. Книга получила хороший отзыв и была переведена на русский язык. В 1812 г. был завершен весь труд под названием "Курс философии для гимназий Российской империи", состоявший из 6 частей. Автор получил за него солидное вознаграждение и был пожалован даже орденом св. Владимира.

Вторую часть "Курса философии" составляет "Начертание всеобщей грамматики", которое по приказу министра народного просвещения было введено во всех гимназиях в качестве учебника.

Свою книгу Якоб начинает с выяснения теоретических вопросов языкознания и прежде всего с понятия знака, под которым понимает "каждый чувственный предмет, служащий средством к возбуждению другого определенного понятия в душе нашей" (IOI, I). Он различает знаки естественные (необходимые) и искусственные (произвольные). Искусственными знаками могут быть предметы видения (телодвижения, изображения предметов, письменные знаки) и предметы слуха (звуки, произносимые людьми). Членораздельные звуки, служащие для произвольного обозначения понятий, Якоб называет словами. Затем он проводит довольно интересное разграничение между языком и речью. "Г о в о р и т ь значит произносить слова, как членобразные звуки. Совокупность слов, для сего употребляемых, называется языком" (IOI, 3) ^I. Цель языка - сообщение мыслей. Но для этого могут служить и другие искусственные знаки. Тем не менее, словесный знак, по мнению Якоба, как наиболее совершенный занимает особое положение среди других знаковых систем. "Знаки необходимо нужны к мышлению, поелику без оных не можно никакой мысли в отвлеченности составить, а тем паче удержать... Разум, неоспоримо, без онаго (т.е. словесного языка) никогда не мог бы достигнуть той степени совершенства, которого он при помощи языка достигнуть может, поелику язык способнее всех возможных признаков, как к сохранению, так и сообщению другим наших мыслей" (IOI, 15).

В языке Якоб различает два ряда явлений: а) слова, составляющие материя или содержание, и б) образ и способ образования и изменения слов, т.е. форма. Однако предметом грамматики должно быть только изучение форм языка, т.е. "начертание правил, по которым слова составляются, перемещаются и соединяются в предложения и периоды" (IOI, 17).

^I Ср. также: "Цель языка есть утверждение, а особливо сообщение мыслей. Говорить (*sprechen*), изваяя чрез то свои мысли, называется в особенности вести речь (*reden*). Речь есть ряд слов, выражающих соединяемые мысли" (IOI, 3).

В зависимости от нашего подхода к этим явлениям грамматика может быть двоякого рода. "Грамматика, определяющая посредством сравнения, сходство и несходство многих языков, называется сравнительной грамматикой" (101, 17). "Наука, излагающая законы формы каждого языка вообще, называется всеобщей грамматикой или всеобщим языкоучением" (101, 18).

Далее Якоб излагает принципы деления грамматики на составные части. Он исходит непосредственно из языковых функций. Язык служит для выражения мыслей. В мыслях же различаются: а) действия разума порознь и б) их соединения в одно целое. Отсюда в языке соответственно должны быть: составные части (элементы) языка и способы их соединения в одно целое. Первые из них рассматриваются во всеобщей теории частей речи, вторые - во всеобщем синтаксисе.

Выделение частей речи (классов слов) строится на основе структуры суждения. Всякое суждение состоит из подлежащего, сказуемого и связки. Следовательно, все классы слов можно познать путем разложения суждения, так как они или обозначают члены суждения, или служат для их определения (уточнения), или выражают отношения между словами и предложениями. На основе этого Якоб все слова делит на следующие группы:

1. На слова, означавшие подлежащее (*nomina substantiva et pronomina*).
2. На слова, означавшие сказуемое:
 - а) слов, означавших подлежащее (*adjectiva*),
 - б) слов, означавших сказуемое (*adverbia*).
3. Слова, выражающие суждение (т.е. глаголы. - *C.C.*)
4. Слова, означавшие отношение.
 - а) Слова единственных понятий (*praepositiones*).
 - б) Слова предложений (*conjunctiones*).
5. Слова, выражающие чувство (*interjectiones*)" (101, 21). В первые четыре класса входят слова мыслей. В отличие от них, слова чувствований обозначают не понятия чувствований, а "самое состояние чувствований".

Значительное место в книге Якоба занимает вопрос

о "переменах слов". Автор полагает, что формы слова (как словоизменительные, так и словообразовательные) являются необходимым признаком частей речи. Например, любое понятие можно представить себе подлежащим, но словом подлежащего является только такое, которое имеет соответствующую форму. Формами подлежащего Якоб считает падеж, число, а также порядок слов, служебные слова, префиксы и суффиксы, формы увеличительности и уменьшительности. Для прилагательных (сказуемых подлежащих) характерными формами являются степени сравнения. Число и падеж этих слов обусловлены тем, к какому подлежащему они относятся. По числу и падежу не изменяются наречия (сказуемые сказуемых), так как они не относятся к подлежащим, а показывают только видоизменения сказуемых. У глаголов Якоб отмечает такие формы, как лицо, число, род, время, наклонение, залог. Этим изменяемым словам он противопоставляет неизменяемые части речи (союзы, предлоги, междометия).

Вторую часть книги Якоба составляет синтаксис, который, по его мнению, есть учение "1) о соединении слов, для определения, посредством оных, отдельных понятий в предложениях; 2) о составлении слов в предложения, а предложений в периоды" (IOI, 83).

Рассматривая соединение слов в предложении, Якоб опять же исходит из того, что любое суждение состоит из подлежащего, сказуемого и связки. Каждое из этих понятий можно определить многими словами (например, подлежащее - другими подлежащими, сказуемыми, предложениями). При этом слова, служащие для определения подлежащего, относятся к нему, как сказуемые (по терминологии Якоба). Если в роли сказуемого выступает другое подлежащее, то оно должно быть согласовано в числе и падеже с определяемым словом. "Такое соединение существительного с другим, выражающим признак, подобно прилагательному, называется приложением" (IOI, 84). Если же подлежащее определяется членом или сказуемым, то в языках, имеющих склонение, они должны согласовываться с существительным в роде, числе и падеже. Но подлежащее может определять другое подлежащее, обозначая не какой-

нибудь внутренний признак, а только отношение. Формально это выражается через падежи и предлоги. "Слово, определяющее падеж другого слова, управляет оным" (101, 85). Подлежащее может быть определено также целыми предложениями, которые присоединяются при помощи относительных (возносительных) местоимений и союзов.

Глагол может определяться наречиями, падежными и предложно-падежными формами подлежащих. "Слова, которые прибавляются к словам, означаящим подлежащее и сказуемое для пополнения смысла в предложении, называются дополнительными словами" (101, 94).

После этого Якоб переходит к учению о предложении и периоде. "Когда подлежащее и сказуемое, посредством суждения, совокупляется, тогда бывает предложение" (101, 95). Предложение может быть выражено одним или несколькими словами, но главным из них всегда выступает подлежащее, "к которому все относится, что об нем ни говорится". Предложения бывают простые или сложные, в зависимости от того, выразят они одно или несколько суждений. "Сложные предложения бывают или такие, в которых находящиеся предложения относятся только к подлежащему, либо сказуемому одного предложения или многие предложения поставляются в каком-либо отношении друг к другу. Первые называются подробными, последние соединительными предложениями" (101, 96). Кроме этого, Якоб делит сложные предложения на основе отношений между их составными частями. Он различает отношения согласия (соединительные, сравнительные и уступительные предложения), противоположности (разделительные и противительные предложения), отношения времени (предложения современности, следования, продолжительные), отношения зависимости (винословные, условные, конечные, подчиненные, последовательные, наносительные предложения).

Наряду с этим, проводится классификация предложений по модальности. Все предложения соответственно разделяются: "I. На умозрительные:

I. Безусловные, или самостоятельные предложения, вы-

ражаемые посредством изъявительного наклонения.

2. Условные, зависимые, или относительные, относящиеся и зависящие от других. Сие показывается то сослагательным наклонением, то неопределенным, то союзом.

3. Проблематические, или вопросительные предложения, обнаруживаемые то каким-либо особенным наклонением, то наречием.

II. Практические:

1. Требовательные, или повелительные, означаемые повелительным наклонением.

2. Желательные, означаемые желательным наклонением" (101, 99-100).

Сложные предложения Якоб по традиции называет периодом. Составные части периода - главное предложение и побочное, которое служит для объяснения и определения главного. Однако в целом теория периода оказалась в его книге фактически неразработанной.

Оценивая "Начертание всеобщей грамматики", необходимо различать две ее стороны: научную и учебную. В научном отношении книга Якоба поставила немало новых вопросов (а отчасти и показала пути для их разрешения). К их числу можно отнести следующие: знаковая природа языка, разграничение языка и речи, формы и содержания, рассмотрение отношений слов как определяющего и определяемого (прообраз будущей синтагмы), выделение главной и придаточной (побочной) части внутри сложного предложения, некоторые наблюдения над соединением слов в предложениях и др. По-своему последовательно проведена логико-синтаксическая точка зрения не только в синтаксисе, но и в теории частей речи.

Однако, наряду с этим, нельзя не отметить и такие недостатки, как непоследовательность и запутанность терминологии, сложность и иногда даже непонятность изложения, полное отсутствие фактического материала. Но главное даже не в этом. Грамматика Якоба действительно носила всеобщий характер, отражала такие черты грамматического строя, ко-

торые характерны по крайней мере для многих языков. Это обуславливалось всей логико-семантической основой, на которую опиралось грамматическое построение Якоба. Языкознание же в тот период явно переходило на сравнительно-исторические начала. Поэтому на первый план все больше выдвигались не общие логические построения, а национальная специфика отдельных языков. Это вытекало уже из самой сущности нового метода. Ведь для исторического изучения конкретных языков и их сравнения с другими родственными языками важны были не их общие, логико-грамматические основы, которые не могли быть предметом сравнения, а отдельные факты в их неповторимо-индивидуальном своеобразии, в их сходствах и различиях¹. В этом отношении книга Якоба вскоре оказалась на обочине основного пути развития лингвистической мысли, хотя логическое и сравнительно-историческое еще довольно долго шли рядом, то взаимно переплетаясь, то борясь друг с другом.

Как учебное пособие "Начертание всеобщей грамматики" получило довольно объективную оценку в работе Кульмана "Из истории русской грамматики". Он писал: "Легко представить себе, с каким трудом усваивали ученики этот отвлеченный материал. Можно даже сомневаться, усваивали ли: слишком далеки от живого языка были построения философской грамматики, слишком сухо было изложение. Если прибавить к этому, что в учебнике Якоба не было решительно никаких примеров, то станет ясным, почему новый учебный предмет вызвал скоро нападки и потерпел крушение" (55, 83).

¹ Вообще если приглядеться к развитию языкознания на протяжении нескольких эпох, то нетрудно заметить, что в науке о языке время от времени происходит переход от эмпирической лингвистики к теоретической и наоборот. И это объясняется, как правило, тем общим обстоятельством, что эмпирические исследования создают основу для теоретических построений; новая же теория обычно дает возможность шире и глубже взглянуть на языковые факты и снова приступить к их исследованию, опираясь уже на новую теоретическую базу.

Действительно, вначале в учебнике Якоба отмечались большие педагогические достоинства: "основательность, порядок, ясность, краткость и сообразность с планом учения и со временем, определенным для этого предмета в гимназиях" (55,90).

Однако положение всеобщей грамматики не было прочным¹. Уже в 1811 г. по разрешению министра народного просвещения в петербургской уездной гимназии был введен новый учебный план, по которому исключался ряд предметов, в том числе и философская грамматика. Вместо этого больше внимания стали уделять закону божьему, географии, истории, математике, словесности, греческому и латинскому языкам. Опыт оказался удачным, и позднее (в 1817 году) его решили распространить на все губернские гимназии. С этой целью был создан Особый комитет для разбора учебных книг (с марта 1818 года - Ученый комитет). В июне 1818 г. Ученый комитет заявил, что "признает всеобщую грамматику, сочиненную Г. Якобом и изданную для преподавания в гимназиях, не иным чем, как обезображенным умозрением давно известных грамматик и вообще сочинением праздным и бесплодным, и не находит полезности не только в сей книге, но и ни в какой другой, под сим названием доселе известной, не находит потому, что ни одна из них не представляет коренных начал слововедения, способствующих к открытию законов вещественного и умственного образования всех языков. Посему комитет полагает преподавание всеобщей грамма -

¹ Здесь оказал влияние и тот факт, что вскоре обнаружилось многие пробелы в новых учебных планах. Прежде всего, гимназия с трудом достигала своей основной цели - готовить учащихся к слушанию университетских курсов. Богатые дворяне вообще старались избегать общей школы, предпочитая домашних учителей и частные пансионы. Для бедных чиновников, купцов и мещан, старавшихся поскорее пристроить своих детей на службу, многопредметная программа гимназий казалась излишней роскошью (см. 80, 69).

тики отныне во всех гимназиях прекратить, а употребляемые доселе для сей науки часы посвятить другим упражнениям, в особенности по части словесности; о чем и представляет на уважение главного училищ правления" (55,90-91). Главное правление училищ решило утвердить мнение Ученого комитета. Таким образом, философская грамматика оказалась изъятой из учебного плана гимназий и передана в ведение университетов.

Н. Кузьман и С. Рождественский уничтожение философской грамматики, наряду с педагогическими, связывают также с политическими причинами. Дело в том, что 1818 год был вершиной либеральных настроений той эпохи и началом борьбы со свободомыслием. Уже при графе Разумовском, тогдашнем министре просвещения (1810-1816), сочувствие к протестантским германским университетам заколебалось, любовь к наукам и забота о них стали считаться опасной ошибкой. В 1817 году было создано министерство духовных дел и народного просвещения во главе с кн. Голицыным. Тем самым наука была взята под подозрение. Новое министерство выступило прежде всего против прежнего либерализма и просветительных идей XVIII в. "В учебных заведениях, которые с такими светлыми надеждами учреждаемы были во всех краях России, видели скопище полужнаек, самоуверенных и заносчивых, легкомысленных поклонников моды, всегда готовых разрушить то, чего они не жалуют, то есть все" (55, 92). Таким образом, изъятие философской грамматики в определенной степени явилось одним из следствий нового политического курса. В то же время это означало явную победу старой практической грамматики, учившей правильно говорить, читать и писать на материале литературной речи.

Однако традиции всеобщих грамматик с их стремлением уяснить логику речи и установить связь логических и грамматических категорий не исчезли бесследно.

В 20-30-е гг. XIX века они были продолжены Н. И. Гречем,

хотя в целом в его трудах отразилось в той или иной степени влияние различных направлений, в том числе и практических грамматик (см. об этом: 33, 68-76; 26, 135-139).

Николай Иванович Греч родился в 1787 году. Первоначальное образование он получил дома, затем в янкерской школе, учрежденной при сенате для подготовки гражданских чиновников. В 1804 г. поступил на гражданскую службу и одновременно стал вольнослушателем в педагогическом институте. После окончания института Греч был определен в 1811 г. смотрителем с.-петербургских училищ. В 1814-17 гг. состоял старшим учителем русской словесности в С.-Петербургской гимназии. Первыми его филологическими трудами были "Таблица русских склонений" (1809 г.) и "Таблица русских спряжений" (1811 г.). Но особенно развернулась издательская деятельность Греча после отмены преподавания философской грамматики. Дело в том, что Ученый комитет, созданный еще в 1818 году для рассмотрения вышедших учебных пособий и отбора из них лучших в качестве обязательных, признал все грамматики неудовлетворительными. В 1828 году был опубликован новый устав, который строго отделял гимназии от уездных и приходских училищ. Одновременно он отводил большее место изучению родного языка. "Значение, придаваемое уставом грамматике, вызвало у нас появление так называемых практических грамматик; с другой стороны, отсутствие на время в текущей литературе потребной для целей устава книги подстрекнуло ловкую издательскую предусмотрительность Н. И. Греча и создало из него филолога, с изумительной плодовитостью наводнившего нашу учебную литературу разнообразными вариантами первоначальной своей грамматики" (95, 254).

Уже в 1823 г. Греч издает небольшую брошюру "Корректурные листы русской грамматики". В 1827 году появляется объемистая "Пространная русская грамматика" (II изд., 1830), которая "произвела должный эффект и сразу же усвоила за автором... довольно громкую известность" (95, 258). В 1827 и 1828 гг. выходят два сокращения этой книги:

"Практическая русская грамматика" и "Начальные правила русской грамматики". Последняя вполне соответствовала новому уставу и до 1842 г. выдержала 9 изданий, а с 1843 по 1860 г. в переделанном виде под названием "Краткая русская грамматика" еще 11 изданий. В 1832 г. Греч печатает "Практические уроки русской грамматики", вышедшие позднее под названием "Руководство к изучению русской грамматики", в 1840 г. - "Чтения о русском языке". В 1851 году выходит новое видоизменение - "Учебная русская грамматика для учащихся" и "Руководство к преподаванию по ней для учащихся", которые были утверждены в качестве учебных пособий ведомством военно-учебных заведений. В следующем году он переиздает их под заглавием "Задачи учебной грамматики". Затем обратив внимание, что большое значение придается элементарному обучению, Греч в 1852 г. издает "Начальную русскую грамматику", а в 1860 г. переименовывает ее в "Русскую грамматику первого возраста". В таком виде она была принята духовно-учебным ведомством и до 1868 г. выдержала три издания.

Умер Греч в январе 1867 года. Но еще раньше померкла его слава. Например, уже в 1859 году Котляревский называет грамматику Греча "старой телом и духом" (98, 26).

Свои исходные принципы Греч изложил в "Пространной русской грамматике". Он рассматривает язык как средство для выражения чувствований и мыслей и их сообщения другим людям. Следовательно, говорить значит мыслить вслух, а мыслить - говорить в уме. Отсюда Греч устанавливает тесную взаимосвязь логики, как науки о законах мышления, и грамматики, как науки о правилах выражения мыслей. Изучение языка с точки зрения отношений между содержательной и звуковой стороной он называет философским. Но этого недостаточно: нужно еще рассмотреть вопрос о происхождении и развитии языка, т.е. подойти к нему исторически. Каждый из этих двух подходов может быть общим и частным: "в первом случае рассматриваются общие законы, по коим человек, как существо чувствующее и умствующее, долженствовал составить

и должен употреблять язык; в последнем излагаются происхождение языка одного известного народа и состояние оного у сего народа в известное время" (29, 4).

Греч предметом своего сочинения считает грамматику русского языка в нынешнем его состоянии. Поэтому исторических вопросов он касается только во введении к "Пространной русской грамматике", останавливаясь на проблеме происхождения и развития человеческого языка вообще, а также возникновения и отчасти истории русского языка и его отношении к другим языкам, преимущественно славянским.

В отличие от многих других авторов, Греч не рассматривает язык, как нечто однородное, лежащее в одной плоскости. Он различает язык разговорный (устный) с его социальной и территориальной дифференциацией и книжный (письменный), куда включает язык науки, поэзии, а также язык отдельных писателей и поэтов. Вследствие этого перед ним встал вопрос, какую разновидность языка он должен представить в своей грамматике. На этот вопрос Греч отвечает следующим образом: "Русская грамматика, составляющая предмет сего сочинения, есть, следовательно, собрание правил русского языка общенародного и книжного, на степени нынешнего его образования" (29, 37).

Правила такой грамматики должны опираться на неизменные принципы всеобщей грамматики и отвечать следующим требованиям: "Во-первых, правила сии должны быть основаны на свойстве и употреблении того самого языка, к которому оныя относятся: недостаточность многих наших грамматик происходила оттого, что оныя были списаны с грамматики латинского языка, который долгое время несправедливо почитаем был образцом всех языков. Надлежит отыскивать собственные свойства каждого языка в нем самом: найденная аналогия показывает общее правило; употребление же составляет исключения. - Во-вторых, поскольку правила языка заимствуются из употребления, а не из умозрения, то и

должны они быть доказываемы примерами; философические доказательства здесь редко могут иметь место. — В-третьих, правила языка, возвышающегося и упадающего наравне с просвещением употребляющего оный народа, должны в точности соответствовать степени образования и богатства языка в данное время; и, в-четвертых, правила народного языка заимствуются из главного его наречия; наречия частные или областные принимаются в уважение только для пояснения и истолкования некоторых особенностей в употреблении" (29, 37-38).

Следовательно, грамматист, по Гречу, не законодатель языка, а собиратель и издатель составленных народом законов. Он должен отражать язык в его точном виде, опираясь на употребление большинства, а не на собственные желанья или намерения. Под этими высказываниями, очевидно, подписались бы также Ломоносов, Востоков и другие. Но как они были реализованы, мы постараемся показать на анализе "Практической русской грамматики" (СПб., 1827). Для этого она удобнее других грамматических работ Греча, так как охватывает все разделы грамматики, в то время как "Пространная русская грамматика" рассматривает только морфологию.

В грамматике Греч выделяет теоретическую часть (этимология и синтаксис) и практическую (орфоэпия, орфография).

Основу морфологии составляет учение о слове, как звуках, выражающих какое-нибудь понятие или чувствование. Все слова входят или в части речи (означают предметы и их качества), или частицы речи (выражают взаимные отношения предметов). К частям речи Греч относит имена существительные, имена качественные и глаголы. Существительное обозначает предмет или существо. (Правда, наряду с этим, Греч говорит, что существительные могут обозначать также качества и действия предметов, воображаемые в виде существ). К качественным именам отнесены прилагательные (как названия качеств и свойств предмета), причастия (выражают качество действующее) и наречия (обозначают качества других качеств). Глаголы выражают действие или состояние. Они могут быть самостоятельными ("совокупляют" качество с предметом - 'быть', 'стать') и со-

вокупными (заклывают в себе глагол и причастие, типа 'живет', 'летает'). Иначе, самостоятельные глаголы означают бытие, совокупные - действие или состояние предметов. Частицы речи могут обозначать отношение отдельных предметов (предлоги) или выразить взаимные отношения суждений (связи).

Особое место занимает местоимения, которые употребляются вместо названий предметов и обозначают отношение этих предметов к бытию или действию. Они объединяют в себе значение частей речи и частиц речи. Не относятся к частям и частицам речи междометия, так как они выражают не понятия, а только ощущения человека.

У существительных Греч рассматривает лексико-грамматические разряды, подробно останавливается на категориях числа и рода и их признаках, дает длинные списки слов, которые внешне по роду не различаются, выделяет три склонения (по количеству родов). Разделение прилагательных на качественные, обстоятельственные и притяжательные проведено недостаточно четко. К последним отнесены не только слова типа 'женин', 'царев', 'верблюжий', но и 'царский', 'женский' и даже 'золотой', 'сосновый' (в значении 'сделанный из золота, сосны'). Анализ степеней сравнения и степеней качества проведен обстоятельно. Числительные Греч рассматривает особо, хотя и не считает их самостоятельной частью речи. Он разделяет их между существительными ('сто', 'тысяча', 'пара', 'половина', 'восемь') и прилагательными ('один', 'два', 'три', 'четыре', 'четыре-ро', 'полтора', 'первый', 'десятый'). Если Ломоносов и Востоков различали пять разрядов местоимений, то выделенные Гречем восемь разрядов сохранились в грамматиках до настоящего времени (школьная грамматика добавляет к этому еще отрицательные местоимения). В глаголе подробно описано только спряжение, другие же категории освещены очень кратко (напр., залог, наклонение, время) или наблюдается полное смешение словообразования и формообразования (вид). К наречиям Греч относит не только соб-

ственно наречия, но и деепричастия, показывает их разряды и образование. Предлоги, союзы и междометия фактически лишь перечислены, без какого-либо анализа. Функции частиц речи подробно рассматриваются в синтаксисе.

Синтаксис, по Гречу, — это часть грамматики, "закрывающая в себе правила совокушения отдельных частей и частиц слова между собой, для произведения ясной и понятной речи" (29а, 235).

Предложение, как суждение, выраженное словами, здесь становится центром синтаксиса. Исходя из структуры логического суждения, Греч выделяет в предложении три части: подлежащее (предмет, о котором говорится в предложении), сказуемое (качество, которое мы придаем подлежащему или отнимаем у него) и связку. Подлежащее может быть простое, сложное, несоставное и составное. Несоставное подлежащее выражается им.пад. существительного, прилагательного, местоимения, родительным при отрицании, инфинитивом и даже наречием ('Мне холодно'). В составном подлежащем имеется еще определение, в роли которого могут выступать прилагательные, некоторые местоимения, наречия ('храбро сражаться и бесстрашно умирать есть долг война') и приложения. Сказуемое также может быть простое ('роза цветет'), сложное ('роза бела и нежна'), несоставное ('роза цветет') и составное ('роза цветет очень пышно').

Подлежащее, сказуемое и связка — необходимые части предложения. Но нередко смысл главных членов без пояснения непонятен. В таком случае при них могут быть определительные и дополнительные слова. Они также составляют часть предложения, но не существенную, а случайную, и могут быть выражены разными частями речи.

Греч выделяет несколько типов простых предложений. Во-первых, по характеру сообщения: повествовательные, вопросительные, повелительные; во-вторых, по полноте выражения главных членов: полные, неполные, заменительные (типа: Нет.).

Сложное предложение состоит из двух и более простых

предложений. Они различаются в грамматическом и логическом отношении. С грамматической точки зрения предложения бывают главные, придаточные и вводные. Главное предложение есть независимое от других предложений выражение мысли. Придаточное развивает или поясняет какую-либо часть главного предложения. Вводным называется такое предложение, у которого нет никакой грамматической связи с главным. Придаточные в зависимости от того, какую часть речи они заменяют в главном предложении, бывают существительные, прилагательные, обстоятельственные. К числу придаточных Греч относит также причастные и деепричастные обороты. Рассматривая сочетание предложений в грамматическом отношении, он указывает на внешние средства связи составных частей сложного предложения (сочинительные и подчинительные союзы, соотносительные слова, относительные местоимения).

В логическом отношении предложения делятся на независимые и зависимые. Первые выражают самостоятельную мысль, а вторые — относительную, служащую для пояснения и дополнения главной мысли, выраженной в независимом предложении. Независимые предложения делятся на соединительные, соединительные с присовокуплением постороннего значения (совокупительные, исключительные, разделительные, распределительные, присовокупительные) и противительные. Среди зависимых различаются означавшие отношение признака к существу (определяя подлежащее и сказуемое непосредственно или сравнительно), означавшие обстоятельства времени и места, выражавшие отношение причины к действию непосредственно, условно или уступительно. "Грамматическая важность предложения, — писал Греч, — должна соответствовать логической, то есть: главная, независимая мысль должна быть выражаема предложением главным, подчиняющим; мысль посторонняя, второстепенная — предложением придаточным, подчиняемым" (29а, 414).

Анализ сложного предложения заканчивается учением о периоде. "Период есть полное, отдельное выражение мысли

во всех частях ее, одним ли независимым логическим предложением или совокуплением нескольких независимых, сочиняемых предложений, с принадлежащими к ним подчиняемыми, в одно целое* (29а, 420). Периоды делятся на простые и сложные. В первых бывает одно независимое предложение, а во вторых — два и более. По количеству независимых частей (членов) периоды делятся на одночленные (простые), двухчленные, трехчленные и четырехчленные. Между членами наблюдаются следующие отношения: соединительные, разделительные, противительные, сравнительные, последовательные, внословные, заключительные, условные и предположительные. Эти отношения зависят от значения союзов.

Далее Греч рассматривает согласование и управление, т.е. правила сочетания слов для образования предложения или части его. В первом случае он излагает правила согласования подлежащего, сказуемого и связки, определения и приложения с определяемыми словами. Управление слов рассмотрено весьма нечетко. Во-первых, неясно само определение понятия: "правила, по коим выражаются в предложении различные отношения подлежащего и сказуемого" (29а, 266). Во-вторых, отношения слов часто подменяются отношениями предметов. Только этим можно объяснить выделение спокойных отношений ('лист дерева', 'волосы на голове') и действующих ('кланяется сестре', 'едет в Москву').

Грамматические труды Греча пользовались широким признанием в 20-40-е гг. XIX века. На их основе создавались другие школьные учебники русского языка. Поэтому книги Греча неоднократно рассматривались и историками языкознания. Однако при этом главный упор обычно ставился на то, какими грамматиками Греч пользовался, чье испытание влияние и как его труды тормозили дальнейшее развитие грамматической мысли, так как не отражали своеобразия русского языка. В этом отношении исследователи довольно единодушны. Однако здесь необходимо различать морфологию и синтаксис, а также систему понятий, которую автор использует при описании языковых явлений, и то, насколько

ко глубоко данные понятия отражают специфику того или иного языка.

В области морфологии Гречу действительно удалось дать подробное и тщательное описание форм словоизменения, меньше словообразования, в русском языке, хотя нередко наблюдается смешение звука и буквы, а также неразличение исторических и фонетических чередований. Кроме того, сравнение соответствующих глав в "Практической русской грамматике" Греча и "Русской грамматике" Востокова показывает, что они близки друг к другу по содержанию, а иногда и текстуально. Преимущество Востокова сказывается главным образом в лучшей систематизации материала и большей точности изложения.

Несколько иначе обстоит дело в области синтаксиса. Бесспорно, Греч дал наиболее полное изложение данного раздела грамматики¹. При этом он, можно сказать, заложил основы учения о главных и второстепенных членах, введя понятия определения и дополнения. Тем самым Греч одним из первых создал логику-семантическое понимание структуры предложения, которое в той или иной форме прошло через весь XIX век и в определенной степени сохраняется до сих пор. Далее, Греч центром синтаксиса сделал учение о предложении, разграничил простое и сложное предложение, главное и придаточное², выделил основные типы придаточных предложений, определил некоторые особенности порядка слов в русском языке. Все это не могло не способствовать более углубленному пониманию предложения и раскрытию его новых сторон.

¹ Ср. высказывание Н. Грунского: "Заслуга Греча состоит именно в том, что он первый создал для русского синтаксиса известную, хотя и очень несовершенную систему" (33, 76).

² Правда, термины "главное предложение" и "придаточное предложение", очевидно, впервые были введены Ф. Розановым. Ср. его высказывание: "Из ... предложений во многочисленном периоде одно бывает г л а в н о е, которое заключает в себе известную цель, к коей клонится вся наша речь; а прочие за тем называются п р и д а т о ч н ы м и, т.е. такими, кои служат для доказательства или для объяснения главного предложения" (81, 221).

Однако те требования, которые Греч предъявлял к грамматике, оказались невыполненными. Во-первых, если он хотел правила выводить из употребления, то должен был бы пользоваться индуктивным методом. Но у Греча явно преобладает дедукция, так как весь анализ строится на основе логического суждения и его структуры. Поэтому выводы делаются не на основе фактов, а факты подводятся под определенную схему. Стремление как-то разграничить логическую и грамматическую сторону предложения приводило то к их противопоставлению, то явному смешению, а нередко и к подмене. Иногда же анализ отношений грамматических форм и конструкций просто подменялся анализом отношений между явлениями окружающей действительности. Во-вторых, Греч обещал вывести правила общенародного и книжного языка. Но народный язык он исключает полностью, считая его "площадным". Даже из литературно-книжного языка он берет далеко не все. Если судить по иллюстративному материалу, то "Практическая русская грамматика" строится главным образом на основе произведений Карамзина, язык и стиль которых к тому времени уже многими воспринимался как устарелый¹, и составленных самим автором примеров. Таким образом, языковая основа оказалась предельно суженной. Как писал Буслаев, "у русской грамматики отняты все сокровища народного слова: и речь безыскусственная в песнях и пословицах, и церковно-славянская, даже произведения образцовых писателей, отличающиеся живостью народной речи, и сверх того, без исключения все стихотворные пьесы" (21, 336). Образцом же научной грамматики в то время все больше становилась "Немецкая грамматика" Я. Гримма с ее широким охватом не только книжного языка, но и диалектов, показом языковых явлений в их исторической перспективе. И, в-третьих, все языко-

¹ Ср. высказывание Белинского: "Некоторые указывают на язык Карамзина и его орфографию как на н о р м у, которой обязаны все держаться. Малкое ослепление, смешное заблуждение! Эти люди не понимают, что русский язык после Карамзина шел не назад, а вперед, и шел быстро, а потому и ушел далеко" (6, 253).

знание в связи с созданием и развитием сравнительно-исторических исследований переходило от дедуктивного метода, характерного для философских грамматик, к индуктивному с его стремлением к максимальному охвату языковых фактов и с повышенным вниманием к каждому из них. Таким образом, грамматика Греча при самом своем возникновении оказалась на периферии основного русла, по которому двигалась лингвистическая мысль. По своим исходным принципам она была направлена в прошлое языкознания, а не будущее. Вот поэтому грамматическая концепция Греча, как писал Виноградов, к 60-м годам XIX века умирает естественной смертью (26, 162).

Тем не менее, в середине прошлого столетия возникает еще одна попытка обновить философскую грамматику с помощью системы Беккера и приспособить ее к новым условиям.

Действительно, появление уже первых работ Беккера всреду было встречено очень положительно. Его имя ставилось в один ряд с именами В. Гумбольдта, Боппа, Гримма и других выдающихся зачинателей нового языкознания. Например, журнал "Филологические записки", публикуя (правда, со значительным опозданием) перевод "Организма языка", отмечал, что в этом произведении "впервые и с редким знанием дела проведена гениальная мысль Гумбольдта об органическом изучении языка" (5, 2). С этой точки зрения очень интересно также привести высказывание "Современника", которое звучит так, как будто написано на сто лет позднее. "Система органических (полярных) противоположностей, на которой Беккер основал учение о языке, еще недостаточно оценена для науки. А между тем, эта система со временем должна проникнуть и в другие науки и иметь самые благотворные последствия как для самой науки, так и для ее практических применений. Она чуждается произвола чисто отвлеченной философии, она вносит единящее, живое органическое начало в положительные наблюдения, она возводит положительную науку в философскую и философскую низводит в положительную. Она основана на самом простом и истинном на-

чале: всякий организм есть гармония полярных противоположностей (т.е. таких противоположностей, которые не уничтожают друг друга, а, напротив, обуславливают себя взаимно и необходимы друг для друга в развитии органической жизни). Поэтому наука должна исследовать эти противоположности и показать их взаимные отношения. Если науки умозрительные по примеру естественных наук стали верить свои выводы положительным наблюдением и в настоящее время приходит к живому органическому началу, то не худо и естественным наукам приглядываться к тому, что делается в области наук, исследующих духовные отправления человеческого организма. Подробности, как бы ни были они интересны для ученого, все же не составляют науки, которая должна быть полной органической системой. Органическое начало внесено в науку, и мы твердо уверены, что оно получит полное развитие и послужит к возрождению каждой науки в отдельности и к соединению всех наук, как живых органов, в один великий организм знания человеческого" ("Современник", 1855, т.49, № I, стр.18).

Однако триумф Беккера продолжался недолго, до тех пор, пока идеи сравнительно-исторического языкознания не стали проникать в область синтаксиса. История возвышения и падения Беккера очень выразительно была описана Котляревским уже в 1859 году. "Когда Беккер появился на литературную арену, мысль об организме была господствующей мыслью, находившей отголосок во всех сферах умственной деятельности. Высказанная впервые Вильгельмом Гумбольдтом, она была проведена Беккером и в грамматику, и в этом состоит главная заслуга его учения, но заслуга, уже принадлежащая прошедшему. Она нанесла последний удар старинному, филологическому способу изучения языка и познакомила немецкую публику с немногими результатами, добытыми сравнительной лингвистикой. Недостаток материала и ранняя попытка построить цельное, оконченное здание философии языка увлекли Беккера в сферу отвлеченных соображений, и в основу своей системы он положил начало логическое, смешав таким образом грамматику,

философию языка с логикой. Нет сомнения, что язык никогда не противоречит законам логики, но и не подчиняется ей. Он выше ее уже и потому, что представляет собой живой организм, неуловимое сочетание всех душевных способностей: фантазии, мысли, зарождавшихся под влиянием свежих впечатлений и выражаемых в слове часто помимо закона строго логического процесса. Логическое начало стесняет свободу языка, вводит его в сферу отвлеченную, где исчезает его жизненность и остается механический набор звуков, связанных сухим логическим нитью, без жизни, внутренней красоты и силы. Таков именно организм у Беккера. Ратуя за него, Беккер отрицал все органическое, живое в языке, и его грамматика при самом появлении своем оказалась уже несвоевременной. Беккер был тот же старинный, схоластический грамматист; он только обновил одну сторону их учения, на которую другие мало обращали внимания, именно — учение об организме слова, существовавшее еще у древних, присоединив к этому мысль о логическом начале в языке, эту слабую сторону всех схоластических грамматистов... Одним словом, учение Беккера устарело прежде своего появления, и, разрушая основы старинной грамматики, Беккер подымал руку на самого себя. К сожалению, учение это имело довольно значительные успехи в Германии и, перенесенное к нам, много способствовало к увеличению беспорядков и того смутного состояния нашей науки, в каком она находилась не далее, как за два года пред сим" (97, 70-71).

Действительно, логико-грамматические идеи Беккера получили в России также довольно широкое распространение. Под их влиянием появляется ряд грамматических пособий (например, "Система синтаксиса" Басистова, "Начертание русского синтаксиса" П. Первслесского) ¹.

¹ Ср. высказывание Котляревского: "Стройность ли системы, или некоторые другие причины, только системе Беккера, к несчастью, посчастливилось на нашей почве: она произвела у нас несколько руководств, которые должны занять достойное место в числе прочих книг, препятствовавших умственному развитию нашего юношества" (98, 8).

Правда, в 40-е гг. XIX века в стенах Второго отделения Академии наук возникает мысль создать историческую грамматику русского языка по образцу исторической грамматики Я. Гримма, авторитет которого в то время был очень высок^I. Однако эта попытка окончилась неудачей. Московская комиссия академиков, занятая разными служебными и литературными делами, так и не смогла приступить к работе по собиранию и обработке материалов, а вскоре совсем была распущена. Тогда вместо исторической грамматики акад. И. Давыдов предложил составить общесравнительную грамматику русского языка "по плану Беккеровой Грамматики немецкого языка". Он рассматривал свой труд, как выполнение заветов основоположника русской грамматики, как пятое звено в истории отечественного языкознания - после грамматик Ломоносова, Академической, Греча и Востокова. Раскрывая основы своего "Опыта общесравнительной грамматики русского языка", Давыдов писал: "Способ моего изложения законов русского языка собственно ф и л о с о ф с к и й, потому что частные изменения грамматических форм подводятся под общие логические законы, но он вместе и и с т о р и ч е с к и й, или сравнительный, потому что все главные формы русские сравниваются с соответственными формами языков однородных и соплеменных. Этим средством я надеялся избежать одностронности философской грамматики, которой логическое построение лишено жизни, тогда как всякий живой язык представляет полный организм" (35, 121-122). Мысль о тесной связи сравнительной и философской грамматики была высказана Якобом еще в 1812 г. Кстати, стремление совместить историческое и логическое вообще было характерно для первых представителей сравнительного языкознания. Ведь неда-

^I Ср., например, высказывание Ф. Буслаева: "Яков Гримм исследовал немецкий язык в такой полноте и таком совершенстве, что его грамматика признается всеми просвещенными нациями за образец обработки народного языка" (21, 340).

ром Ф. Бопп при объяснении происхождения глагольных форм также исходил из структуры суждения.

Грамматика Давыдова состоит из введения и трех частей: словопроизведения, словосочинения и правописания. Во введении изложены основные мысли о составе и образовании языка вообще. В соответствии со взглядами Беккера язык рассматривается как органическое проявление мышления в членораздельных звуках. Поскольку первое сознание состоит из полной мысли, то и первое слово есть целое предложение. Именно предложение должно быть отправным пунктом всех грамматических объяснений. (Но это не значит, что преподавание отечественного языка надо начинать с синтаксиса.) По законам логики предложение заключается в глаголе. Поэтому с глагола начинается грамматика, из него выводятся или от него зависят все другие части речи, члены предложения и все грамматические формы языка. В первой части грамматики рассматриваются словообразование, части речи и их изменения; во второй части — предложения, выражающие отношения понятий, и предложения, выражающие отношения мыслей. Третья часть посвящена правописанию слов, предложений и периодов. В заключении говорится об отличительных свойствах русского языка, его богатстве, об особенностях изменения частей речи, порядке слов, благозвучии, архаизмах, неологизмах и т. д. ¹ При этом автор не скрывает, что при составлении "Опыта" воспользовался трудами Греча, Востокова, Перевлесского, Буслаева, Каткова, Басистова и др. И все это приспособлено к системе Беккера.

Появление книги Давыдова было встречено многочисленными откликами, в которых выражалась единодушная похвала. Даже видные ученые отзывались, по меткому выражению Котляревского, с "мягкой умеренностью". Действительно, многие

¹ Подробный анализ "Опыта общесравнительной грамматики русского языка" дан в книге: (26, 203-222).

отмечали большой успех книги (за короткое время разошлось три издания), ее высокий научный уровень и т.д. Однако эти похвалы звучали несколько абстрактно и бездоказательно. Недаром поставленный Срезневским вопрос о том, что нового в науку вносит книга Давыдова, фактически остался без ответа. К заслугам автора пришлось относить в основном введение и заключение: "первое, как характеристика языка вообще, второе, как характеристика языка русского, появляются в русской грамматике в первый раз" (88, 64). В то же время единодушно отмечалось, что "Опыт" есть свод всего, что до сих пор было сделано в области изучения грамматики русского языка (см., например: "Отечественные записки", 1854, т. ХСУП, ноябрь, стр.4).

Однако к концу 50-х гг. отзывы становятся все более резкими. Например, Котляревский, считая "Опыт" Давыдова самой нелогичной из всех логических грамматик, писал: "Это не грамматика русского языка, а свалочная книга различных грамматических понятий, приведенных в единство только отсутствием хронологических помет и недалекой логической закраской: старое так решительно укладывается возле нового, немного годное так тесно переплетается с негодным, что решительно становится невозможно признать у автора существование какой-нибудь общей мысли, руководившей его в труде, не говоря уже о современных лингвистических понятиях" (98, 10-11).

Так бесславно закончилась попытка Давыдова еще раз подновить философскую грамматику (с помощью системы Беккера) и приспособить ее к новым условиям - условиям быстро развивающегося сравнительно-исторического языкознания. Это снова продемонстрировало несовместимость, по крайней мере в тот период, логического и исторического, дедуктивного и индуктивного подхода к языку.

В целом философские грамматики характеризовались следующими особенностями:

I. Язык рассматривался как система знаков. Под знаком

понимался каждый чувственный предмет, служащий средством к возбуждению другого определенного понятия в душе нашей. Знаки необходимы мышлению, так как без них нельзя выразить и закрепить мысль.

2. Признание языка как рационально организованной системы знаков. В языке все создано человеком сознательно, для более удобного выражения мыслей.

3. Дедуктивный характер исследований. Философская грамматика рассматривалась как основание всех грамматик и всех языков¹. Отсюда, необходимо было найти такую универсальную единицу описания, которая действительно могла бы быть приложимой ко всем языкам. Вполне естественно, что в тот период в роли такой единицы могли выступать только логические категории.

4. Предметом грамматического анализа служил исключительно литературно-книжный язык. Даже из него брались только произведения двух-трех писателей, которые считались образцовыми.

5. Отсутствие стилистической направленности грамматик. Это непосредственно обуславливалось тем, что языковая база философских грамматик была слишком узкой и не давала возможности рассматривать язык во всей его стилистической сложности.

6. Основу грамматик составляло учение о частях речи, которое иногда строилось исходя из структуры суждения (Л. Г. Якоб).

7. Основной единицей синтаксиса выступало уже не словосочетание, а предложение как словесное выражение суждения. Его структура рассматривалась с позиций членов предложения, которые во многих случаях не соотносились с частями речи.

¹ Котляревский с точки зрения компаративистики оценивает это следующим образом: "Философская грамматика была крайне односторонняя и обещала более, чем могла дать: она хотела а priori без отчетливого изучения огромного материала, построить целую разумную грамматическую систему, и само собой разумеется, могла построить одну пустую форму, без внутреннего содержания и жизни" (97, 62).

Таким образом, в первой половине XIX века в русской грамматике выявляется два подхода к синхронному описанию языковых фактов (формально-грамматический и логико-синтаксический). Перед лингвистами встала задача подробно разработать каждый из них в отдельности, а затем выяснить их возможные взаимосвязи и соотношения.

§ 2. Возникновение и развитие сравнительно-исторического языкознания в России в первой половине XIX века

Начало XIX века ознаменовалось огромным переворотом во всех областях науки. Французский лингвист А. Мейе писал: "Методическое исследование исторических основ социальных явлений - вот то новое и оригинальное, что внес в науку XIX век: в механике, в физике, в химии при помощи методов Архимеда, Галлея, Ньютона в это время было добыто множество новых результатов, но самый метод был уже доведен до совершенства, и осталось только со всею строгостью применять его ко всем объектам, доступным нашему изучению; метод исторического объяснения, наоборот, есть создание XIX столетия (и, до некоторой степени, конца XVIII). Земная кора, организмы, общества и их учреждения были поняты как продукты исторического развития, подробности которого никогда не могут быть угаданы a priori и о котором мы можем составить себе представление только при помощи наблюдения и точного выяснения последовательности отдельных фактов, составляющих эти явления. И только на основе таких систематических наблюдений начинают складываться общие теории развития организмов и обществ. Сравнительная грамматика представляет только часть тех систематических исследований, которые XIX век произвел по вопросам исторического развития явлений природы и общества" (63, 411-412).

Говоря о возникновении сравнительно-исторического языкознания, нельзя не учитывать также роль мировоззрения романтиков с их идеей народности (конец XVIII - нач. XIX вв.). До этого народ или идеализировали, или называли его "подлым". Одной из сторон романтизма явился как раз пробуждение интереса к истории, народной жизни, преданиям, поэзии, древним литературным памятникам, идеализация национальной старины. Эти стремления были подкреплены теоретически Лессингом и Гердером. Особенно важное значение имели их рассужде-

ния о возврате к природе, простоте чувств, правах на существование каждой национальности. Гердер одним из первых обратился к непосредственному изучению народной поэзии, считая ее основным и господствующим элементом искусства. Эти взгляды затем получили свое дальнейшее развитие в деятельности братьев Гриммов. Их разыскания, а также труды Боппа и В. Гумбольдта совершили переворот в историко-филологической науке и заложили основание сравнительного языкознания и сравнительной мифологии.

Попытки сравнивать языки предпринимались и ранее. Однако языковеды еще не имели ясного представления о звуковых законах и закономерностях изменения значений слов. Поэтому наряду с отдельными верными сближениями в науку вошло слишком много произвольного и случайного. Более того, если даже из сравнения слов и можно было сделать вывод о родстве языков, то степень этого родства и его причины никак не объяснялись. Этому препятствовало недостаточное знание языков и слабое знакомство с историческими памятниками.

Решающее значение для создания сравнительной грамматики имело знакомство с санскритом. "В санскрите открывался ключ к разъяснению всей обширной области индоевропейских языков; потому что здесь уже не могло быть места тем недалеким и нехитрым сближениям, какими пробавлялись лингвисты прошлого века: поразительное сходство его с языками европейскими уже не находило объяснения ни в заимствовании, ни в историческом влиянии одного народа на другой, оставалось только принять за несомненную истину родство племенное" (97, 63) I.

I Ср. также высказывание А. Мейе: "Прежде всего, санскрит сохранил древнюю морфологию и старую систему согласных, которые одни дают возможность составить себе приблизительное представление о том, чем мог быть индоевропейский язык, и без которых множество существенных черт этого языка осталось бы навсегда неизвестным или плохо известным. Во-вторых, индийские грамматики с величайшей точностью анализировали фонетику и грамматику этого столь древнего языка до самых мельчайших подробностей...; в той широкой мере, в какой санскрит представляет индоевропейскую фонетику и морфологию, уже здесь был налицо независимый от греческих тео-

Но языкознание не могло ограничиться только сравнением языков между собой, так как без исторического анализа отдельных языков невозможно отделить позднейшие формы от более древних, а также восстановить древнейшие формы, которые можно было бы принять за исходный пункт при сравнении родственных языков. Таким образом языкознание из сравнительного становится сравнительно-историческим. Благодаря этому, "язык народа впервые представился как исторически, по известному закону, развившийся организм, который в своих современных формах и материале сохранил отраженные на нем, из глубочайшей старины идущие, следы постепенного развития народной культуры, - первичных понятий, быта, мифологии народа. Лингвистика превратилась в лингвистическую палеонтологию. В языке открыли скрывавшуюся дотоле "целую жизнь народа, со всеми богатыми и разнообразными ее отправлениями". Как палеонтология с помощью ископаемых костей не только восстанавливает первичный образ животного, но и самые его привычки, способ движения, питания и т.д., - так сравнительное языкознание, по немногим остаткам древних слов, уцелевших от крушения, разбором первоначального значения корней, поставило себе целью "оживить жизнь и дела народов" (2, 34-35).

Для решения этой задачи сравнительно-историческое языкознание, опираясь на идею языкового родства, стремилось выявить и сопоставить сходные черты в грамматическом строе и словарном составе и на этой основе восстановить более древнее состояние родственных языков, что в свою очередь помогает глубже и всестороннее рассмотреть закономерности их исторического развития. Систематическое сравнение язы-

рий грамматический анализ индоевропейского языка, анализ, которого было достаточно для обновления лингвистических представлений и который имел то существенно преимущество, что основывался на наблюдении фактов" (63, 412; рядка моя. - С.С.).

ков привело к возникновению сравнительной грамматики индоевропейских языков и затем сравнительной грамматики отдельных языковых групп. Основателями нового направления были на Западе Р. Раск, открывший родство германских языков с греческим, латинским и балто-славянским, Ф. Бопп, первым построивший сравнительную грамматику индоевропейских языков на основе сравнения санскрита с европейскими языками, и Я. Гримм, "Немецкая грамматика" которого явилась "первым описанием целой группы диалектов, начиная с самых древних исторически засвидетельствованных форм, и потому послужила образцом для всех последующих исследований других групп диалектов, засвидетельствованных древними документами" (63, 417). Сильный отголосок идей Гримма чувствуется и в русском историческом языкознании, прежде всего в трудах И. Срезневского и Ф. Буслаева.

В России некоторые идеи сравнительно-исторического языкознания были высказаны еще Ломоносовым. Это, например, разграничение русского и старославянского языков, деление языков на "сродственные" и "несродственные", мысль о происхождении родственных языков из общего первоисточника, установление родства славянских и балтийских языков и некоторые другие. Но Ломоносов высказывал свои идеи еще попутно и главное - не дал образцов применения сравнительно-исторического метода. Кроме того, уровень и состояние науки того времени еще не были готовы к восприятию и развитию этих идей.

Конец XVIII - нач. XIX вв. характеризуются т.н. национальным возрождением славянских народов. Рост национального самосознания обусловил интерес к истории, литературе, этнографии и родному языку. Ученые прежде всего обращались к тем элементам культуры и истории, которые сближали славянские народы между собой. Россия для них была надеждой и опорой в борьбе за национальное освобождение.

Особенно это было характерно для Чехии, где в силу определенных исторических обстоятельств (незначительная

классовая дифференциация общества, слабость чешской буржуазии, национальный гнет) языковые вопросы стали важнейшей политической проблемой: развитие чешского языка рассматривалось как одна из главных предпосылок для дальнейшего существования и развития чешской культуры и даже чешского общества в целом. В начале XIX века многие просветители начинают даже воспринимать свою страну как составную часть "славянской родины". Предпринимаются первые попытки создать общеславянский язык и тем самым приблизить минуту, когда все славянские диалекты сольются в единое целое. Эти романтические и нереальные стремления сопровождалось восхвалением славянской старины, идеализацией единства славян, их демократичности, миролюбия и благородства. Даже Й. Добровский был объявлен "получехом" за то, что отказался признать достоверность "Суда Либуши". Параллельно с этим расцветает также русофильство. Российская империя — первая держава континента — воспринималась тогда как единственная защитница славян и единственная страна действительной свободы. В среде друзей Й. Оггманна зреет даже мысль о присоединении к России или создании великого славянского государства. В эти годы Я. Коллар пишет поэму "Дочь Славы", Ф. Л. Челаковский издает "Славянские народные песни". В науке на первом месте стояли вопросы славянской истории, языков и литератур, славянских древностей. Вклад чешских ученых и просветителей (Й. Добровский, Й. Оггманн, Ф. Л. Челаковский, Ф. Палацкий, П. Шафарик и др.) в славяноведение был настолько велик, что чешские земли надолго стали центром научных исследований в области славистики (см. 82, 87-99, 110-119).

В России создателем славянского сравнительно-исторического языкознания является А. Х. Востоков.

Александр Христофорович Востоков родился 16 марта 1781 года в г. Арнсбурге (ныне Кингисепп) на о. Саарема. О детских годах Востокова имеется мало сведений. Лишь среди его бумаг сохранились некоторые записи, найденные и опубликованные В. И. Срезневским. В них говорится следующее: "Женщи-

на, у которой я жил в Ревеле, сказывала мне, что я родился в Аренсбурге на острове Эзеле и что оттуда привезен к ней для воспитания. Я начал себя помнить, кажется, с 4 лет или еще с трех. Помню, как я ходил еще очень слабо, как я был несколько времени слеп от какой-то глазной болезни, как у меня была корь. (Оспу прививали мне во 2-ой или 3-ий год, чего я не помню). В то время, как я слег в постель корью, получил я нового совоспитанника, который так же, как и я, был найденыш и, может быть, оттуда же, откуда и я; его крестили и назвали Георгом-Вольдемаром, меня же звали Александром-Вольдемаром; у нас обоих крестным отцом был один соседний кирпичник, к которому я после не однажды водим был в гости, но совоспитанника своего я скоро потерял из виду: умер ли он или увезен куда, не знаю. Опишу теперь дом, в котором я жил. Он стоял в Ревельском предместьи, неподалеку от церкви и от выгона, имел перед собою небольшой двор с сараем для гусей и пр. Домик об одном этаже, перегороден был на две половины (как водится в Лифляндии и Эстляндии). На левой стороне находились хлевы для трех коров, на правой две жилые комнаты, в середине сени и кухня, а за нею кладовая. Жители дома были: 1) вдова майорша Трейблут, лет 40, которую я называл маменькою; 2) старуха, родственница ее, которую я называл бабушкою, 3) сержант гарнизонный Савелий, лет в 50-т, 4) девица, родственница ее, 5) служанка Анна, лет 12-ти.

Первое мое воспитание в Ревеле было весьма скудно: я имел для чтения библию и иногда слушал сказки и басни, которые мне сержант в зимние вечера рассказывал; но если пособий было мало, то собственному уму моему было свободнее развиваться. На пятом году стали меня учить грамоте немецкой; на шестом читал я уже бегло библию. Я пропускал притчи и пророчества и все, что было выше моего разумения, но весьма занимался повестями, как-то: Товием, Руфью, Иудифью, Маккавеями и проч., мечтал о Голиафе, о Давиде, и мне отменно понравились приятные греческие имена, кото-

рне в Маккавях встречаются; от еврейских же всегда отвращалось ухо мое. (Не стану входить во все подробности тогдашней жизни моей, хотя бы иногда и мог кое-что вспомнить как будто сквозь сон). До семи лет жил я в Ревеле; последний год моего пребывания там был для меня особенно памятен. Сержант водил меня гулять в город на ярианку, в корабельную гавань, на солдатское учение. Все для меня все было ново, пестро, непонятно, и из всего этого ничего не запечатлелось в моей памяти. Наконец пришло письмо, решившее мою участь: *er soll Ostennek heißen* стояло в нем; до того времени я не знал себе иного имени, кроме Александр; новое прозвище показалось мне странно. Мне начали твердить о будущем моем состоянии, о Петербурге, об отце моем, аренсбургском уездном предводителе дворянства из фамилии Остен-Сакен. Однако ж все это не много возбуждало во мне любопытства, потому что я не мог вообразить себе иных благ кроме тех, которыми наслаждался в хижине г-ли Трейблут. Пришло время отъезда. Меня снабдили овчинным тулупом, диравыми портками, и крестный мой отец кирпичник (живший в соседстве), дал мне на дорогу рубль медными деньгами. Меня отправили с каким-то капитаном Линденом. Вдова Трейблут плакала, сержант Савелий также, а я спокойно расставался с ними, не простираясь мыслями ни назад, ни вперед, занятый минутным удовольствием сидеть в кибитке, запряженной парой лошадей и готовый ехать в путь" (40, 657-664).

Весной 1787 года Востоков был привезен в столицу и примерно через год отдан в Сухопутный кадетский корпус. Однако в 1794 г. его из-за заикания перевели в Академию художеств, которую он окончил в 1802 г. С 1801 года Востоков принимает деятельное участие в только что созданном Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств. В журналах этого общества появляются его первые стихи, которые в 1805-1806 гг. были изданы отдельно под названием "Опыты лирические".

В 1802 г. Востоков приступил к собиранию материала для

этимологического словаря. Он выписывает русские и славянские слова и рядом с ними приводит родственные слова из других языков (латинского, греческого, немецкого, английского). Эта работа представляет собой подготовительный вариант другого большого труда под названием "Этимологическое словорасписание", оставшегося незаконченным.

В тот период, когда еще не был выработан сравнительно-исторический метод, слова сопоставлялись лишь на основе случайного звукового сходства (ср. у Тредьяковского: 'Игорь' и 'игривый', 'этруски' и 'хитрушки'; у Шишкова: 'высоко' - 'высь' и 'око', 'Адам' - 'ад' и под.). Позднее Кочубинский назвал конец XVIII - нач. XIX вв. "эпохой забавного этимологического сравнения языков целого мира" (51, 4). Встречаются ошибки и у Востокова. Но у него имеется немало верных сопоставлений (например, 'брада', лат. *barba*, нем. *Bart*; 'гусь', лат. *anser*, нем. *Hans*; 'сердце', нем. *Herz* и др.). Кроме того, по мнению И. Срезневского, этот труд "приготовил в голове его много вопросов по сравнительному историческому изучению строя славянского языка и без сомнения много решений, по крайней мере предположительных; вместе с тем приучил к работе тщательной и стойкой" (89, XI-XX).

Мысль о языковом родстве и историческом развитии языков возникла у Востокова довольно рано. Она нашла свое выражение уже в его работе "Задача любителям этимологии" (С.-Петербургский вестник, 1812, № 2). В ней Востоков писал: "Язык, несмотря на все перемены, необходимо в нем производимые веками и местными сношениями, ежели только не будет истреблен каким-нибудь насильственным средством, не теряет еще и по прошествии тысячелетий, в самых отдаленнейших и противоположнейших климатах, общего своего сходства или тождества корней, в рассуждении их звука и значения. Сие доказывается сличением древних языков с новейшими, ежели от первых сохранились письменные памятники. Ю сим памятникам с достоверностью утверждать можно о родстве арабского языка с еврейским, греческого же, латинского, немецкого и славянского с персидским и санскритским... Но есть

другие, достовернейшие, может быть, памятники, кои сохранены купно изустным преданием и свидетельством историков, а именно названия земель, городов и естественных урочищ, т.е. рек, озер и пр. Примечания достойно, сколь вообще долговечны таковые положенные местам названия; они нередко многими тысячами лет переживают существование того народа, от кого первоначально изречены были".

В 1815 году Востоков был назначен помощником хранителя рукописей Императорской публичной библиотеки, что дало ему возможность глубже и серьезнее заняться изучением рукописных памятников. В результате этого появилось "Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам" (1820 г.).

Эта работа Востокова сыграла огромную роль в истории не только русского, но и славянского языкознания вообще. Все выводы, к которым пришел автор, получили общее признание и сохраняют в основе своей значение до настоящего времени. Б. Копитар назвал эту статью "утренней, еще едва ожидаемой, зарей действительной старославянской филологии, на восточном небе славянской территории" (83, 304). И. Добровский, по одной из версий, прочитав "Рассуждение", хотел прекратить дальнейшее печатание своих "Основ древнего наречия славянского языка" ("Institutiones linguae slavicae dialecti veteris"). И только Копитар смог убедить его продолжать начатую работу. Правда, эта версия опровергается донесением Прейса министру народного просвещения, в котором он пишет следующее: "Открытия, сделанные в 1820 году, составляют, без сомнения, эпоху в общеславянской филологии. — Эти открытия были неожиданны и для самого Добровского. Он узнал об них уже по отпечатании своих "Institutiones linguae slavicae" и сожалел, что Грамматика его вышла в свет слишком рано" (77, 50). Вот поэтому 1820-й год нередко называют годом, с которого "пошла есть славянская наука" (46, 7).

Причину такого большого успеха Востокова наиболее убе-

дительно показал Котляревский. Он писал: "Знаменитые *Institutiones linguae slavicae*" навсегда останутся книгой важною и необходимою для всех предающихся занятиям славянской филологией: эта художественная "анатомия" славянского языка, замечательная - по отчетливой строгости исследования, по внешней архитектонике и по многим частным решениям (в особенности там, где дело идет о распределениях или классификациях), до сих пор не отошла вполне в прошедшую историю, не утратила во многом современного значения (тк. напр. глава о корнях). Но - странным образом - вся построенная на исторической основе - она совершенно чужда исторического взгляда и направления и рассматривает язык, как нечто данное, остановившееся или и вовсе не бывшее в историческом процессе развития, перемен и превращений. Каждый из элементов, входящих в эту грамматику - взят из действительной истории, но анахронически, в разновременные и разновременные моменты, и все они искусственно отвлечены, сведены в одну картину языка идеального, лишённого исторической действительности, никогда не существовавшего во времени и пространстве. Нет сомнения, что Добровскому более, чем кому иному из его современников - были ведомы законы и приемы исторического исследования. Количество известных ему текстов древнего славянского языка было, конечно, не велико, но достаточно для попытки исторического рассмотрения, имел он пред собою и один замечательный опыт по историческому чешскому языкознанию; но здесь дело шло о действительно живом существующем языке, тогда как церковно- или древнеславянский язык был явлением отжившим, требовавшим теоретического построения - и вот, сын теоретико-материального XVIII в. - Добровский строит материальную анатомию языка теоретически, как бы вне истории. Его "старославянский язык" создан им посредством отвлечения, причем языку позднейшей русской рецензии церковных книг - б. м. не без влияния Мелетия Смотрицкого - было отдано им видимое преимущество, как языку п р а в и л ь н о м у. Оттого, "история древнеславянского языка" получила в Грамматике Добровского лишь очень малое для се-

бя приращение, и для историко-филологической критики сей труд предлагал только материалы, но не руководительные начала" (48, 299-300) ^I.

Востоков высоко ценил чешского ученого. Например, в мае 1824 года, посылая Добровскому снимки с Остромирова евангелия, он писал: "Счастливы я буду, ежели Вы в награду за труды мои удостоите меня драгоценной для меня переписки с Вами! Давно уже я Вас люблю и уважаю, как учителя и вождя своего на стезе грамматических исследований, коими я занимаюсь" (72, 100).

Однако основательное знакомство с рукописными памятниками старославянского языка разных эпох привело Востокова к мысли рассматривать славянский язык как явление историческое, с учетом тех изменений, которые произошли в его формах на протяжении столетий в России и других славянских землях. Отсюда он выделяет в истории славянского языка три периода: древний (IX - XII вв.), средний (XIII - XV вв.) и новый (с XVI века, т.е. язык печатных книг). Такой подход уже создает условия для конкретно-исторического изучения памятников, предупреждает смешение языковых черт разных эпох и дает возможность представить систему старославянского языка в тот или иной период.

Вторая важная заслуга Востокова заключается в том, что он определил основные особенности древнего славянского языка. К их числу относятся следующие:

^I Ср. также следующее высказывание Коропачинского: Добровский собрал большой фактический материал, но "не позаботился о его группировке, о распределении его на эпохи, по мере древности памятников. У него было желание не столько о з д а т ь славянскую грамматику того или другого времени, сколько с о с т а в и т ь *Institutiones* какого-то чистого, небывалого славянского языка, который не может быть приурочен к тому или другому времени, а представляет анахронизмы в филологии, смешение разных эпох языка" (46, 10-II). И. Снегирев полагал, что основная часть труда Добровского представляет собой совершенно новый научный курс, построенный на обширном фактическом материале, извлеченном преимущественно из рукописей. Недостатки же работы объясняются тем, что автор не придавал большого значения фонетике, изложив ее в виде введения, не понял фонетических особен-

а) Наличие редуцированных и носовых (ь, ѣ, ѧ, Ѩ). Если Добровский отождествлял юсы с чистыми гласными, то Востоков, проведя сравнение с данными польского языка, открыл их носовой характер. Если раньше считалось, что ь и ѣ не обозначали никаких звуков, то автор "Рассуждения" показал звучание и происхождение этих полугласных.

б) Востоков указал на несочетаемость в старославянском языке звуков г, к, х с гласными переднего ряда и шипящих и аффрикат - с гласными заднего ряда.

в) Он отметил, что краткие прилагательные раньше склонялись так же, как и существительные. Полные прилагательные возникли в результате присоединения к кратким указательных местоимений.

г) Уже Смотрицкий по аналогии с классическими языками выделял в старославянском языке деепричастие. Этого взгляда придерживался и Добровский, так как опирался на данные более поздних письменных памятников. Востокову же удалось доказать, что в древнем славянском языке деепричастия не было, оно возникло значительно позднее.

д) Вслед за Добровским Востоков показал, что существовали две различные формы неопределенного наклонения - инфинитив и супин.

Все эти открытия были совершенно новыми и заложили основы сравнительно-исторического изучения славянских языков. Более того, "предложенный А.Х.Востоковым способ определения звукового значения юсов и прослеживание судьбы в славянских языках древних сочетаний tj, dj и kt в позиции перед ei, i имеют общеметодическое значение и выходят тем самым за пределы изучения данных конкретных языков" (39, 29).

Выяснив наиболее древние особенности старославянского языка, Востоков тем самым определил его место и значение

ностей древнейших рукописей (83, 337). Аналогичная оценка дана и в статье Е.Карского "К 100-летию со дня выхода "Institutiones" И.Добровского". Труды по белорусскому и другим славянским языкам, изд. АН СССР, 1962.

среди других славянских языков. Благодаря этому, в науке был поднят целый ряд важных вопросов, без решения которых нельзя было идти дальше. К их числу можно отнести следующие: о наречии, на которое был сделан первоначальный перевод священных книг, о древнейших рукописях славянской письменности и их изводах, о влиянии, которому подвергся церковнославянский язык в разных славянских землях. Все эти вопросы в течение ряда десятилетий живо обсуждались учеными многих стран, и особенно активно в России и Чехии.

Дальнейшие исследования Востокова в области сравнительно-исторического языкознания были развитием идей "Рассуждения о славянском языке". Продолжая знакомиться с памятниками, он все больше убеждался в том, что старославянский язык со временем претерпевал большие изменения. Поэтому при чтении рукописей Востоков стремился прежде всего определить время их написания. Он считал, что, только изучая язык по древним рукописям, можно обнаружить остатки старины и в более поздних памятниках. Это обусловило большой интерес ученого к палеографическим исследованиям. В 1842 г. он опубликовал "Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума". В этой книге было описано 470 памятников в палеографическом, археологическом и литературном отношении. Более того, многие переводы с греческого были сличены с подлинником и соответствующие выводы внесены в описание. "Последствия издания в свет этого описания не могли быть маловажны. С этого только времени можно было начать ученую разработку древней литературы и вообще русских древностей... При помощи востоковского описания рукописей легко всматриваться и в другие рукописи, не только однородные, но частик и особенного склада: оно научает изучать рукописи и искать в них нового" (89, XXXIX-XI).

В 1843 году Востоков издает "Остромирово евангелие" - драгоценнейший памятник XI века. По достоверности, степени точности и научным принципам оно до сих пор является образцом для любого подобного издания. Кроме того, в словоупотреблении каждое слово приведено в той форме, в какой оно

встречается в тексте, дано грамматическое описание памятника, а также параллельный греческий текст.

Описывая памятники старославянского и древнерусского языков, Востоков всегда имел в виду составление словаря. При этом занятия древностями он сочетал с интересом к языку позднейшему, так как находил в нем объяснения для некоторых явлений древнего языка и наоборот — многие из новых явлений объяснял языком древним. Особенно деятельное участие он принял в создании "Словаря церковнославянского и русского языка" (1847 г.), включавшего свыше 114 тысяч слов. Эта одна из крупнейших лексикографических работ XIX века представляла собой своего рода сокровищницу русского языка от первых письменных памятников до позднейших произведений русских писателей. Востоков не только собирал словарный материал, давал лексические и грамматические толкования, но и был редактором второго тома. В 50-е гг. он редактировал "Опыт областного великорусского словаря" (1852 г.) и "Дополнение к "Опыту областного великорусского словаря" (1858 г.). Пока это единственный словарь, описывающий диалектную лексику русского языка в целом, и в этом отношении он не потерял своего научного значения до сих пор. В 1856 году Востоков закончил "Словарь церковнославянского языка", который вышел в двух томах (1858-61 гг.). Это итог его работы за 40 лет и одно из лучших пособий по лексике старославянского языка.

Наряду с лексикографией, Востоков продолжал заниматься и изучением грамматического строя старославянского языка. Здесь прежде всего необходимо отметить его "Грамматические правила словенского языка, извлеченные из Остромирова евангелия" (1843 г.). Но он мечтал составить подробную грамматику, которая бы основывалась на большом количестве памятников. Однако возраст и слабость зрения не позволяли ему много работать и использовать дополнительные материалы. Поэтому пришлось ограничиться лишь небольшим по объему исследованием под названием "Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятни-

кам" (1860 г.). Это было осуществление его давней мечты. Еще в 1818 году в письме к А. А. Прокоповичу-Антонскому он писал: "Когда случай привел меня увидеть старинные рукописи словенские, а также и некоторые старопечатные книги, и в них правописание, словоокончания и обороты во многом отличные от употребительных в позднейшем языке; тогда я убедился в необходимости заняться сперва Грамматикой, т. е. исследованием и показанием свойств языка и различных его форм, с изменениями, каким подвергались формы сии в продолжение столетий, в России и в других землях словенских" (72, XXIX-XXX). Однако этот труд Востокова уже не получил широкого отклика в научных кругах, так как начатое им славянское сравнительно-историческое языкознание к этому времени обогатилось капитальными исследованиями Миклошича, Шлейхера и других лингвистов. Как писал Срезневский, "не такого малого по объему труда ожидали от Востокова, и значения его не поняли те, которые привыкли все измерять внешнею величиною. Не поняли его значения и те, которым были нужны не столько прямые верные свидетельства о языке старославянском, как он был в древнейшее время действительно, сколько соображения о его отношениях к другим родственным языкам" (89, LI). Умер Востоков в 1864 году.

Развитие сравнительно-исторического языкознания подняло на небывалую высоту значение старославянского (а также церковнославянского) языка. Он стал исходным пунктом сравнительной грамматики славянских языков и тем звеном, которое связывало славянские языки с другими индоевропейскими языками. Иначе говоря, старославянский язык сыграл по отношению к славянскому языкознанию ту же роль, что и санскрит по отношению к сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Вот поэтому в течение всей I-ой половины XIX века ведется большая работа по изданию старославянских и церковнославянских памятников и изучению их

языка^I.

Разумеется, интерес к русской и славянской старине возник значительно раньше. Уже в конце XVIII в. был открыт и издан целый ряд древних текстов. Особенно много в этой области сделали Г.Ф.Миллер, Н.И.Новиков, А.И.Мусин-Пушкин и др. В первой четверти XIX века работа по открытию и изданию рукописей еще более оживилась. Немалую роль в этом сыграл граф Румянцев, который с большим интересом относился ко всему древнему, отыскивал любителей старины, давал им разные научные поручения, помогал деньгами и т.д. Недаром А.Котляревский следующим образом оценивает этот период: "Эпоха гр. Румянцева была по преимуществу временем увлекательных открытий в древнерусской письменности и временем начальных предварительных изысканий по этому делу: определялся (и иногда очень правильно) век рукописей и время самого памятника, подыскивались исторические и биографические данные для объяснения его, рукопись или памятники описывались библиографически, а иногда и целиком издавались" (48, 246). Здесь особенно следует отметить деятельность П.М.Строева, описавшего рукописи Волоколамского Иосифа монастыря, монастыря Воскресенского-Нового Иерусалима, Звенигородского Саввина монастыря. Вместе с К.Калайдовичем он издал "Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф.А.Толстова", открыл Святославов изборник, сочинения туровского епископа Кирилла, постановления московских соборов 1503, 1547, 1554 годов, мно-

^I Развитие славяноведения немало способствовало также введение в 1835 году нового университетского устава, по которому были учреждены кафедры "истории и литературы славянских наречий". Поскольку в России еще не было подготовленных специалистов для занятия этих кафедр, то министерство просвещения решило направить за границу молодых людей для изучения языков, литератур и истории западных и южных славян. Среди первых кандидатов оказались О.Бодянский, П.Прейс, И.Срезневский и В.Григорович, которые скоро заложили основы славяноведения в России и воспитали необходимые кадры славистов.

жество разных актов и т.д.¹ П. М. Келпен написал "Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии" (1821 г.), где был приведен для своего времени полный перечень памятников древнерусской письменности с разными библиографическими и историко-литературными комментариями². Правда, в этот период еще недостаточна была филологическая критика текстов, их издания не всегда отвечали всем научным требованиям.

В 1829 г. Академией наук была отправлена по всей России под руководством Строева Археографическая экспедиция с целью "обстоятельного познания всех (буде возможно) письменных памятников отечественной истории, дипломатики, законодательства и пр., скрывающихся в старинных книгохранилищах и архивах". Работа экспедиции продолжалась около пяти лет. За это время она осмотрела более 200 библиотек и архивов и собрала около 3000 историко-юридических актов, относящихся к 1340 - 1700 гг. Одновременно был составлен каталог рукописей и старопечатных книг, хранившихся в монастырских библиотеках.

Собранные материалы поступили в Академию наук, где была затем создана "Комиссия для издания собранных Археографической экспедицией актов", переименованная позднее (1837 г.) в "Археографическую комиссию". По сведениям А. Котляревского, к концу 70-х гг. эта комиссия издала 10 томов "Полного собрания летописей", 34 тома "Актов исторических", 5 томов "Актов юридических", 3 тома писцовых книг, сочинение Котошихина, 5 томов "Русской исторической библи-

¹ См. об этом подробнее: Н. Б а р с у к о в, Жизнь и труды П. М. Строева, СПб., 1878.

² Библиография работ до 1846 г., посвященных описанию славянорусских рукописей, приводится в книге В. Ундольского "Библиографические разыскания", М., 1846; позднейших - в работе А. Котляревского "Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения". Сборник ОРЯС, т. 50, стр. 265-279.

отеки", 6 томов "Летописи занятий Археографической комиссии" и многое другое (48, 249). Особенно активное участие в работе комиссии принимали Я. Бердников, И. Григорович, М. Коркунов, затем А. Бичков, А. Куник, Н. Калачов, П. Савваитов. Описанием рукописей и старопечатных книг занимались и другие ученые (А. Востоков, С. Шевырев, И. Сахаров, В. Перевощиков, П. Строев)¹. На этой основе возникает историко-литературная критика (М. Максимович, М. Погодин, А. Кубарев), появляются первые обобщающие труды (С. Шевырев, М. Максимович).

В середине 40-х годов значительно оживляется деятельность "Имп. общества истории и древностей российских при Московском университете". Оно издало 100 книг "Чтений" под редакцией Бодянского и 25 книг "Временника" под редакцией И. Беляева. В обоих изданиях помещено много произведений старославянской и русской письменности, описаний рукописей и старопечатных книг, различного рода исследований и заметок.

В 1841 году Российская академия была присоединена к Академии наук и на этой основе создано особое (Второе) отделение русского языка и словесности. С 1852 года оно стало издавать "Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности" (ИОРЯС) под редакцией И. Срезневского. В 1852-61 гг. вышло 10 томов ИОРЯС с шестью томами приложений ("Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики") и томом "Памятников и образцов народного языка и словесности", а также три тома "Исторических чтений о языке и словесности" (СПб.,

¹ Ср., например, А. Востоков, Описание рукописных книг славянских, принадлежащих г. Норову, МНП, 1836, № 9; П. Строев, Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке купца Ивана Никитича Царского, М., 1836; С. Шевырев, О славянских рукописях Ватиканской библиотеки, МНП, 1837, № 5; И. Сахаров, Русские древние памятники, вып. 1-3, СПб., 1842; В. Перевощиков, Роспись книгам и рукописям И. Российской академии, СПб., 1840 и др.

1854-57). В ИОРЯС был напечатан ряд новых памятников старославянской и древнерусской литературы, много палеографических, филологических и других исследований. Среди них особо важное место занимает труд Срезневского "Древние памятники русского письма и языка X-XIV в. Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков". По оценке Котляревского, "это - опыт хронологического указателя памятников древнерусской письменности, сохранившихся доселе или и погибших, но таких, о существовании которых имеются положительные указания. Составить и один простой реестр таких памятников - было бы трудом необыкновенным, но определить хронологию каждого, хотя бы и не абсолютную, а приблизительную - задача, требовавшая самых разнообразных знаний, многосторонних соображений, справок и огромного труда. Нет нужды говорить, что г. Срезневский исполнил эту задачу по "своему обычаю", т.е. в высокой степени совестливо, не упустив из вида ничего, что могло способствовать ее решению. В сжатой форме исследователь имеет здесь плоды обширных изысканий, между прочим и историко-литературных, именно - наблюдением над составом некоторых памятников" (48, 258).

Большое место в работах этого периода занимает также вопрос о происхождении славянского письма - кириллицы и глаголицы и их взаимоотношениях.

Еще в начале XIX века Добровский высказал мнение, что глаголица появляется лишь в XII-XIII веке, когда хорватское и далматинское духовенство, стремясь сохранить славянское богослужение, решило пожертвовать кириллицей и выдумало новую азбуку. Это мнение просуществовало до середины 30-х гг. XIX века, т.е. до открытия нового глаголического памятника - Клоциевых отрывков. Древность этого памятника заставила Копитара пересмотреть точку зрения Добровского. Он пришел к выводу, что глаголица древнее кириллицы, составленной по греческому образцу, но должна была уступить место последней.

В этот спор двух крупнейших ученых затем были вовлечены и русские исследователи этого вопроса¹. В частности, П. Прейс в работе "О глагольской письменности" (ДМНП, 1843, № 3) присоединился к выводам Добровского. Он также считал, что глаголица - сравнительно позднее письмо, возникшее на основе кириллицы. Срезневский ("Древние письмена славянские", ДМНП, 1848, № 7) отнес возникновение глаголицы к IX-X веку и высказал предположение, что она могла возникнуть в Болгарии, а не Хорватии, как полагал Прейс. Аналогичных взглядов придерживался и Бодянский, хотя не выражал этого в достаточно четкой форме.

Защитником большей древности глаголицы был В. Григорович. Он доказывал это формой начертаний знаков, кирилловскими текстами на выскобленных глаголических рукописях и др. На основе этого Григорович несколько видоизмерил выводы Копитара, а именно полагал, что Кирилл нашел глаголицу, а Мефодий на основе ее и греческого алфавита создал кириллицу.

Мнение о первенстве глаголицы в конце 50-х гг. защищал также П. Шафарик. Раньше он предполагал, что глаголическое письмо возникло в Македонии или Иллирии почти одновременно с кириллицей, а оттуда было перенесено в Хорватию. В работе же "О происхождении и родине глаголитизма" (1858 г.) Шафарик считает, что до Кирилла и Мефодия славяне не имели собственных букв для писания книг. Константин изобрел совершенно новую азбуку - глаголицу, кирилловское же письмо ведет свое начало от епископа Климента. Позднее эту гипотезу развивали и уточняли Н. Тихонравов, И. Ягич, В. Щепкин. Взгляд на глаголицу как первую славянскую азбуку, составленную Кириллом, преобладает и в современной науке.

Определенные успехи были сделаны и в описании старославянского языка. Прежде всего, множество самих различных све-

¹ См. об этом: Исследования и замечания о древних памятниках старославянской литературы, читанные в заседаниях Второго отделения имп. Академии наук, СПб., 1856.

дений, касающихся звукового состава и грамматического строя, рассыпано в многочисленных описаниях старославянских памятников. Но, кроме этого, были составлены специальные грамматические пособия (Востоков, Шлейхер, Миклошич), словари (Востоков, Миклошич), описана история старославянского языка сербского извода по памятникам кирилловского письма (Шафарик), дан анализ некоторых сторон среднеболгарского языка (Биллярский), опубликовано много мелких статей и заметок, посвященных самым различным вопросам старославянского языка.

Особенно важную роль в изучении старославянского и древнерусского языка в России сыграли такие выдающиеся ученые, как Бодянский, Максимович, Биллярский, Срезневский, Григорович.

х

х

х

Осип Максимович Бодянский родился 13 ноября 1808 года в Полтавской губернии в семье украинского священника. После окончания духовной семинарии он в 1831 году приезжает в Москву и поступает на словесное отделение Московского университета, которое оканчивает со званием кандидата. Первоначально Бодянского привлекают почти исключительно славянские литературы и фольклор. Этим вопросам была посвящена и его магистерская диссертация "О народной поэзии славянских племен" (1837 г.). В том же году молодой ученый отправился за границу "для усовершенствования в истории и литературе славянских наречий" и пробыл там пять лет. За это время он основательно изучил многие славянские языки, особенно чешский, словацкий и сербский.

В сентябре 1842 г. Бодянский вернулся в Московский университет и был назначен экстраординарным профессором по кафедре истории и литературы славянских наречий. Особенно много он занимался со студентами изучением славянских язы-

ков, а на старших курсах читал также славянские древности, историю славянских литератур и сравнительную грамматику славянских языков. С этой целью он перевел все основные труды Шафарика, которые потом в течение многих лет были главными пособиями по славяноведению в России. Недаром Карел Гавличек Боровский в письме от 3 мая 1843 г. писал: "Шафарика в Москве лучше знают, чем в Праге" (45, 104). Бодянский воспитал целую плеяду славистов. У него учились А. Ф. Гильфердинг, А. А. Котляревский, А. Л. Двернуа, А. А. Кочубинский, Н. П. Некрасов и другие.

Кроме преподавательской, большое место в жизни Бодянского занимала издательская деятельность, в частности, как редактора "Чтений в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете" (1858-1880 гг.), где были опубликованы все важнейшие труды Шафарика и масса работ по истории Украины.

В 1855 году Бодянский напечатал свою докторскую диссертацию "О времени происхождения славянских письмен". Он решил основного вопроса, касающегося возникновения кириллицы и глаголицы и их взаимоотношений. Однако "диссертация Бодянского ценна тем, что она явилась исчерпывающим сводом историко-литературных и палеографических заметок по многим вопросам, относящимся к древним памятникам старославянской письменности и кирилло-мефодиевской проблеме. В этом отношении его работа для специалиста сохраняет известное значение до сих пор" (44, 45). Кроме того, Бодянскому удалось более точно установить время происхождения славянских письмен - 862 и 863 г.

Вскоре после этого Бодянский опубликовал статью "Новые открытия в области глаголицы", посвященную значению Маринского и Зографского евангелий, а также Пражских глаголических отрывков. В другой работе "Кирилл и Мефодий. Собрание памятников, до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся" собраны все сведения, имеющиеся в древних письменных памятниках о дея-

тельности Кирилла и Мефодия. В это же время Бодянский издал "Грамматическое изображение о русском языке" Ю. Крижанича, Житие Бориса и Глеба по списку XII века, Житие Феодосия Печерского по списку XII в., собрание великорусских песен П. Киреевского, народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Головацким, и многие другие памятники русской культуры. В "Чтениях" им опубликовано свыше ста статей и заметок по различным вопросам славяноведения.

О. М. Бодянский скончался 19 сентября 1877 года.

х

х

х

Михаил Александрович Максимович родился 3 сентября 1804 года в Полтавской губернии в небогатой дворянской семье. Первое образование он получил в доме дяди по матери Ильи Федоровича Тимковского, бывшего профессора Харьковского университета, автора "Опытного способа к философскому познанию русского языка". В 1819 г. поступил на словесное отделение Московского университета, но через два года перешел на физико-математический факультет. В 1823 году он окончил университет кандидатом и в 1827 г. защитил магистерскую диссертацию "О системах растительного царства". После этого через два года Максимович был назначен адъюнктом, а в 1833 году ординарным профессором по кафедре ботаники в Московском университете. Его труды по естествознанию пользовались большим успехом. Более того, он является создателем целого ряда ботанических терминов. Г. Е. Шуровский в своем приветственном письме по случаю юбилея Максимовича отмечал, что в его трудах ботаника впервые "заговорила изящным русским языком. Вместо прежних насильственно составленных терминов мы услышали тут коренные русские названия, которые до того были удачны, что тотчас же вошли во всеобщее употребление. И можно ли не

принять таких названий, как, например: 'полог' (perigonium), 'распуковка', 'стан', 'подвенечник', 'завитки' и проч и проч.? Всех названий, введенных Вами в науку, пересчитать невозможно. Я укажу еще на одно, употребляемое ныне всеми, название 'особь' (individuum), которым Вы заменили прежние весьма неблагозвучные названия: 'неделимое', 'индивидуум', 'индивидуу' и т.п. Но многие ли из нынешних ботаников и зоологов знают, что этим названием они обязаны Вам?" (93, 1059). С. Пономарев указывает на ряд других слов, созданных Максимовичем: 'колосинка' (locusta), 'приемышники', 'перворосток', 'детка', а также 'своевременный', 'согласовка', 'тоговременный', 'темнословный' (74, 190).

В 30-е гг. у Максимовича появляется страстное желание переехать в Киев. Тут сказались и тоска по родине, и потеря матери, и необходимость в лучшем климате в связи с ухудшением здоровья. Такая возможность представилась в 1834 году, когда открылся университет св. Владимира. Максимович был переведен туда на кафедру русской словесности. Одновременно в 1834-35 гг. исполнял обязанности ректора университета. Этот перевод не был таким уж странным. К тому времени Максимович накопил определенный филологический опыт. Он уже опубликовал два сборника украинских народных песен, получивших высокую оценку Пушкина, Дельвига, Гнедича, Гоголя, критический разбор перевода Вельмана "Слова о полку Игореве", статью о поэме Пушкина "Полтава", издал несколько книг альманаха "Денница", в котором были помещены произведения Пушкина, Мерзлякова, Вяземского, Дельвига, Баратынского, Языкова и др.

В 1841 году Максимович вышел в отставку по состоянию здоровья. И только временно с 1843 по 1845 г. преподавал в университете по найму. После этого жил в деревне, лишь изредка появляясь в Москве или Киеве. Умер он 10 ноября 1873 года.

После переселения в Киев Максимович от естествознания перешел к историко-филологическим исследованиям и ус-

пел опубликовать большое количество работ по истории русской литературы, русскому языку, древностям, этнографии, истории и педагогике. Из его лингвистических исследований наиболее важное значение имеют следующие: "Критико-историческое исследование о русском языке" (1838 г.), "История русской словесности" (1839 г.), "Русская речь в сравнении с западнославянскою" (1845 г.), "Начатки русской филологии" (1848 г.), "Филологические письма к М. П. Погодину о старобитности малорусского языка" (1856, 1857, 1863 гг.).

В своих работах Максимович обратил внимание на один из характернейших признаков восточнославянских языков, который он назвал созданным им термином "полногласие". Правда, объяснение им этого явления не удержалось в русской лингвистической традиции. Максимович считал, что русское полногласие есть исконное свойство не только всех славянских, но и других индоевропейских языков. И лишь с появлением в языках тенденции устранивать гласные звуки позднее стали развиваться неполногласные формы.

Кроме того, Максимович одним из первых определил признаки наречий и говоров русского языка. Еще В. Даль в связи с этим писал: "Почти все, что М. А. Максимович говорит об этом распределении наречий, верно: он владеет завидною способностью схватывать по немногим данным отличительные признаки наречий и подводить их под грамматические правила" (36, XLVI) ^I.

Максимович первым выступил за признание украинского языка как самостоятельного, а не наречия языка русского. Он дал классификацию украинских диалектов и утвердил морфологический принцип в украинском правописании (см. об этом подробнее 71).

^I Даль имеет в виду работу Максимовича "Начатки русской филологии".

Виктор Иванович Григорович родился 30 апреля 1815 года в г. Балте Подольской губернии¹. Первое образование он получил в Умани в униатском училище, а затем в 15-летнем возрасте поступил в Харьковский университет. После окончания университета был назначен на службу в Петербург. Однако не доехав до места назначения, он "сворачивает с пути и укрывается в Дерпте, чтобы здесь, в гнезде настоящей для того времени науки, спасти себя для науки, выработать из себя, путем лишений и непрерывного труда, человека науки, пройти настоящий университет" (53, 4). Здесь он прожил пять лет (1834-1839 гг.), приготавливаясь к учительскому званию и занимаясь классической филологией и немецкой философией². Проф. Моргенштерн заинтересовал его проблемой славяно-византийских отношений.

В то время в Дерпте существовал Профессорский институт, где талантливые молодые люди готовились к занятию университетских кафедр. Среди них были астроном Савич, медик Варвинский, политэконом Горлов. Последний в 1838 году был назначен в Казань и там указал на Григоровича как возможную кандидатуру на кафедру славяноведения. Действительно, в 1839 году Григорович был вызван в Казань для приготовления к занятию кафедры славянских наречий, учрежденной

¹ А. А. Кочубинский местом рождения Григоровича называет деревню Антоновку Херсонской губернии, где находилось имение матери (см. 53).

² А. А. Кочубинский следующим образом описывает этот период жизни Григоровича: "Но вот в скромном Дерпте пред нашим беглецом-ослушником широко раскрылись и обнявшая всю Европу философия Гегеля, и рациональные классические студии, с их культом воспитывавшей стороны; меж них робко, случайно пробивались и славянские вопросы, задевавшие мимоходом пытливого юношу-классика. Он был счастлив за Гегелем, за миром ветхим, и оба эти высокообразовательные фактора и определили главное направление в ожидавшей его самостоятельной деятельности" (53, 4).

по уставу 1835 года. С 1839 по 1841 г. он преподавал в Казани греческий язык. В 1840 году опубликовал свою первую работу "Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках", а через два года за диссертацию "Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах" был удостоен степени магистра и одновременно получил разрешение преподавать славянские языки.

В 1844 году Григорович отправился в путешествие по славянским землям. Если его предшественники больше интересовались западными славянами и под руководством видных ученых занимались исследованием их языка и литературы в культурных центрах, то Григорович хотел изучать южных славян, их языки, письменность, быт и историю в полевых условиях. Поэтому он поехал из Одессы в Константинополь, а оттуда в Солунь и на Афонскую гору, затем в Македонию и Болгарию, через Валахию проехал в Банат, Венгрию и Вену. После этого побывал в Далмации, Черногории, Хорватии и Словении, затем Моравии и Чехии и через Дрезден, Лейпциг, Берлин и Кенигсберг в апреле 1847 года вернулся в Россию. Путешествие было трудным и плодотворным. Кочубинский на похоронах Григоровича говорил: "Двухгодичный генеральный осмотр Турции своими результатами превзошел чаяния и надежды и самого знаменитого путешественника. С массой хартий глубочайшей старины в руках, спасенных им из-под куч мусора и пыли, В.Ив-ч переходит Дунай, платя своему последнему проводнику своими последними пожитками - чемоданом и бельем; но, почти нищий, он открывает миру целый мир новых явлений литературной и бытовой истории славян" (49, 260-261) ^I. Действительно, Григорович обогатил науку огромным

^I Ср. также: "Полутаинственный Афон, о котором, как о вековой сокровищнице славянской науки, мечтали еще старики Добровский и Копитар, а поэт Коллар отвел ему особое место в своем лабиринте сонетов, стал теперь открытой книгой, важной для историка литературы, культуры и былого славянства вообще. Григорович вскрыл, отрешил от мрака забвения притаенные памятники старины - тысячи памятников греческих и славянских, целые кодексы глаголиты, кое-какие, но

количеством новых данных по славянской истории, филологии, археологии и этнографии. Особенно много сведений он собрал о славянских рукописях, хранившихся в различных православных монастырях Балканского полуострова. В частности, им были найдены на Афоне в монастыре Богородицы один из древнейших глаголических памятников старославянской письменности XI века "Маринское четвероевангелие" (издано В. Ягичем в 1883 г.), Охридские листки, Македонский глаголический листок и др., собрана коллекция рукописей на болгарском языке XVI-XVII вв., рукописная коллекция далматинских писателей XVI-XVII вв., открыт один из древнейших текстов на румынском языке - Летопись Моксы, сделана масса этнографических и фольклорных записей.

Результаты своих наблюдений во время поездки Григорович изложил в работе "Очерк путешествия по европейской Турции" (1848 г.). С этим же связаны и его статьи "Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции" и "Протоколы Константинопольского патриарха XIV столетия". С. Б. Бернштейн, оценивая "Очерк", писал: "Он содержит драгоценные сведения по истории болгарского народа, по этнографии, по этнической истории народов Балканского полуострова, по истории церкви, по истории письменности, по топонимике, в нем много ценных фактов, относящихся к истории болгарского языка. Автор сообщает важные данные по болгарской диалектологии, новыми фактами подтверждает прежние сведения, которые многим казались сомнительными... Григорович первый предложил классификацию говоров, которая лежит в основе более поздних группировок болгарских диалектов. "Очерк" В. И. Григоровича представляет собой выдающееся достижение русского славянове-

крупные, крупницы приобретаю для себя и тем самым спасая для нас вековую святыню от гибели или практиковавшегося на Горе аукциона - продажи в Англию" (53, 12-13).

дения середины XIX в. и навсегда останется в истории отечественной науки о славянах. Большое место "Очерк" занимает в истории науки о болгарском языке. Не пройдет мимо этого труда и балкановед" (8, 361).

Вернувшись в Россию, Григорович продолжал вплоть до 1865 года преподавательскую деятельность в Казани. В этот период он написал ряд интересных исследований, которые затем составили сборник "Статьи, касающиеся древнего славянского языка" (1852 г.). В них говорится о значении церковнославянского языка для изучения славянских языков, для обогащения русского языка и развития русской культуры, рассматриваются труды по древнеславянскому языку до XVII в., характеризуются памятники церковнославянской литературы. Но особенно Григоровича занимала проблема глаголицы. И. Срезневский писал: "Он был предан глаголице как религиозной святыне, готов был всякого вводить в ее таинства" (85, 20).

В 1865 году Григорович переехал в Новороссийский университет. После переезда в Одессу его исследования приняли уже иной характер. Свои изыскания в области славяноведения он стремится связать с вопросами местной истории. С этой же целью Григорович предпринял несколько поездок по Новороссийскому краю, участвовал в двух археологических съездах. В 1876 году он оставил университет по собственному желанию и поселился в Елизаветграде, надеясь продолжить свои исследования. Но смерть 19 декабря 1876 года прервала эти планы.

Н. С. Тихонравов, характеризуя научную деятельность этого видного учёного, писал: "В лице Григоровича угасла, смеем думать, большая научная сила. Чем бы ни обуславливалась та редкая ученая скромность, почти стыдливость, которой отличался покойный, скромность, заставлявшая его таить в рукописи плоды своих глубоких размышлений, мы можем сожалеть, что и та немногочисленная семья ученых монографий Григоровича, которые он, можно сказать, в и н у ж д е н был напечатать, не собрана в одно целое. Отдав из своей

профессорской деятельности 34 года провинциальным университетам, Григорович тем самым скрыл от большинства читателей неспециалистов смысл своих ученых открытий, истинное значение своего научного авторитета. Преданный исключительно разрешению научных вопросов, вращаясь в их идеальной области, он спокойно отдавал обнаружение открытых им памятников старославянской литературы другим, и в числе этих "других" был и знаменитый П. И. Шафарик... Вне научной сферы для него, кажется, не существовало другого мира, и он к этому "другому" миру был вполне равнодушен и безответен. На его внешности отражалось его аскетическое затворничество в тихом пристанище ученого кабинета. Из своей келии он любил выносить результаты своих изысканий не в печать, а в столь же тихую, как его кабинет, немногочисленную аудиторию своего университета или в тесный круг своих товарищей" (92).

х

х

х

Петр Спиридонович Билярский родился в 1819 году в Казанской губернии в семье священника. Образование получил сначала в Казанской духовной семинарии, затем Московской духовной академии, которую окончил в 1838 году. Однако в 1844 г. он сложил с себя духовное звание и переехал в Петербург. Здесь Билярский получил место канцелярского чиновника в Комитете правления Академии наук. В 1850 году он перешел в правительствующий сенат на должность протоколита общего собрания. В 1856 году был назначен главным наставником-наблюдателем по русскому языку и словесности в штабе военно-учебных заведений. Этим делом он занимался с большим увлечением, стремился сблизиться с преподавателями, узнать их нужды, желания и надежды. Очень много внимания Билярский уделял повышению теоретического уровня

учителей русского языка и литературы. Для этого он даже написал статью "Сколько главных частей в предложении?" (ЖМНП, 1857, ч. XLIV, июнь). В 1860 году Билярский был утвержден адъюнктом Академии наук по отделению русского языка и словесности, а в 1863 г. избран экстраординарным академиком. Но его здоровье резко ухудшалось: сказывалось заболевание чахоткой в трудные сороковые годы. Почувствовав быстрый упадок сил, он решил переселиться в более теплый климат. В 1865 году Билярский был назначен ординарным профессором по кафедре истории русского языка и русской словесности в недавно открытом Новороссийском университете. Но работать пришлось недолго. 2 января 1867 года Билярский скончался.

Научная работа Билярского была тесно связана с "Журналом министерства народного просвещения", где он сотрудничал с 1844 года в отделе критики и библиографии. Здесь же он впервые напечатал перевод работы В. Гумбольдта "О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода (Введение во всеобщее языкознание)". В 1859 году перевод вышел отдельной книгой. Билярский издал также библиографию работ В. Гумбольдта (1853 г.) и написал статью "Беккер и Гумбольдт как представители двух противоположных начал языкоучения" (1861 г.).

Но главным предметом исследований Билярского был язык церковнославянский. Вот что он писал об этом в предисловии к своей книге "О кирилловской части Реймского евангелия" (стр. П-Ш): "Автор предался исключительно церковнославянским исследованиям вследствие убеждения, приобретенного чтением Я. Гримма, Боппа, Потта, Дица и др., особенно же В. Гумбольдта... Твердость этого убеждения он обязан корифеям лингвистов почти столько же, как и некоторым славянистам. Он полагает, что от В в е д е н и я Гумбольдта для славянского филолога самый первый и самый верный шаг - к церковной азбуке. Кто же после В в е д е н и я чувствует попользование - философствовать, тот, по его

мнению, не понимает Гумбольдта. Равным образом, он уверен, что сравнительно-лингвистическая метода, не обуздав себя в строгой школе церковнославянских исследований, не найдет истории языка и не оживит науки. Кто возьмется за изучение новых славянских языков (и русского в особенности) без древнего церковного, тот ничего не сделает из них для науки. Древний церковный язык есть единственно верная точка отправления для всех направлений славянской филологии, а единственная дверь в сферу церковного языка - первоначальная филолого-палеографическая критика памятников. Кто захочет миновать этот путь, тот останется вне сферы церковнославянского языка, не овладеет его материалом, а будет получать его из вторых рук, принимая иногда мишуру за золото".

В этой области наибольший интерес представляют работы Билярского, написанные под влиянием рано умершего слависта Фрейса. Самыми известными из них являются "Судьбы церковного языка. I. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку Летописи Манассия" (СПб., 1847; 2 изд. 1858), "О кирилловской части Реймского евангелия" (СПб., 1848).

Билярский полагал, что все основные вопросы, касающиеся древнего церковного языка, можно выяснить путем изучения языка среднеболгарского. Без этого невозможно установить ближайшую связь между нынешним болгарским языком и древнеславянским, который, по его мнению, тождественен языку древнеболгарскому. Чтобы выяснить особенности среднеболгарского языка, Билярский провел грамматический и орфографический анализ патриаршего списка летописи Манассия. Выбор данного памятника был обусловлен тем, что "он еще не потерял свойств древнего языка и в то же время имеет ясно выраженные особенности своего времени, которые являются, в свою очередь, переходной ступенью к позднему болгарскому языку" (41, 39). Билярский подробно рассматривает вокализм памятника и делает некоторые общие выводы о его генетических отношениях к звукам древнеславянского языка. Разумеется, анализа вокализма одной рукописи было

недостаточно для широких выводов. Однако по строгости и точности применения сравнительно-исторического метода это исследование считалось в то время образцовым.

Биллярский интересовался также анализом языка художественной литературы и теорией слога. Он предполагал даже составить словарь М.В. Ломоносова, но замысел остался несуществленным.

В. И. Григорович, оценивая значение научной деятельности Биллярского, писал: "Несмотря на тяжкие условия жизни своей, Б. первым уже сочинением своим привлек общее внимание русских и иноземных ученых - его "Судьбы церковнославянского языка" (сочинение, написанное по поводу Реймского евангелия) поразило всех обширностью сведений и строго последовательной критикой. Вскоре затем драгоценный труд: "О вокализме среднеболгарской рецензии" представил и ныне еще редкий пример критического анализа древних славянских рукописей. Оба эти труда удостоены, согласно с исполненным похвал рецензией А.Х. Востокова, полной Демидовской премии. Избранный в число членов Академии наук, академик Биллярский подарил русскую ученую литературу переводом знаменитого сочинения Вильгельма Гумбольдта (*Ueber die Verschiedenheit der menschlichen Sprache*). Если ученые Германии сознаются, что для надлежащего уразумения этого творения надобно быть основательно знакомым с ходом сравнительной филологии, то сколько труда стоил этот перевод академику, одолевшему при том недостатки русского филологического языка. Образцовый этот перевод признан был по справедливости комментарием к самому подлиннику. Сверх этих капитальных трудов, едва ли возможно исчислить разныя монографии, поясняющие задачи грамматики, критики и педагогики... Б-ий подобно А.Х. Востокову из автодидактов стал и надолго будет образцовым наставником нашим в филологической критике и анализе" (30, 294).

х

х

х

Измаил Иванович Срезневский родился 1 июня 1812 года в Ярославле. Отец его был профессором русской словесности сначала в Ярославском "училище высших наук" (Демидовском лицее), затем в Харьковском университете. Туда же был перевезен и Измаил через несколько недель после рождения. Через шесть лет отец умер, и воспитание сына целиком легло на плечи матери. Срезневский получил домашнее образование и очень рано проявил блестящие способности. Четырнадцать лет он поступил на юридический факультет Харьковского университета и в 1829 году окончил его со степенью кандидата, написав диссертацию "Об обиде". После этого несколько лет служил в разных присутственных местах Харькова и давал уроки в учебных заведениях и частных домах. Одновременно продолжал заниматься статистикой и политической экономией.

В это время в Харькове существовал кружок людей, увлеченных литературой (Квитка-Основьяненко, Гулак-Артемовский и др.). Под их влиянием у Срезневского рано пробудился интерес к старине и народной словесности. В 1831 году он издал "Украинский альманах", где поместил несколько своих стихотворений, в 1832 г. - "Словацкие песни", записанные у бродячих торговцев-словаков. В 1833 г. публикует первую часть "Запорожской старины" (П ч. - 1838 г.), где были собраны украинские исторические песни и думы, летописные материалы и записи самого Срезневского о быте запорожцев. Кроме того, он писал исторические рассказы и повести, издал "Сборник малорусских пословиц" и "Малорусские песни с историческими примечаниями".

В начале 1837 года Срезневский защитил магистерскую диссертацию "Опыт о сущности и содержании теории в науках политических" и был назначен адъюнктом по кафедре политической экономии и статистики в Харьковском университете. В 1839 году он опубликовал книгу "Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии", которую представил в качестве докторской диссертации. Но ее не пропустили "из-за необычности высказанных взглядов". Однако интересы и самого Срезневского все больше склонялись в сто-

рону филологии.

По уставу 1835 года в университетах были введены кафедры славянских наречий. Когда возник вопрос о замещении такой кафедры в Харькове, то самым подходящим человеком оказался Срезневский. В связи с этим в 1840 году он был отправлен в научное путешествие по славянским землям. За границей Срезневский встретился с Прейсом, выехавшим ранее, провел с ним несколько месяцев в Праге, потом путешествовал по Истрии, Далмации, Черногории и Хорватии. Болезнь Прейса прервала их дальнейшую совместную поездку. Сам Срезневский побывал почти у всех славянских народов, изучая в библиотеках книги и рукописи, знакомясь с народным бытом и говорами, устанавливая личные связи с видными деятелями славянского возрождения (Шафарик, Дигманн, Челаковский, Ганка, Караджич и др.). "Ни одного замечательного музея, библиотеки, древнего памятника не осталось неосмотренным и неизученным в посещенных им городах. Но что всего важнее — он изучал самый народ в его языке, нравах и обычаях. Пешком с котомкой за плечами он бродил по самым захолустьям, удаленным от больших городов и дорог, справедливо полагая найти там сохранившимися в более чистом виде и язык, и народные обычаи, и образ жизни. Все наречия славянские он изучил настолько, что мог писать на литературном языке, и мало того, бродя по захолустьям, он старался изучить и действительно изучил отдельные говоры наречий, и сделанные им характеристики сделались образцовыми" (84, 469).

Об увиденном Срезневский много писал в славянские журналы ("Денница", "Отечественные записки", "Москвитянин", "Tatranka", "Časopis českého muzea" и др.). В то же время он посетил наиболее крупные немецкие научные и культурные центры (Кенигсберг, Берлин, Галле, Лейпциг, Дрезден), где познакомился с Боппом и Поттом.

А. Липин следующим образом оценивает значение этой поездки: "Путешествие Срезневского и его сотоварищей по изучению славянства стали переломом в целой нашей историко-филологической науке. С этих путешествий началось впервые

правильное и многостороннее изучение славянства; изучение самой русской древности, этнографии, языка впервые получило более широкое и прочное основание через введение исследований сравнительных; даны были первые опоры для сознательного понимания отношений русско-славянских и за пределом научной специальности, в области национальной и общественно-политической" (78, 448).

После возвращения на родину осенью 1842 года Срезневский был сразу назначен профессором на кафедру славянских наречий. Вот что рассказывает о его лекциях один из очевидцев: "Успех его был громадный. Студенты всех факультетов, особенно в первый год курса, толпами стекались слушать красноречивого профессора; самая большая университетская аудитория не вмещала всех желающих. Новость предмета, бойкость изложения, то восторженного и приправленного цитатами из Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критического, не лишённого юмора и иронии, все это действовало на учащуюся молодежь самым возбуждающим образом; все это было так своеобразно и еще ни разу не случалось, как гласит предание, на университетской кафедре" (78, 450). В 1846 году он защитил докторскую диссертацию "Святынища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям".

В 1847 г., вскоре после смерти Преяса, Срезневский был переведен в Петербургский университет, в котором работал до последних своих дней. С 1849 по 1859 г. параллельно преподавал в Главном педагогическом институте. В Петербурге он читал энциклопедическое введение в славянскую филологию, историю славянского языка, славянские древности, древности русской словесности, древности восточных и западных славян. Учениками его были М.И. Сухомлинов, В.И. Ламанский, Н.А. и П.А. Лавровские, А.С. Будилович и другие будущие видные ученые.

В 1849 году Срезневский был избран в Отделение русского языка и словесности Академии наук. В 1852 г. он стал издавать "Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности" (ИОРЯС). Здесь он начал длинный ряд исследований о древних памятниках русской литературы, ввел библио-

графий славянской историко-филологической литературы¹, публиковал сборники разных произведений народной словесности и т.д. После прекращения "Известий" в 1861 году много печатался в сборниках II отделения Академии наук, в трудах Географического и Археологического обществ, писал рецензии на работы, представленные на соискание Уваровской и Демидовской премий и т.д.

Умер Срезневский в ночь с 8 на 9 февраля 1880 года.

Научное наследие Срезневского огромно. Библиография его работ, изданная Академией наук в 1881 г., включает 389 номеров². В первые годы (харьковский период) он занимался преимущественно изучением современной народной речи, народной поэзии и быта славянских народов. "То было именно время романтических идей, к которым прирастала уже народная тенденция, но пока еще в самых неопределенных очертаниях: это было какое-то идеалистическое стремление к первобытному, народному, немного сентиментальное и преувеличенное, какое-то смутное ожидание найти разгадку истории и подлинного национального характера в изучении непосредственного народного быта с его самородной поэзией и самобытно сбереженными преданиями старых веков" (78, 451). Этим, очевидно, объясняется непонимание и неприятие Срезневским новейших художественных произведений и восхищение литературой других славянских народов, проникнутой идеей национальной самозащиты, стремлением поднять дух народа через язык, предания и поэзию.

Наиболее характерными и обобщающими работами первого периода являются уже упоминавшаяся диссертация, затем "Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских" (1845 г.), где он, используя сведения по славянской диалектологии, собранные во время путешествия, классифицирует

¹ Достаточно упомянуть, что в "Известиях" за 10 лет были напечатаны рецензии на 543 книги.

² См. Сборник ОРЯС, т. 22, 1881, стр. 79-126.

славянские языки и их наречия, отмечает случаи сходства вокализма и консонантизма в различных диалектах. Менее известна его работа "О наречиях славянских" (1841 г.).

Во второй период — петербургский — основной областью научных интересов Срезневского становятся памятники древней славянской и русской письменности и русская археология. На собиране, изучение и издание письменных памятников было потрачено больше всего времени и труда. Еще в 1848 г. Срезневский опубликовал работу "Древние письма славянские", в которой он высказал мнение, что глаголица составлена по образцу кириллицы в Болгарии в IX-X вв. Впоследствии он нашел такой вывод неубедительным и решил серьезнее заняться изучением глаголицы и глаголических памятников, которым посвятил всего 21 работу. Наиболее заметные из них "Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы" (1866 г.), "Древние глаголические отрывки, найденные в Праге" (1857 г.), "О древней глаголической рукописи, хранящейся в Киевской духовной академии" (1876 г.) и др.

Но еще больше его интересовали памятники кирилловского письма. В 1865 году Срезневский издал справочную книгу "Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX-XII вв.)". С этого же года он начал печатать в "Записках имп. Академии наук" "Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках", вышедшие потом двумя отдельными книгами (1867, 1876 гг.). В них рассматривается 80 памятников IX-XVII вв., написанных кириллицей, глаголицей и латиницей. При этом многие из них были найдены и опубликованы (целиком или в отрывках) впервые. В 1868 г. выходят "Древние славянские памятники своего письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка". Здесь рассматриваются 33 памятника XI-XIV вв., из которых прежде известны были только четыре.

При изучении древних славянских памятников Срезневский большое внимание обращал на палеографию. Он имел снимки почти со всех сколько-нибудь значительных кирилловских

памятников до XV в., сделанные своими руками. Недаром современники считали его первым знатоком славяно-русской палеографии, своими трудами далеко продвинувшим эту науку вперед.

В заключение нельзя не отметить, что Срезневский является составителем пока единственного в своем роде исторического словаря, вышедшего посмертно в трех томах, а также автором ряда биографических очерков (Ганки, Востокова, Шлейхера, Караджича, Бодянского, Григоровича, Фрейса).

Отзывы о научном наследии Срезневского довольно противоречивы: от самых лестных до самых неделикатных¹. Одним из первых наиболее правильно оценил и главное постарался понять и объяснить содержание и характер научных трудов этого видного ученого Пыпин. Он писал: "Труды Срезневского в последние тридцать лет, в полном развитии его ученой силы, как мы заметили, принимали все больше характер исключительно специальной обработки памятников. Такая обработка составляет первую и необходимейшую степень исторического исследования, и редкие ученые исполняли ее с такой осмотрительной точностью, как Срезневский. Быть может, он находил, что в наличном составе нашей филологии мало людей, которые исполнили бы это дело с той внимательностью, какая для этого требуется; но во всяком случае, бросалось в глаза это одностороннее употребление силы, которая могла бы быть способна к широким обобщениям и ограничивалась работами приготовительными, — между тем, как обобщения в науке не менее необходимы, чем первоначальная разработка материала: они собирают ранее добытый материал в более или

¹ К последним можно, без сомнения, отнести следующее высказывание И. А. Бодуэна де Куртена: "У самого "основателя Казанской лингвистической школы" это стремление к обобщениям, проявившееся еще в его первых лингвистических трудах, усиливалось потребностью реакции против мертвящих, духоубийственных разлагательствований, которые приходилось ему выслушивать от его петербургских "руководителей", видевших всю задачу языковедения в издании памятников и в составлении более или менее бессмысленных словарей" (10, 52).

менее систематическое целое, намечают его историческое значение и указывают путь дальнейших исследований. Срезневский избегал этих обобщений — потому ли, что стремление к точности внушало ему недоверие к ним; или что ученое самолюбие, которое было у него очень сильно, пугалось возможности ошибиться; или, быть может, практический опыт указывал более спокойную деятельность в специальности, далекой от столкновения мнений и от соединяющихся с этим тревог разного рода — не знаем... Масса трудов, совершенных им в области археографии, палеографии, издания памятников, громадна; если прибавить к этому еще то, что было им сделано по русской и славянской археологии, и в прежнее время по славянской мифологии, этнографии, языку, то его справедливо можно поставить наряду с замечательнейшими исследователями славянства, какими были Добровский, Востоков, Шафарик" (78,454-455)¹.

x

x

x

Сравнительное изучение индоевропейских языков, начатое Боппом, было огромным шагом вперед по пути распространения действительно научного метода исследования языкового родства. Однако этот процесс нельзя рассматривать как триумфальное шествие. Дело обстояло гораздо сложнее: новый метод медленно и с большим трудом пробивал себе дорогу в науке. В связи с этим Буслаев писал: "Люди основательные и глубокомысленные, привыкшие почитать вздором этимологические фантазии XVIII века, не могли найти дельного и в новейших сближениях с санскритом, основанных единственно на внешнем созвучии, которое доводило до таких странных крайностей в затейливых гипотезах некоторых филологов. И действи-

¹ Ср. также высказывание Л. А. Булаховского: "Это была дань здоровому научному позитивизму, важному и необходимому этапу в развитии филологической науки XIX в." (13,76).

тельно, в общей массе, дело нисколько не двинулось вперед; только место еврейского языка, от которого любил производить все языки, занял санскрит; приемы остались те же и при том же отсутствии всех ученых пособий; все дело решалось тем же остроумным сближением слов, для которого надежным основанием полагалось внешнее созвучие. Между тем, высокое значение таких сравнительных изысканий, каковы исследования Ютта и Сравнительная грамматика Боппа, было признано весьма немногими, потому что добросовестное изучение подобных книг требует значительных усилий. К тому же и сам Бопп в 1833 году, когда выдал первый выпуск своей "Сравнительной грамматики", далеко еще не удовлетворял тем существенным требованиям науки, на которые он почитал уже обязанностью ответить в пятом выпуске, вышедшем в 1849 году. Так, например, только в этом выпуске он дает надлежащее значение санскритским ударениям, славянским носовым звукам, литовским причастиям" (17, 21).

Исторический метод, разработанный Я.Гриммом в "Немецкой грамматике", также довольно медленно распространялся в европейских странах. Возможно, одной из причин было то, что историческое изучение конкретного языка требовало колоссального материала, взятого не только из литературных произведений, но и просторечия, народных говоров и древних памятников. Поэтому диахронические исследования получают широкое распространение лишь начиная с 40-х гг. XIX века.

В России труды Гримма стали известны уже в двадцатых годах (П.Кеппен, А.Востоков). Но эта известность ограничивалась узким кругом ученых. По воспоминаниям Срезневского, Прейс первым познакомил с Гриммом слушателей Петербургского университета (1842 г.). "Прилагая постоянно приемы и знания Гримма к своим разысканиям, он стал передавать с кафедры свои убеждения о необходимости приложения их к славянской науке с полным знанием дела" (86, 238). "О преподавании отечественного языка" Буслаева было первой попыткой исторического рассмотрения ряда важных вопросов русской грамматики. "С тех пор, пишет далее Срезневский, имя

Гримма стало у нас все чаще повторяться и с кафедр, и в печати. Стали все чаще прибегать к Гримму, как к руководителю и истолкователю не только в вопросах о языке, но и в вопросах о древностях религии, права и обычаев народных. С особенным уважением и чаще других перечитываемы и изучаемы были у нас его мифология, его история немецкого языка, его сказки. Есть хоть и очень немногие такие почитатели Гримма, которые дорожат каждой его статьей. Второе отделение Академии со своей стороны не раз имело случай высказать, как оно дорожит мыслями этого великого германского филолога, филолога в подлинном значении этого слова. Оно не раз обращало на них внимание и пользовалось ими. Все это ручается, что деятельность Гримма принесла у нас пользу в деле успеха русской науки и еще более принесет в будущем" (86, 238).

Одним из первых опытов сравнительно-исторического изучения русского языка были "Филологические наблюдения" Г. П. Павского.

Герасим Петрович Павский родился в 1787 году в Павловском погосте Лужского уезда Петербургской губернии, где отец его был дьяконом и позднее священником. Сначала он учился в доме отца, а в 1797 году был привезен в Петербург и определен в Александро-Невскую семинарию, которая в те годы являлась одним из лучших духовных училищ, где готовились кадры как духовенства, так и учителей для провинциальных семинарий. Поэтому в учебном плане важное место занимали не только богословские предметы, но также философия и языки (еврейский, греческий, латинский, немецкий, французский). Наука давалась Павскому легко, но мучила бедность. Один из его биографов пишет: "Отправляя своего сына в Петербург, отец Павского шил ему сюртук из своей единственной рясы, а сам остался ходить в одном подряснике" (3, 115).

В 1808 г. Павский блестяще окончил семинарию и поступил во вновь открытую С.-Петербургскую духовную академию. После ее окончания в 1814 г. со степенью магистра богословия был назначен бакалавром по кафедре еврейского языка.

Многолетнее преподавание этого предмета привело Павского к мысли составить грамматику, хрестоматию и еврейско-русский словарь. Это были первые учебники подобного рода, составленные русским ученым. Грамматика и хрестоматия затем были напечатаны, словарь остался в рукописи. Кроме преподавания, Павский много занимался переводом и сверкой духовных книг. За деятельное участие в переводе св. писания ему было присвоено звание профессора еврейского языка (1818 г.) и степень доктора (1821 г.). В 1819 году Павский занял кафедру богословия в Петербургском университете. Но в 1826 г. он ушел из университета и стал законоучителем будущего императора Александра II, а вскоре и духовником всей царствующей фамилии. В 1835 г. по состоянию здоровья оставил службу при дворе и посвятил себя ученой деятельности. Умер Павский в 1863 году.

В научном наследии Павского видное место занимают работы по русскому языку. По свидетельству Н. И. Барсова, им были написаны два отзыва о грамматике Греча. Это "Суждение о Гречевой философической пространной грамматике" и "Примечания на вновь составленную грамматику русского языка". "И труду Греча автор беспощаден. Своими замечаниями он, можно сказать, уничтожает всякое его значение. Перебирая параграф за параграфом, он везде находит полнейшую несостоятельность. В одном месте Павский грамматические познания недоросля Митрофана Простакова ставит выше Гречевых" (3, 106). В 1841-42 гг. Павский издает первые три тома "Филологических наблюдений над составом русского языка", в 1850 г. выходит второе издание этого труда, дополненное четвертым томом.

Выход "Филологических наблюдений" был встречен современниками с большим сочувствием. Многие даже считали их эпохой в истории русской грамматики. Например, И. Давыдов писал: "Филологическими наблюдениями" началось новое направление в изучении отечественного языка. По появлении сочинения прот. Павского, составившего в истории грамматики нашей эпоху, план грамматики, начертанной в 1842 г. Вторым

отделением академии, должен был измениться в объеме и методе" (35, II9). Еще более восторженным был отзыв Белинского: Павский "одни стоят целой академии. Его "Филологическими наблюдениями над составом русского языка" положено прочное основание филологическому изучению русского языка, показан истинный метод для этого изучения... Это успех, успех блестящий и славный тем более, что у нас нет еще публики для ученых сочинений и что журналы не оценили великий труд отца Павского, как следует, — а не оценили потому, что для него, как сочинения совершенно самобытного и оригинального, которое первое полагает основание русской филологии, не нашлось ценителей, достаточно сильных для подобной оценки. Не придет время, когда сочинение отца Павского сделается классической и настольной книгой для всякого ученого, который посвятит себя изучению русского языка. Уже и теперь плоха и ничтожна была бы самая хорошая грамматика, которой автор, при ее составлении, много и крепко не посоветовался бы с "Филологическими наблюдениями над составом русского языка" (7, 231). Академия наук на основе блестящего отзыва Востокова присудила автору "Наблюдений" полную Демидовскую премию. В 1858 г. его избрали академиком.

Успех "Филологических наблюдений" был обусловлен прежде всего состоянием науки в тот период. Дело в том, что традиционная грамматика с ее правилами и исключениями, выведенными на основе наблюдений над языком образцовых писателей, начинает переживать определенный кризис.

В сравнительно-историческом языкознании возникает лингвистический, как его тогда называли, способ изучения языков. Здесь предметом исследования становится уже сам язык, а цель — открытие законов, по которым он развивается. Такой подход стал признаваться единственно научным. Этих же принципов стремится придерживаться и Павский. Уже во введении он заявляет: "Я всегда старался выискать главный закон, по которому происходят разные изменения слогов и слов, а в случае отступления слов от сего закона, указывал причину, почему оно допущено. Я не терпел в грамматике таких

правил, которые допускают множество исключений, и не одобряя таких грамматистов, которые находят в языке множество неправильных слов" (69, 1-2). Иначе говоря, в тот период ученые полагали, что каждое языковое явление можно объяснить с исторической точки зрения. Поэтому не может быть исключений из правил, так как каждое из них найдет свое закономерное место в истории языка.

Образцом для такого подхода могла служить "Немецкая грамматика" Я.Гримма, в которой автор каждую форму немецкого языка рассматривает сначала на родной почве, а также в сравнении с другими германскими языками и диалектами. И только после этого он проводит на основе звуковых (фонетических) законов сближения немецких форм с формами других индоевропейских языков.

Павский тоже исследует звуки и формы. Его подробнейший анализ вокализма и консонантизма русского языка и особенно именного и глагольного словообразования и словоизменения рассматривался современниками как огромное достижение в грамматической литературе. Но прошло десять лет, и оценка трудов Павского стала более трезвой. Дело в том, что за время, отделяющее первое издание от второго, в сравнительно-историческом языковедении были сделаны большие сдвиги вперед, позволившие более объективно взглянуть на "Филологические наблюдения". И первым этот сделал Буслаев.

В целом Буслаев дал книге Павского высокую оценку. Он писал: "Филологические наблюдения" содержат в себе много любопытнейших подробностей, которыми наука непременно воспользуется, много светлых мыслей и счастливых соображений" (18, 48). Это относится прежде всего к рассмотрению носовых звуков, где Павский удачно воспользовался наблюдениями Востокова, а также к описанию морфологической системы русского языка, в котором можно найти образцы тонкого и детального анализа словообразования и словоизменения различных частей речи.

Однако, поскольку автор избрал "лингвистический" метод, то должен был бы решить следующие задачи: а) прове-

сти такое сравнение индоевропейских языков со славянскими, которое показало бы, какой форме в каждом индоевропейском языке соответствует та или иная славянская форма; б) определить звуковые законы русского языка как в связи с другими славянскими языками, так и отдельно; в) поскольку формы современного русского языка есть результат длительного развития, то необходимо было их исследовать в плане историческом. Такой путь подсказывали работы Гримма. Однако Павский не последовал этому примеру. Во-первых, историческая струя, хотя со временем и усиливалась, но оказалась явно недостаточной, вследствие незначительного и нерегулярного привлечения материала из древних памятников и областных говоров. Поэтому древние формы не были сопоставлены с современными и не прослежены пути их развития в русском языке. Во-вторых, Павский не провел последовательного сравнения фактов русского языка с соответствующими явлениями в других славянских языках. Привлекаемый славянский материал был недостаточным (главным образом из чешского и польского языков) и приводился эпизодически. В-третьих, следовательно, он, "обойдя вопрос исторический, отправляется прямо от сравнения. Иначе и ожидать было нельзя. Отделив большую часть русских форм от родного корня, автор необходимо должен был искать объяснения явлениям русского языка не только в коренных индоевропейских, но даже в позднейших, каковы французский, английский, новонемецкий, одним словом везде, кроме самого языка русского и родственных ему славянских наречий" (18, 31). В-четвертых, в основе сравнительно-исторических исследований должно лежать учение о звуках. Однако Павский не обратил достаточного внимания на гласные, не показал, чему они соответствуют в других индоевропейских и славянских языках, какие исторические изменения они претерпели, и вследствие этого неправильно объяснял многие чередования. Более того, он даже не воспользовался открытиями, сделанными Востоковым. Особенно это сказалось в истолковании *ъ* и *ь* как придыхательных. Эта теория, которой он постарался придать всеоб-

ший характер, встретила отпор со стороны большинства языковедов. В частности, Буслаев писал: "Итак, существенный недостаток исторических начал в "Филологических наблюдениях" сказывается по преимуществу на придыхательной теории букв ъ и ь, систематически проведенной по всем частям этого сочинения. В этой же теории нашли мы источник погрешностям и против сравнительного учения. Она могла зародиться только вне истории языка и тотчас же стать с нею в решительное противоречие. Автор основывает все свое учение не на звуках, а на буквах ъ и ь; а как скоро берутся в рассуждение буквы, то необходимо прежде всего выставить их историческое значение, в подробном исчислении форм, по всем древнейшим памятникам языка" (18, 26)¹. Еще более резкая оценка этого взгляда была дана О.Бетлингом: "Несчастливая теория славянских придыханий помрачила здесь, как и в других случаях, взор филолога" (9, 67). Все это еще усугубляется тем, что Павский зачастую не соблюдает звуковых законов. Поэтому в "Филологических наблюдениях" нередки сопоставления, основанные на внешнем звуковом сходстве и напоминающие фантастические этимологии XVIII века (ср. 'дешев' - англ. dog shear, 'ремесло' - англ. fremman, 'шиворот' - англ. sviga и мн. др.). Более того, Павский считает, что русский язык испытал большое влияние со стороны других языков не только в области лексики, но даже морфологии и синтаксиса (например, образование полных прилагательных, изменение глагола по видам, временам и др.). В связи с этим Буслаев резонно заметил, что "давать иноземное происхождение спряжениям глагола значит некоторым образом уничтожать самую живую, самую основную половину языка" (18, 32).

¹ Ср. также: "Теория эта, не основанная ни на сравнительных, ни на исторических данных, держится одним остроумием, заслоняет силу и значение звуков гласных в языке славянском и дает ограниченное понятие об изменении согласных" (17, 71).

Все отмеченные недостатки и упущения Павского дали возможность уже его современникам рассматривать "Филологические наблюдения" как явление переходного периода. Интересно, например, привести одно высказывание Котляревского, относящееся еще к 1859 г. Кстати, оно во многом перекликается, а иногда и дословно повторяет рецензию Буслаева, о которой говорилось выше. "Они (т.е. "Филологические наблюдения". — С.С.) были встречены самым горячим сочувствием, переходящим в изумление, и только с течением времени, лет десять спустя по выходе первых выпусков, сделалось ясным их настоящее достоинство. От новой науки пр. Павский заимствовал только наружную сторону, заключающуюся в сравнительном элементе; но, не желая поступиться началами старинной филологической грамматики, он, против воли, впал в сферу тех произвольных сближений, которые основаны на случайном созвучии, и во всем видит или заимствование, или влияние одного языка на другой... Вообще "Филологические наблюдения" Павского... объясняются переходным состоянием от теорий Шишкова и других к ясному взгляду на язык, основанному Вильгельмом Гумбольдтом, Боппом, Гриммом. Оттого они остались одиноким явлением в науке: практическая грамматика была уже закончена и заключала в себе почти те же самые положения и ту же систему, для которой пр. Павский создал такой ученый пьедестал, а начатки сравнительно-исторического изучения не могли помириться с его "наблюдениями" потому, что в них видели тот мертвый взгляд на язык и тот устарелый метод, от которого наука только что освободилась" (98, 18-19).

Следующей попыткой изучения русского языка сравнительно с другими индоевропейскими языками была магистерская диссертация М.Н. Каткова.

Михаил Никифорович Катков родился в Москве в 1818 году. Он рано лишился отца, поэтому своим воспитанием и дальнейшим образованием обязан матери. В 1834 г. поступил на словесное отделение Московского университета. В университете Катков увлекся философией и прижился к кружку Станке-

вича. Вместе с Белинским сотрудничал в "Московском наблюдателе" и "Отечественных записках". Из его статей того времени обратили на себя внимание "О русоких народных песнях", "Об истории древней русской словесности Максимовича" и некоторые другие. В 1838 г. Катков окончил университет со званием кандидата. Через год выдержал экзамен на степень магистра, а в конце 1840 г. отправился для завершения образования за границу (Германия, Франция, Бельгия). В 1843 г. он вернулся в Петербург и хотел поступить на гражданскую службу. Но по совету С.Г.Строганова переехал в Москву и занялся научной работой. В 1845 г. Катков напечатал книгу "Об элементах и формах славяно-русского языка" и представил ее в качестве магистерской диссертации. После защиты был определен адъюнктом по кафедре философии в Московском университете. Как преподаватель, по воспоминаниям современников, особым даром слова не обладал и не мог увлекать слушателей. В университете Катков проработал только пять лет, так как в 1850 г. преподавание философии было возложено на профессора богословия. После этого он целиком посвящает себя журналистике, выступая против Чернышевского, Добролюбова и Герцена. В.И.Ленин (Соч., изд. 4, т. 18, стр. 250) дал Каткову следующую оценку: "Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству". Катков скончался 20 июля 1887 года.

В своей магистерской диссертации автор ставит задачу уяснить "элементы, из коих сложились речения и развились формы языка русского", т.е. "уяснить тот путь, каким он обособлялся; постараться подойти сколь можно ближе к той древнейшей эпохе, когда он сам впервые произнес себя; потом следить движение им в ту эпоху признанных законов" (42, I). Другими словами, Катков хотел показать, а) каким был русский язык в период обособления его от общеевропейского, б) как он обособлялся, т.е. видоизменял

общие всем индоевропейским языкам законы в соответствии со своим национальным характером, в) какие этапы прошла каждая его форма от первоначальной эпохи до современности и тем самым выяснить, что сохранилось в нашем языке от индоевропейской и славянской общности. Единственный путь для этого — историко-сравнительный.

Вся книга распадается на две части: первая посвящена "элементам", т.е. звукам гласным и согласным, а также ударению, вторая — именным и глагольным формам.

Рассматривая положение Гримма о том, что в индоевропейском языке было три кратких гласных (а, и, у), автор противопоставляет ему мнение Боппа об исконной долготе \hat{a} и \hat{e} в санскрите, где они обнаруживают "двугласную природу". При этом \hat{a} легко разлагается на а+у, \hat{e} — на а+и. Но чистый и полный элемент голоса выражается только в а, другие же звуки стоят на границе гласных и незаметно переходят в согласные: у через в дает начало губным, а и через ј — небным. Тем самым Катков хотел показать, что дифтонги заключают в себе зародки согласных звуков.

Чтобы выяснить судьбу \hat{a} , \hat{e} в русском языке, Катков прежде всего рассматривает природу ъ и ѣ. В противоположность Павскому, он (вслед за Востоковым, Шафариком и Гриммом) относит их к числу гласных. Автор доказывает это, описывая употребление ъ и ѣ в древнейших русских памятниках, а также привлекая сравнительный материал из других славянских языков, санскрита, зенда, древнегреческого, латинского и готского, где этим буквам везде соответствуют гласные звуки. Затем Катков рассматривает њ, оу, ѣ. Характеризуя њ, он первым из русских лингвистов воспользовался законом поднятия звуков, который помогает ему решить многие вопросы (например, объяснение глаголов типа 'плыть', 'слыть', 'крыть').

После этого автор исследует характер ѣ и ѣ, причем последняя из них признается долгим ѣ и приравнивается к санскр. \hat{a} . Все объясняется на основе открытий Востокова и приравнивается к индийской анусваре. Исчезновение их из

русского языка объясняется отчасти общеславянским законом, по которому невозможно стечение гласных на конце слов, отчасти характером русского языка, не терпящего ринезма.

С исследованием гласных звуков и теорией дифтонгов тесно связано учение о количестве (долготе и краткости) гласных, которое на основе учения Шафаррика объясняется, как результат смешения ударения слогов с количеством.

При рассмотрении консонантизма Катков одним из первых применил закон палатализации согласных перед *и* и *ј* к фактам русского языка. При этом коренными согласными он считает зубные с тремя основными звуками *с, т, д*, а все прочие производными. Тут как раз автор впадает в противоречие: в дифтонгах он хотел найти зародыш всех согласных, а признал основными согласными те, которые из дифтонгов не вытекают.

Во второй части Катков рассматривает словоизменение в русском языке и его соотношение с формами других индоевропейских языков. На основе этого он приходит к выводу, что постоянной тенденцией русского языка было упрощение форм и стремление к единообразию. Одним из проявлений этого было гонение на консонантизм в конце слова, которое явилось одной из причин обособления славянского языка. Говоря о процессе образования слов и форм вообще, Катков пишет: "Здесь два главные мнения, в крайних представителях своих не только враждебные, но и вовсе противоположные. Одно желает видеть в целом производительном процессе языка лишь движение звуков, условленное началом лада и меры; ... Другое направление хочет в формах языка доискаться потаенного смысла; в движении звуков хочет слышать движение самих понятий; не довольствуясь, подобно первому, расчленением форм на главные и служебные части, оно и в служебных ищет определенного значения. И то и другое, особенно первое, в своем состязании ссылается на органическое устройство языка" (42, 249-250).

Воспитанный на трудах Боппа, Гримма и Гумбольдта, Катков также считает, что язык это организм, заключенный "в самих же языках исторических, но не как полный и цельный орга-

низм, но как условный и частный, где помертвелый, где сохранивший признаки жизни. Изучая языки, мы блуждаем по развалинам сокрушенного организма. Как из обломков древнего мрамора художное чутье воссоздает приблизительно тип совершенной красоты, так и наблюдатель языка остается лишь догадываться о том полном организме словесного целого, где не было раздела между знаменательным и служебным" (42,251).

В целом исследование Каткова является дальнейшим развитием и дополнением труда Павского, положившего начало сравнительно-историческому изучению русского языка в широком плане, т. е. на фоне других индоевропейских языков. Но нельзя не отметить, что оно не приобрело широкой популярности. Здесь, очевидно, сказалось то, что автор после этого перестал заниматься лингвистикой, а главное - русское языкознание свою основную задачу все больше начинало видеть в историческом изучении русского языка, а не его сравнении с другими индоевропейскими языками.

Наиболее объективную оценку книги Каткова дал в то время А. Линниченко, оценка, которая сохраняет свое определенное значение до настоящего времени. Он писал: "Светлый ум г. Каткова не мог не видеть блестящих, полных правды, выводов историко-сравнительной методы - и он признает ее единственно способною для разрешения задачи. Но по малочисленности ли материала, по другим ли причинам, только он нередко остается в сфере сличения, мало опирая его на данных истории. Чем глубже входила мысль в предмет, тем как будто более убеждалась в плодотворности начал исторических - и во 2-й части исследования дает им гораздо более простора... Но ища самостоятельным исследованием ж и в о г о организма слова, г. Катков не может еще открыть его и приходит к заключению, что нет его в виде живой, конкретной действительности; он является только в языках исторических и то неполным, не целым, а условным, где помертвелым, где с признаками жизни. Поэтому, коснувшись всех сторон, требуемых наук, не совершенно расстался с некоторыми явлениями методы старой, по крайней мере, с их тенью,

в усиллии - вывести разнообразие звуков гласных и согласных из одних дифтонгов (от физиологии он держится подальше), в невольном выводе по временам из санскрита, в смешении славянского яз. с чисто русским и т.п." (60, 83-84).

Если под влиянием трудов Боппа у нас появились "Филологические наблюдения" Г. Павского и "Об элементах и формах славяно-русского языка" М. Каткова, то работы Я. Гримма обусловили интерес к историческим исследованиям. Здесь прежде всего необходимо упомянуть "Мысли об истории русского языка" И. Срезневского, которые "были у нас первым опытом методически последовательного изложения основных этапов истории русского языка" (4, 5).

Свою книгу Срезневский начинает с утверждения, что народ и язык существуют нераздельно, народ полнее всего и вернее выражает себя в своем языке. Следовательно, изменяются народы, изменяются и их языки. Наука должна исследовать, как и по какому пути идет изменение языка и тем самым выяснить законы его развития. Такая наука может быть только исторической.

Далее Срезневский повторяет типичную для сравнительного языкознания того времени романтическую теорию о двух периодах в истории языка - периоде развития форм, когда создается их логическая стройность, и периоде постепенного падения прежних форм и их замены другими формами, в результате чего возникает новая стройность, но уже не в формах языка, а мыслях, ими выражаемых; "формальная определенность сменяется описательностью".

Народы одного племени остаются нераздельными (в том числе и по языку), пока не отделятся один от другого. "Язык не только до отделения народа от родственных народов, но и долго после остается наречием другого языка; потом сам дробится на наречия; каждое из этих наречий может в свою очередь образоваться в отдельный язык. Таким образом, история языка каждого отдельного народа есть только часть истории языка целых племен" (87, 22). Поэтому наука должна показать, каким был язык в момент отделения от той или

иной языковой общности и как он изменялся у данного народа.

Эти общие принципы Срезневский распространяет затем на русский язык. Поскольку русский язык относится к индоевропейским, то его история есть продолжение истории языка славянского племени, а эта последняя, в свою очередь, — продолжение истории всей индоевропейской семьи языков. В связи с этим история русского языка должна выяснить, что собой представлял русский язык (как местное ответвление) во время отделения общеславянского языка от других индоевропейских языков, а затем во время распада общеславянского языкового единства. Охарактеризовав на основе памятников X—XIV вв. фонетические и морфологические особенности древнего русского языка, Срезневский подтвердил вывод Востокова, что этот язык "в первобытном своем состоянии ближе всего подходил к наречию старославянскому и вместе с ним всего более сохранил черты первообразного общего славянского строя" (87, 33).

Говоря о судьбах собственно русского языка, Срезневский прежде всего различает историю языка народного и книжного. Если первоначально они были довольно близкими, то затем стали отдаляться друг от друга, так как язык богослужбных книг отличался неподвижностью, а народный язык все дальше шел по пути изменений в своем составе и строе, образуя местные говоры и наречия. Поэтому в XIII в. язык светских грамот и летописей, где господствовал народный элемент, существенно отделяется от языка духовных сочинений. Таково содержание первого периода развития книжного языка. Во второй период, наоборот, с развитием письменности народные элементы все больше проникали в книжный язык и тем самым сближали его с народным языком. Таким образом возникает как бы два книжных языка: один — более древний, архаический, другой — новый, как результат смешения старославянского с живым народным языком.

С историей языка тесно связана история словесности. Периоду образования народного русского языка в его древнем, первоначальном виде соответствует период образования на-

родной словесности. Периоду отделения книжного языка от народного соответствует период отделения книжной литературы от народной словесности. Затем по мере сближения книжного языка с народным происходит сближение книжной литературы с народной словесностью.

Для создания полной истории русского языка, говорит Срезневский, необходимо провести еще большую подготовительную работу. Во-первых, разобрать в лексическом, грамматическом и историко-литературном отношении каждый старый памятник и составить к нему полный словарь. Во-вторых, описать каждый местный говор, составить словари диалектной речи, а также сборники произведений народного творчества. В-третьих, всесторонне описать современный русский литературный язык и язык писателей. На основе монографического описания памятников языка старого и современного, книжного и народного следует составить исторический словарь и историческую грамматику. При этом большую помощь может оказать также сравнительно-историческое изучение славянских и других индоевропейских языков.

"Мысли" Срезневского, представленные вначале в виде речи на годичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 года, имели огромный успех и неоднократно переиздавались. Их высоко оценили виднейшие ученые того времени: Ф. Буслаев, И. Давыдов, М. Погодин, А. Котляревский, П. Лавровский и др. Все крупные журналы откликнулись похвальными рецензиями. Например, "Современник" (1850, т. XIX, № I, стр. 48) писал: "Сочинение г. Срезневского есть как бы полная программа исторических трудов по части русского языкознания, — программа со многими новыми, верными замечаниями, и о том, что уже сделано на этом поприще, и о том, чего должно еще ожидать и на что должно обратить внимание". И. Давыдов отмечал, что исследование Срезневского кладет "основательное и разумное начало" исторической грамматике русского языка, которую тогда собиралась готовить Академия наук. Более того, "оно указывает новый путь для занимающихся историей отечественного языка и послужит

дополнением западным ученым филологам по части сравнительно-исторической грамматики языков индоевропейских вообще и славянских в особенности" (34, 77). А.Котляревский, давая обзор истории сравнительного языкознания в России в I половине XIX века, писал: "Мысли" - явление безупречное и, как бы ни пошла далеко вперед наука, за ними останется честь немалого влияния на утверждение в нашем обществе животворных начал сравнительно-исторического метода в изучении родного языка" (98, 22). Действительно, "Мысли об истории русского языка" заложили основы исторического изучения русского языка и представили своего рода программу предстоящих исследований. Их влияние в науке сказалось очень быстро. Дальнейшее развитие идей, высказанных в "Мыслях", связано прежде всего с именем П.А.Лавровского.

Петр Алексеевич Лавровский родился 13 марта^I 1827 года в селе Выдропужке Тверской губернии. В семье протоиерея Лавровского было 19 детей. Главная роль в их воспитании принадлежала любящей, но строгой матери. Сначала Лавровский вместе с братом Николаем учился у местного дьячка, потом в Новоторжском духовном училище. Мечтой отца было дать детям хорошее образование. Наслышавшись много доброго о Главном педагогическом институте в Петербурге, он решил отдать туда младших сыновей. В 1842 г. Лавровский поступает на отделение славянской филологии этого института. В то время там работали Плетнев и Срезневский. Уже в студенческие годы Лавровский проявил большую любовь к истории языка и вскоре стал любимым учеником Срезневского. Его работа "О Реймском евангелии", где давался подробный разбор этого памятника в сравнении с Остромировым евангелием и Ватиканским текстом, была удостоена золотой медали.

В 1851 году Лавровский окончил институт и по предложению Срезневского был назначен и.д. адъюнкта по кафедре славянских наречий Харьковского университета. Он читал славянские древности, общее филологическое и этнографическое обо-

^I К. Грот приводит другую дату - 31 марта (см. 31).

зрение славян, грамматику старославянского языка, обзор древних памятников русской письменности, историю литературы славянских наречий. В 1852 году Лавровский защитил магистерскую диссертацию "О языке северных русских летописей".

Эта работа написана под непосредственным влиянием "Мыслей об истории русского языка". Много общего со взглядами Срезневского мы находим уже во введении. Например, он также отмечает, что "русский язык до XIII-XIV века был нераздельный, что, кроме местных отличий, в нем вовсе не было заметно распада на два отдельные наречия" (56, 20). Различия между русским и украинским языком начинают намечаться только в XIII-XIV вв. Лавровский доказывает это отсутствием фонетических признаков украинского языка в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, написанных на одном языке, общем для юга и севера. Но в русском языке, по его мнению, уже с древних пор (до XII века) существовали отдельные диалектные особенности.

В основной части работы Лавровский на материале северных русских летописей рассматривает отличительные черты языка "древнего" (до XV века) и "старинного" (XV-XVIII вв.). Особенно много интересных наблюдений встречается при характеристике истории именного склонения, где автор постоянно стремится определить время появления новых окончаний. При анализе глагольных форм обращает на себя внимание попытка ученого показать их употребление в памятниках в зависимости от стилей древнерусского языка. Меньше внимания уделяется числительным и местоимениям. В диссертации Лавровского впервые отмечены синтаксические особенности древнерусского языка, например, такие, как согласование собирательных числительных в роли подлежащего со сказуемым во множественном числе, употребление двойственного числа и падежей без предлога, стремление к безличным конструкциям, повторение предлогов и многие другие.

В целом наблюдения Лавровского над языком северных летописей имели важное значение для дальнейшей разработки истории русского языка, особенно изучения синтаксических особенностей северных говоров.

В 1854 г. Лавровский защитил в Харьковском университете докторскую диссертацию под названием "Исследование о летописи Якимовской". Критически рассмотрев существующие мнения ученых о Якимовской летописи, он снял с Татищева обвинение в подделке рукописи. По его мнению, первая половина памятника (до прибытия Рюрика) составлена по польским летописям и отчасти чешским, вторая же часть списана с какой-то древней рукописи, составленной около времени крещения новгородцев, может быть, самим Иоакимом.

В 1855 году Лавровский получил звание экстраординарно-го профессора, в 1857 г. - ординарного. В 1856 г. он был командирован в Петербург для ознакомления с памятниками древней письменности. В результате этого появилось "Описание семи рукописей Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки" ("Чтения в Обществе истории и древностей российских", 1858, кн. IV). На основе анализа памятников XI-XV вв. (Минея праздничная XI-XII вв., Стихирарь XII в., Псалтырь XII в., Изборник XIII в., Пролог XIII в. и др.) автор дает характеристику основных черт фонетики, морфологии и лексики древнерусского языка. Например, он отмечает, что носовых звуков в XI-XII вв. в русском языке уже не существовало, редуцированные в этот период еще имели звуковое значение, но затем перешли в о, е, смещение ц и ч является древнейшей чертой новгородского говора.

В 1858 году Лавровский опубликовал "Замечания об этимологических особенностях языка польского" ("Ученые записки Второго отделения ИАН", 1858, кн. IV), в которых не только дал критический анализ трудов польских ученых, но и подробно осветил особенности грамматических форм в польском языке. А. Кочубинский, позднее оценивая эту работу Лавровского, писал, что "статья молодого харьковского слависта была предтечей в исторической разработке польского языка" (52, 850).

Но особенно Лавровского интересовало происхождение русского полногласия, которое он рассматривает в статьях "Замечание о полногласии" ("Известия ОРЯС", 1859-60, т. VIII) и

"О русском полногласии" ("Материалы для сравнительного и объяснительного словаря", СПб., 1861, т. V).

Проблема полногласия в русском языке привлекала внимание многих ученых. Добровский объяснял его возникновение влиянием финского языка, Востоков — влиянием климата и т.д. Более глубоко к решению этого вопроса подошел Лавровский. Русское полногласие он связывает с "гласностью", т.е. слогаобразующим характером звуков р и л. По его мнению, первый гласный звук в русском полногласии есть остаток древнейшего поднятия гласных р-л в ар-ал, видоизмененных в славянских языках в ор-ол, ер-ел. В южнославянских языках, а также чешском и словацком "гласность" р-л в дальнейшем потеряла способность поднятия и вследствие этого произошло усиление гласного звука. Так возникли в этих языках неполногласные формы (в период отдельной жизни славянского племени). Несколько позднее в русском языке возник второй гласный звук.

Заслуга Лавровского здесь состоит в том, что он первый правильно установил происхождение полногласных форм из сочетаний гласных о, е с плавными в положении между согласными. Однако он не сумел связать возникновение полногласия с законом открытых слогов, что было сделано Ягичем в начале XX века. Поэтому в настоящее время теория Лавровского принята с некоторыми поправками.

Весной 1859 г. Лавровский был отправлен в славянские земли, где пробыл до января 1861 года. За это время он объехал все западные и южные славянские страны, побывал в главных культурных центрах, познакомился со многими выдающимися деятелями славянской науки и литературы, сумел приобрести богатый запас знаний. Пребывание за границей помогло Лавровскому значительно расширить круг преподаваемых предметов. Так, в 1861-62 гг. он читал историю и литературу чешского народа, в 1862-63 гг. — историю польской литературы, в 1865-66 гг. — историю и литературу сербского народа. Немало также занимался разнскими в области славянских языков, мифологии, этнографии, литературы и

истории славян¹.

В 1863 г. Лавровский опубликовал обширный труд "Кирилл и Мефодий как славянские проповедники у западных славян", удостоенный Уваровской премии. "В обширной литературе о Кирилле и Мефодии он занимает весьма выдающееся место, как по богатству собранных материалов, так и по строгому историко-критическому методу, употребленному при их разработке и при разборе мнений других ученых, занимавшихся тем же предметом" (24, 56).

Среди харьковских учеников Лавровского были такие будущие видные ученые, как А. Потебня и М. Колосов.

В 1869-72 гг. Лавровский был ректором вновь открытого Варшавского университета, заменившего существовавшую ранее Главную школу, и одновременно читал лекции по сравнительной грамматике славянских и других родственных языков. В конце декабря 1872 года он уволился по собственному желанию и переехал в Петербург. В 1873 году появилась его работа "Значение настоящего времени (praesentis) в классификации славянских глаголов и образование его сравнительно с родственными языками" (ЖМП, 1873, апрель). В этой статье Лавровский рассматривает различные способы образования форм настоящего времени и приходит к выводу, что не тема инфинитива должна служить исходной точкой классификации славянских глаголов (как это считал Миклошич), а формы настоящего времени.

В 1875-80 гг. Лавровский был попечителем Оренбургского учебного округа, немало сделав для развития народного просвещения в этом крае. В 1880 г. был переведен попечителем в Одесский учебный округ, где пробыл до выхода в отставку в 1885 г.

Еще во время заграничного путешествия у Лавровского возникло намерение составить словари главных славянских языков. Сам он успел издать сербско-русский (1870 г.) и русско-сербский словарь (1880 г.).

¹ Полная библиография работ Лавровского опубликована в ЖМП, 1886, ч. 244, апрель.

Последние годы жизни Лавровский был членом совета министра народного просвещения. Досуги же свои посвящал исследованию вопроса о жизни славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, вопроса, которым он интересовался четверть века. Буквально за две недели до кончины Лавровский закончил переписывать статью "Итальянская легенда. Критический обзор исследований и мнений о ней; значение ее для истории жизни и деятельности славянских первоучителей".

Скончался Лавровский 28 апреля 1886 года.

В целом русское сравнительно-историческое языкознание достигло в первой половине XIX в. значительных успехов. Труды Востокова, в которых старославянский язык был отделен от древнерусского и общеславянского, заложили прочные научные основы исторического изучения старославянского языка. Проблема возникновения славянской письменности, открытие, издание и описание памятников, изучение грамматического, фонетического и лексического строя старославянского языка и его судьбы в разных славянских странах нашли широкое отражение в научной литературе.

Успехи славянского языкознания способствовали становлению исторического изучения русского языка. Были изданы и описаны многие древнерусские памятники, установлены главные соответствия звуков и форм русского и других славянских и индоевропейских языков, определены периоды в истории русского народного и книжного языка. На этой основе с середины XIX в. появляется уже ряд специальных исследований по истории звукового состава и грамматического строя, послуживших базой исторической грамматики как самостоятельной отрасли русского языкознания.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ф. И. БУСЛАЕВ КАК ЛИНГВИСТ

§ I. Детские и юношеские годы. Московский университет

Федор Иванович Буслаев родился 13 апреля 1818 года в городе Керенске, где его отец служил уездным стряпчим. Мать была дочерью армейского офицера. В 1816 году в возрасте четырнадцати лет она вышла замуж. Но ее счастье продолжалось недолго. В 1823 году И. И. Буслаев опасно заболел и был перевезен для лечения в Пензу, где через два месяца скончался. Мать уже после этого не могла вернуться в Керенск и решила навсегда поселиться в Пензе. После смерти мужа она всецело отдалась заботам о маленьком сыне. Позднее Буслаев писал в своих воспоминаниях: "С тех пор, как я стал себя чувствовать, мы жили с ней одною жизнью, совокупно радовались одними и теми же радостями, горевали в одних и тех же печалях, однообразно проводили день за днем в тех же привычках" (23, 48).

Вначале Буслаевы имели довольно хорошие средства, полученные по наследству. Но в 1825 году мать вторично вышла замуж. Новый муж своим пьянством и разгульной жизнью окончательно разорил семью. После этого пришлось жить уже в весьма бедственных условиях. Летом 1836 года мать умерла в возрасте 34 лет, заразившись горячкой от одной своей приятельницы, за которой она ухаживала.

В 1828 году Буслаев поступил в пензенскую гимназию. Его первым учителем русского языка был В. Г. Белинский, который в этом году только что окончил гимназию и из-за недостатка средств не мог отправиться в Московский университет. Поэтому, оставаясь в Пензе в звании ученика гимназии, занял вакантную должность учителя. Буслаев потом писал о нем:

"Он много нам диктовал и заставлял нас учить стихи, из коих как сейчас помню: "О дети, дети! Как опасны ваши лета" и "О, ты, пространством бесконечный!"... В Пензенской гимназии, под руководством Белинского и Евстратова я впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой потом посвятил всю свою жизнь и в литературных трудах, и в лекциях с кафедры Московского университета" (100, 379). С Белинским они встречались и позднее в Москве.

В своих "Воспоминаниях" Буслаев так описывает преподавание в пензенской гимназии: "Практический метод, обусловливаемый двухчасовым уроком, давал много льготы и учителю, и ученикам, которая могла бы вести к полезным результатам, если бы не была злоупотребляема.

Большую часть времени в гимназии мы проводили сами по себе, так сказать, по методу взаимного обучения, без надлежającego руководства и наблюдения со стороны учителей. Мы слушали, что один из нас читал, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили с иностранных языков на русский, изготавляли свои сочинения. Между тем учителя ходили взад и вперед по классу и разговаривали между собой, всегда двое: в нижнем этаже учитель первого и второго классов, а в верхнем - третьего и четвертого; внизу обыкновенно избирался для прогуливания второй класс, а в верхнем - четвертый. Потому в обоих этих классах наши оригинальные опыты взаимного обучения несколько нарушались хотя бы и пассивным надзором находившихся налицо учителей, которые сновали из стороны в сторону перед нашими скамейками, впрочем, мало обращая на нас внимания.

Любимейшее исключение составлял преподаватель физики, минералогии и ботаники Нил Михайлович Филатов, человек очень образованный и довольно богатый помещик. Искалеченный и хромоногий, он не мог и думать о военной карьере, которой обыкновенно предназначали себя тогдашние молодые люди из зажиточных дворян, но, желая получить чин по выходе из университета, искал себе какую-нибудь приличную и притом самую легкую службу, и не нашел ничего лучшего, как быть учителем гимна-

зии. Он был очень добр и ласков с нами, и мы любили его. По своей искалеченности он не мог забавляться прогулками по классу с своими товарищами и был принужден сидеть за учительским столом перед нашими скамейками. Впрочем, он нисколько не мешал нашему взаимному обучению, потому что постоянно был углублен в чтение французских романов. Для нашего развлечения, он позволял нам рассматривать разные породы минералов, или же делать физические опыты при помощи снарядов и машин, которые тогда приносились в наш класс. От уроков естественной истории остались у меня в памяти только одни разрозненные термины, без всякого смысла тогда задолбленные: излом кварца, поляризация призмы, явнотрачные и тайнотрачные растения и т.п.

Долг справедливости заставляет меня присовокупить, что из числа наших учителей были двое таких, которые в течение всего двухчасового урока ни на минуту не оставляли нас без своего внимательного надзора и строго исполняли свои обязанности, а именно: во-первых, Зоммер (учитель немецкого языка. — С.С.), неукоснительно соблюдавший во всех своих действиях и поступках врожденную его натуре немецкую аккуратность, и, во-вторых, законоучитель, который, без сомнения, находил неприличным достоинству своего духовного звания неуместное праздношатание взад и вперед по классу.

Решительно не понимаю, как могло случиться, что директор, являясь в гимназию, ни разу не заставлял нас врасплох. Только что он появится у нас перед окнами, тотчас же по всем классам разносится осторожный шепот: "Григорий Абрамович! Григорий Абрамович!" Учителя опрометью спешат каждый на свое место, ученики наскоро убирают со столов всякий свой хлам и чинно рассаживаются, насторожив глаза и уши. Директор, разумеется, находит все в надлежащем порядке, послушает немножко учителя, у кого-нибудь из нас заглянет в книгу, одного поглядит по головке, а другому для острастки даст выговор. Тем дело и кончалось. Директор уходит, и мы, учителя и ученики, опять принимаемся за свое" (23, 63-64).

Естественно, что при таком способе обучения успехи гимназистов не были слишком блестящими. Зато много времени оставалось для чтения. Уже в гимназические годы Буслаев познакомился с сочинениями Жуковского, Батюшкова, Козлова, Бестужева-Марлинского, Крылова, Рыльева, Пушкина, Мильтона и др. Он составил даже целую "рукописную библиотеку", переписывая от руки наиболее интересные произведения.

В 1833 году 15-летний Буслаев окончил гимназию. Но в университет принимали только с 16 лет. Поэтому он провел в Пензе еще год, готовясь к вступительным экзаменам, особенно по греческому языку, который тогда в гимназиях не изучался, и латини. Первоначально Буслаев хотел стать медиком, чтобы обеспечить матери безбедное существование. Но та, видя любовь сына к гуманитарным наукам, настояла, чтобы он поступал на словесное отделение философского факультета.

В июле 1834 года Буслаев приехал в Москву сдавать вступительные экзамены в университет. Вот что он пишет о своих первых впечатлениях: "Привыкнув к широкому раздолью гористой Пензы с окружающими ее полями и дремучими лесами, я почувствовал то, что, вероятно, должна почувствовать птичка, попавшая в клетку или в западню. Может быть, это тяжелое впечатление помутилось и чувством разлуки с матушкой, которое тогда с особенной силой меня обуяло, а может быть и потому, что только теперь во всем ужасе предстало передо мной решение ожидавшей меня судьбы" (23, 2). Острота переживаний была обусловлена отчасти и трудным положением. "Для меня, - писал он, - действительно необходимо было выдержать экзамен не для того, чтобы только поступить в университет, а чтобы обеспечить самое свое существование... Не выдержал я экзамена, мне пришлось бы в Москве помереть с голоду, а о возвращении в Пензу нечего было и думать без копейки в кармане" (23, 5).

Но вступительный экзамен прошел вполне благополучно. В аудиторию случайно зашел М.Н. Погодин. "Его добрый снисходительный взгляд точно приласкал меня, воодушевил, и я

продолжал рассказывать с такой искренностью, с таким убеждением, которыми я будто хотел ответить на дружеское приветствие старого знакомого... Да, это был первый луч радости, осветивший меня по приезде моем в Москву" (23,6), - вспоминал впоследствии Буслаев. В сентябре (при содействии Погодина) он был принят в число казеннокоштных студентов.

Московский университет в то время переживал переходный период: Срок обучения продлили с 3 до 4 лет. Профессорский состав был пестр: Старшее поколение смотрело на студентов как на мальчишек и не считало нужным готовиться к лекциям. Среднее (И. Давыдов) заботилось о форме лекций, но не работало над своей специальностью. И только младшее само стояло на научной высоте и старалось студентов поднять до своего уровня. Среди них наибольшую роль в судьбе Буслаева сыграли С. П. Шевырев и М. Н. Погодин. Как он писал потом, "лекции Шевырева производили на меня глубокое, неизгладимое впечатление, и каждая из них представлялась мне каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка. Я впервые почувствовал тогда всю его красоту и сознательно полюбил его. Чтобы дать вам понятие о силе животворного действия, оказанного на меня Степаном Петровичем в его филологических наблюдениях и анализах, достаточно будет сказать, что они воодушевляли меня и были положены в основу моих грамматических и стилистических исследований, когда я работал над составлением моего сочинения: "О преподавании отечественного языка" (издано 1844 г.). Невыразимо радостно и лестно было мне видеть в экземпляре этого сочинения, подаренном мною Степану Петровичу, отметки его собственной рукой на полях страниц: "моя мысль", "мое замечание" (23, 125).

И далее Буслаев продолжает: "Из уст Погодина в первый раз услышал я имя великого германского ученого (Я. Гримма), который своими многочисленными и разнообразными исследованиями потом оказывал на меня такую обаятельную силу, так воодушевлял меня, что я сделался одним из самых ревностных

и преданнейших его последователей... Погодину же я обязан великою благодарностью и за то, что он первый научил меня читать и разбирать наши старинные рукописи, во множестве собранные в его так называемом древлехранилище" (23, 128).

В университете Буслаев начал делать свои первые научные шаги. В частности, он перевел "Общую грамматику" Дю-Саси¹, добавив факты русского и церковнославянского языков; для Шевырева составил систематический свод грамматик Смотрицкого, Ломоносова, Академической, Греча, Востокова и Добровского; для Шафарика снял копии с Толковой псалтыри XI века. Благодаря этому, как он писал, "достаточно был вооружен сведениями, необходимыми по тому времени для всякого доброкачественного учителя русского языка" (23, 131).

§ 2. Домашний учитель. Путешествие со Строгановыми за границу. "О преподавании отечественного языка"

В мае 1838 года Буслаев окончил университетский курс со степенью кандидата. По рекомендации И. И. Давыдова его взяли домашним учителем в семейство гофмаршала барона Л. К. Бюде. Он должен был приготовить сына Бюде к поступлению в старший класс палеского корпуса и одновременно учить русскому языку младших дочерей. Специальных учебников для этого никаких не было, да и даровитый ученик питал полное отвращение "к голословным предписаниям грамматики Востокова и риторики Кошанского". Поэтому в основу занятий Буслаев положил чтение и рассказ или письменное изложение прочитанного, чтобы тем самым соединить уроки истории с изучением языка, слога и литературы. Обучение же грамматике он начал с синтаксического разбора предложения и "на цельной его канве, с подлежащим, сказуемым, с словами определительны-

¹ Перевод хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ми, дополнительными и обстоятельными, располагал отдельные части речи с их изменениями в склонениях и спряжениях" (23, 138).

Одновременно Буслаев около года работал сверхштатным учителем русского языка в младших классах 2-ой московской гимназии. Сам он пишет об этом следующее: "Странное дело, мое учительство в этой гимназии прошло мимо меня, как тень, не оставив по себе в памяти ни малейшего следа" (23, 152). Но в этом, пожалуй, нет ничего странного, так как директор при первой же встрече заявил, что гимназия — не университет, нужно забыть профессорские лекции и свое внимание сосредоточить на предписанном учебнике. Отсюда становится ясно, почему должность домашнего учителя в знатных семьях больше привлекала молодого педагога.

Весной 1839 года граф С.Г. Строганов предложил Буслаеву отправиться на два года за границу, чтобы там давать уроки его детям.

Строганов в 1835 г. был назначен попечителем Московского учебного округа. "Будучи широко образованным, культурным человеком, с большим вкусом и умственным дарованием, он не мог не понимать значения просвещения... Знакомый со многими учеными Запада, читатель серьезной европейской научной литературы, он имел полное представление о том, что нужно требовать от ученого труда, и довольствоваться состоянием науки в Московском университете никак не мог, особенно в области славяноведения, русского языка, литературы и истории. Строганов взялся за создание новых научных сил. Он списывается с большими учеными Запада, например с Шафариком, и организует поездки за границу даровитых русских молодых ученых — О.М. Бодянского, С.М. Соловьева, П.И. Кудрявцева и Ф.И. Буслаева. Впоследствии он всячески покровительствует Грановскому. Строганову нужна была настоящая, большая европейская наука" (73, 9). Именно этот человек сыграл большую роль в судьбе Буслаева, в какой-то мере определил его жизненный путь и даже научную карьеру.

Через Любек, Гамбург и Лейпциг Буслаев направился в Дрезден, где в знаменитой галерее и других музеях занялся серьезным изучением археологии и истории искусства. Вскоре сюда же приехало семейство гр. Строганова, и он вместе с ними направился через Нюрнберг, Мюнхен и Болонью в Неаполь. Путешествие проходило медленно, во всех крупных городах они останавливались на несколько дней, а иногда и недель и внимательно осматривали все достопримечательности.

В Неаполе Буслаев провел всю зиму. С утра он давал уроки своим ученикам, а затем усердно занимался археологией и историей, позднее — творчеством Данте и историей ранней итальянской живописи. Осенью 1840 г. они переехали в Рим, где Буслаев начал изучать итальянский язык и литературу, а также архитектуру "вечного города".

В апреле 1841 года Буслаев вместе с семейством Строгановых оставил Рим и отправился через Вену и Варшаву на родину. После возвращения в Москву он продолжал работать у Строганова и одновременно в 3-й московской гимназии.

В эти годы (1841—1844) Буслаев серьезно занимается вопросами методики преподавания родного языка. В связи с этим он писал: "Хотя я и приобрел на практике некоторые навыки в преподавании русского языка и словесности, но, как самоучка, не умел давать себе ясного отчета в выборе дидактических приемов и особенно затруднялся, как следует вести дело с многолюдным классом учебного заведения. Мне не доставало теории, которая расширила бы мой кругозор" (23, 271). Буслаев принимается за изучение литературы по педагогическим и дидактическим вопросам. Каждое теоретическое положение он стремится проверить практикой. С этой точки зрения работа в гимназии для него оказалась "сущим кладом". Когда в дидактике были сделаны значительные успехи, то по поручению графа Буслаев стал составлять циркуляры и отдельные статьи с целью распространения лучших методов обучения русскому языку и словесности в Московском учебном округе. В это же время он написал комментарии, критические замечания и дополнения к учебнику Половцева "Русская грамматика для

русских". Работа была разослана по учебным заведениям как своего рода методическое руководство.

В 1844 г. Буслаев издает книгу "О преподавании отечественного языка", которая завершает его методические поиски и открывает путь к последующим лингвистическим исследованиям. Этот труд состоит из двух частей. Первую часть Буслаев посвящает вопросам дидактики, знакомит учителя со взглядами на преподавание родного языка, разными методами, выработанными в Германии и других европейских странах, вводит читателя в мир научно-лингвистических и педагогических интересов. Во второй части представлен обильный материал по истории русского языка и стилистике.

Е. Н. Петрова, характеризуя мировоззрение Буслаева, подчеркивала прежде всего его гуманизм и патриотизм. "Человек — вот что звучало для него непреложно и глубоко. Человек — носитель всего самого ценного и высокого: великих мыслей и глубоких чувств; человек — как личность в ее внутреннем духовном мире... Патриотизм для Буслаева это прежде всего любовь к конкретному историческому народу. Это уважение к истории, обычаям, нуждам, интересам, стремлениям данного народа. И Буслаев был последователем в своем человеколюбии и народности... И потому для него народы всех национальностей и всех времен кажутся достойными человеческого уважения" (73, 14). Неслучайно некоторые высказывания Буслаева, особенно критиковавшие тогдашнюю систему воспитания, перекликаются с идеями Белинского и Добролюбова.

Однако Буслаев воспринимал общественно-политические понятия в абстрактной форме, не понимал глубоких классовых противоречий в России, высоко ценил "обаятельный реализм" в искусстве и всячески сторонился любых политических вопросов. "Для меня нет ничего скучнее, как тарабарская грамота политических дебатов" (23, 317), — писал он.

Идеи гуманизма действительно проходят через всю книгу "О преподавании отечественного языка", в которой личность ученика становится центром всех рассуждений. Уже в самом начале книги Буслаев заявляет: "Ученый, излагая науку, ув-

лекается только еѳ одной, не обращая никакого внимания на личность читателя или слушателя: он предлагает свою науку единственно тому, кто поймет его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет свою цену, когда прилична тем лицам, коим преподается" (14, 29). Вслед за известным швейцарским педагогом А. Жираром Буслаев подчеркивает, что каждый учитель должен быть не только преподавателем языка, истории или географии, но и воспитателем детей, "образующим разум для образования сердца".

Эти общие положения автор применяет затем к методике преподавания русского языка, основоположником которой он является.

Буслаев ставит перед педагогической теорией две задачи: а) определить предмет изучения, б) показать, как этот предмет должен служить воспитанию и давать учащимся необходимые и основательные знания.

Вслед за Гриммом, он также различает два рода изучения языков: филологический и лингвистический. В первом случае язык выступает как средство для понимания древней литературы. При лингвистическом подходе язык изучается сам по себе, путем расчленения его на составные части. На этой основе возникло сравнительное языкознание, которое свои правила выводит из сравнения языков или форм одного и того же языка. Для такого подхода развитие литературы не представляет особого интереса, так как предметом изучения одинаково может служить как язык обработанный, так и необработанный, даже диалектный.

Отечественный язык, по мнению Буслаева, должен изучаться и филологически, и лингвистически, чтобы сочетать практические и научные цели. Однако лингвистическому способу необходимо отдать предпочтение, так как нам менее известно происхождение языковых форм, чем их употребление. В то же время нельзя забывать, что точное употребление языка подчиняется известным правилам, которые необходимо знать.

Но изучение языка у нас еще не отвечает необходимым

требования. Во-первых, наши грамматики составлены по образцу латинских и греческих, поэтому в них отчасти не хватает лингвистического элемента, отчасти содержится много лишнего, особенно в правилах склонения, спряжения и под. Во-вторых, "для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода". Здесь-то и высказывается великий недостаток грамматики Востокова и Греча, несмотря на все их ученые и научные достоинства: Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебник, забывая личность учащегося: между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики" (14, 31).

Еще в XVIII в. начался спор между гуманистами и реалистами по вопросу о целях преподавания родного языка и его месте в учебных планах гимназий. Гуманисты основой образования считали древние языки и отвергали систематическое обучение отечественному языку. Реалисты же, наоборот, одним из главных школьных предметов признавали родной язык, как средство научить детей правильно говорить и писать. Буслаев, прежде чем определить свою позицию в этой полемике, стремится дать ответ на следующие вопросы: а) необходима ли логическая пропедевтика до изучения грамматики, б) полезно ли упражнять детей определением логических категорий, в) совместима ли с преподаванием родного языка энциклопедия наглядного учения и умственных упражнений.

Во-первых, говорит Буслаев, если язык есть выражение мысли, то, изучая его, дети изучают и мысль. Логические категории для них гораздо понятнее в языке, грамматике, чем в отвлеченных упражнениях. "След., не логика предшествует обучению грамматике, а наоборот, грамматика приготавливает детей к логике" (14, 45).

Во-вторых, определять всякий предмет логически, забивать головы учеников младших классов гимназии логическими и философскими определениями не только бесполезно, но и вредно. Детям сначала нужно дать больше материала для памяти, развивать у них не только ум, но и чувства, нравст-

вещность, дар слова: "Всякое материальное учение есть вместе и формальное, т.е. развивающее умственные силы; другими словами: во всяком предмете учения есть логика, а тем более в грамматике" (I4, 46).

В-третьих, учитель родного языка не должен давать энциклопедические знания и тем самым подменять другие предметы. Каждый преподаватель вкладывает свою часть в общее воспитание и за нее отвечает.

При этом обучении родному и иностранному языку должно различаться по своим методам. "Если мы возьмем в руководство грамматики Востокова, Греча и др., то, конечно, лучше учиться русскому языку по латинскому, ибо эти грамматики составлены по методу грамматики для чужих языков: начинаются определением частей речи, склонениями и спряжениями, с кепкими для детей подробностями, и потом уже предлагают синтаксис. Многие наши педагоги до сих пор все хлопочут о спряжениях да склонениях, и не догадываясь, что русские без правил умеют правильно и склонять и спрягать. Половцев частично применил преподавание русского языка к требованиям русского ученика, но и он не достиг своей цели, предпослав этимологии синтаксису и не связав синтаксическим разбором всех частей речи в одно целое" (I4, 51).

Какими же требованиями в таком случае должно отвечать преподавание отечественного языка? Буслаев вслед за Дистервергом отвечает на это следующим образом: "1) Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает сама природа, то есть, помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения... Отечественный язык не должен преподаваться так, как преподается иностранный, т.е. не наблюдением отдельных звуковых видоизменений, не путем рассуждающего наблюдения, а практическими примерами, т.е. сообщением ученику понятного и полезного такими словами и формами, с какими хочешь познакомить ученика... 2) Формы речи, коими ученик умеет уже пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путем анализа... Ибо язык есть живое целое; человек никогда не произ-

несет ни одного слова бессмысленного, но всегда говорит предложениями, выражающими мысль. Органическое целое ему известно прежде, нежели отдельные части оною. Так как естественный и легчайший ход преподавания состоит в извлечении неизвестного из известного и в постепенном присовокуплении неизвестного к известному, потому в отечественном языке надобно начать с органического целого, т.е. с предложения. Части же его до самых простейших стихий, коими заключается процесс раздробления, могут быть найдены только путем анализа... 3) С разбором соединяй синтезис, совокупление отдельного в практических упражнениях... 4) Соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием. Обучение языку имеет дело хотя с внешним, с формами и плотью языка, однако... изучение форм самих по себе не имеет никакой цены и ... они не могут быть исключительным предметом наблюдения. Всегда и везде ищи значения представлений и отношений, выражаемых формами... Постоянная связь содержания с формою требует, чтобы учитель никогда не рассматривал частей речи и отдельных форм - самих по себе, но постоянно представлял их в органическом целом, в предложении" (14, 54-56).

На основе этого Буслев стремится выяснить отношение отечественного языка к другим предметам преподавания. Во-первых, по его мнению, отечественная грамматика должна быть посредником между родным языком и латинской грамматикой и, следовательно, предшествовать ей. Во-вторых, что касается грамматики и математики, то они обе должны быть своего рода логикой в течение всего гимназического курса. "Математика дает дитяти первые понятия об отвлеченных воззрениях на пространство и время; грамматическое учение наполнит эту *tabulam rasam* живым, конкретным содержанием. В этом отношении грамматика будет для формального образования ученика средним термином между знаниями реальными ... и между математикой... В этом же отношении преподавание математики в низших классах гимназии приносит великую пользу и обучению языкам, приготавливая детей к восхождению от наглядного учения к отвлеченностям грамматическим" (14, 57-58).

В-третьих, отечественный язык является посредником между новыми и древними языками: "русский учитель анализом предложения познакомит с значением падежей, латинский отделит каждый падеж флексией, новые же языки к флексиям присовокупят члены и вспомогательные предлоги, а русская грамматика укажет в предложении на отношение падежей к предлогам и т.п." (14, 58). Как результат сближения истории новых и древних языков должно быть возведение русской грамматики до сравнительной и исторической.

Подводя итоги своим рассуждениям, Буслаев делает следующие общеметодические выводы:

1. Все грамматическое учение должно основываться на чтении писателей. При этом на первом этапе оно не может быть самостоятельной систематической наукой, а только прибавлением к чтению, письму и упражнениям. Задачи его сводятся к тому, чтобы развить детские способности и научить безошибочному употреблению русского языка. На высшем этапе грамматика уже является наукой, так как опирается на сравнительное и историческое языкознание, в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы.

2. Метод преподавания родного языка на начальном этапе должен быть генетическим: ученику не дается ничего нового, а только уясняется и приводится в сознание то, что он уже знает. Объяснение же должно быть эвристическим. Если в низших классах отечественная грамматика заменяет логику, то в высших она становится сравнительно-исторической, которая полезна как в практическом отношении (облегчает изучение иностранных языков и помогает при переводах), так и теоретическом: "только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языках, и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую форму" (14, 68).

3. Поскольку изучение родного языка становится наукой, то оно должно быть систематическим. В таком случае систематической сравнительно-исторической грамматике должны предшествовать, во-первых, практическое изучение иностран-

ных языков в сближении с русскими, во-вторых, чтение древних и новых памятников нашей литературы. Однако и на высшем этапе родной язык должен преподаваться эвристически: "формы устарелые сближать с теперешними, чуждые с родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного" (14, 68).

После изложения общих принципов изучения родного языка Буслаев рассматривает методику отдельных разделов курса, в частности, таких, как риторика и шпика, чтение, письменные упражнения. Заключается первая часть книги образцами разбора басен Крылова, "Сказки о рыбаке и рыбке" Пушкина, "Слова о полку Игореве", летописи Нестора, ед Ломоносова, старинных повестей и сказаний.

Появление книги вызвало многочисленные и самые противоречивые отзывы. Первым на Буслаева обрушился барон Брамбеус (Сенковский), опубликовавший статью в "Библиотеке для чтения" (1844, т. 65, ч. 2). Высмеивая в балаганной тоне содержание и язык книги, рецензент заключает: "Прочтите "умозрительство" г. Буслаева, "О преподавании отечественного языка", раскройте познавательность своего духа через бессмыслицу - и вы поймете, что "выше сего, сладостнее и вымышленнее выговорить человек не может". К барону Брамбеусу не замедлила присоединиться "Северная пчела" Булгарина и Греча, назвав работу Буслаева "странной книжкой о том, как разучиться писать по-русски". Поэтому неудивительно, что даже на склоне лет Буслаев с горечью писал: "Мне было стыдно и гутко читать не только вслух, но и про себя, как перед целым светом окатили мое до сих пор никому не известное имя помоями и топтали его в грязь. Но я вполне утешился и ободрился сочувственными мне отзывами в "Русском инвалиде" и в пушкинском "Современнике", которые отнеслись ко мне не только вежливо, но и ласково и вполне одобчительно" (23, 285-286).

Действительно, рецензент "Современника" рассматривал сочинение Буслаева как замечательное и выдающееся. Соглашаясь с педагогическими выводами автора, он признавал не-

обходимым только одно условие: "для преподавания отечественного языка путем практическим надо приготовить целую генерацию учителей. Иначе эта метода не достигнет главной цели - утверждения знаний относительно к отечественному языку" ¹. "Отечественные записки" (1846, т.46), прежде чем дать подробный и сочувственный пересказ труда Буслаева, признали, что "много виноваты перед этой книгой, замедлив с нашим о ней отчетом". Даже А. Студитский, исходивший в противоположность Буслаеву из синтетического метода, признавал: "Мы дорого ценим его труд, но на многое смотрим с различных точек зрения" ².

В целом можно сказать, что дидактическая часть книги вначале действительно не получила широкого признания, так как, по словам Киричичникова, "появление ее было совсем несвоевременно: молодой горячий педагог, с широким филологическим образованием, слишком далеко обогнал современную ему русскую школу" (70, 156). Но уже в 60-е гг. появляется целый ряд педагогов, которые, идя по пути Буслаева, подробно разрабатывали намеченные им вопросы: объяснительное чтение, метод грамматического обучения, ведение письменных упражнений и т.д. В числе их были также замечательные люди, как Ушинский, Водовозов, Острогорский, Стоянин и другие. Поэтому проф. Петрова с полным правом через сто лет могла сказать, что книга Буслаева "впервые в истории русской педагогики дает научно обоснованную методическую систему, причем ее научные обоснования стоят на уровне достижений современной ей науки сравнительно-исторического языкознания. Впервые в истории русской педагогики научная методика написана самим учителем русского языка, проверена на практике и практически целесообразна по точному адресу учителя русского языка, для его повседневной практики. Несмотря на идеалистическое мифологизирование автора, его методическая система

¹ "Современник", 1844, т. XXV, стр. 332.

² "Киевские записки", 1844, к. 10, стр. 408.

прогрессивна во всех своих конкретных методических указаниях. Она не расходится с идеями передовых мыслителей того времени" (73, 27).

Вторая часть книги ("Материалы") содержит исследования по грамматике, стилистике и лексикологии, которые были написаны на основе разных заметок, накопившихся во время подготовки к магистерскому экзамену. Теоретической основой и образцом для Буслаева послужили труды Гумбольдта, Боппа и Я. Гримма. Сам он пишет об этом: "Вместе с капитальным исследованием Вильгельма Гумбольдта о сродстве и различии индогерманских языков, я изучал тогда сравнительную грамматику Боппа и умел уже довольно бойко читать санскритскую грамоту... Но особенно увлекся я сочинениями Якова Гримма и с пылкой восторженностью молодых сил читал и зачитывался его историческою грамматикою немецких наречий, его немецкою мифологиею, его немецкими юридическими древностями. Этот великий ученый был мне вполне по душе. Для своих неясных, смутных помыслов, для искания оцупья и для загадочных ожиданий я нашел в его произведениях настоящее откровение. Меня никогда не удовлетворяла безжизненная буква: я чувал в ней музыкальный звук, который отдавался в сердце, живописал воображению и вразумлял своею точною, определенною мыслью в ее обособленной, конкретной форме. В своих исследованиях германской старины Гримм постоянно пользуется грамматическим анализом встречающихся ему почти на каждом шагу различных терминов глубокой древности, которые в настоящее время уже потеряли свое первоначальное значение, но оставили по себе и в современном языке производные формы, более или менее уклонившиеся от своего раннего первообраза, столько же по этимологическому составу, как и по смыслу. Сравнительная грамматика Боппа и исследования Гримма привели меня к тому убеждению, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатление и потом уже перешло к условному знаку отвлеченного понятия, как монета, которая от многолетнего оборота, переходя из рук в руки, утратила свой чеканный рельеф и сохранила только номинальный смысл ценности" (23, 281-282).

Так Буслаев устанавливает связь между такими противоположными областями его научных интересов, как история искусства и грамматика русского языка, уясняет различия между литературным стилем и слогом, осознает необходимость исторического подхода к языку. Он пишет: "Язык в теперешнем его составе представлялся мне результатом многовековой переработки, которая старое меняла на новый лад, первоначальное и правильное искажала и вместе с тем в своеземное вносила новые формы из иностранных языков. Таким образом весь состав русского языка представлялся мне громадным зданием, которое слагалось, переделывалось и завершалось разными перестройками в течение тысячелетия, вроде, например, римского собора Марии Великой... Гуляя по берегам Байского залива, я любил реставрировать в своем воображении развалины античных храмов и других зданий, теперь с таким же любопытством я реставрировал себе переименованные временем формы русского языка. Современная книжная речь была главным предметом моих наблюдений. В ней видел я итог постепенного исторического развития русского народа, а вместе с тем и центральный пункт, окруженный необозримой массой областных говоров" (23,282). Вот такой подход к языку как результату многовековой переработки Буслаев и стремится показать на материале русской грамматики и стилистики.

По традиции он различает три способа изучения языков: сравнительный, исторический и философский. "Эти три способа взаимными силами подкрепляют друг друга. Так исторический обыкновенно идет рука об руку с сравнительным; притом исторический есть уже вместе и сравнительный, ибо предполагает сравнение форм языка в различных периодах времени; а сравнительный вместе и исторический, ибо сравнивает языки различных времен. Оба они служат материальной основой способу философскому, который с своей стороны освещает идею и совокупляет стройным единством многоразличные и разрозненные факты изучения исторического и сравнительного" (15,2). В тот период ученые еще верили, что сравнительно-историческое и философское изучение языка могут и должны сочетать-

ся и дополнять друг друга. Этому взгляда придерживается и Буслаев. Хотя он считал, что философская грамматика "без сравнительного и исторического запаса" "весьма шатка и несостоятельна", тем не менее отмечал ее положительные стороны "1) в определении языка органическим, живым и целым произведением духа человеческого; 2) в признании теснейшей, неразрывной связи между этимологией и синтаксисом; 3) в точнейшем определении частей речи и 4) в систематической обработке синтаксиса" (15,4).

Однако симпатии самого Буслаева целиком были на стороне исторической грамматики. Ср. его высказывание: "Односторонность философской грамматики состоит в том, что она видит в языке только одну логику, опуская из виду всю полноту и многосторонность народной жизни. Поэтому-то несравненно глубже исторический взгляд Гримма на язык. Гримм полагает филологию краеугольным камнем не только истории, но и правоведения и мифологии... Только историческая грамматика может познакомить с внутренними силами и богатством языка. Сравнительный способ надежен единственно тогда, когда исторически исчерпаны все сокровища языка" (15,8-9). Лучшими пособиями при историческом изучении русского языка он считает труды Шафарика, Боппа, Добровского, Ингманна, Линде.

Буслаев, ссылаясь на Гумбольдта и Беккера, также исходит из того, что язык есть живой организм, проявляющийся в предложении. Человек говорит, ибо мыслит. Мысль выражается в предложении. Следовательно, оно выступает как основная форма речи. "Таким образом, синтаксис есть основа всему построению языка, этимология же только приспособляет слова различными изменениями и формами к составлению предложения. Как слово есть часть предложения, так и этимология входит в синтаксис, как его часть. Части речи суть не иное что, как различные формы мысли" (15,5). Последнее высказывание имеет в виду то, что все части речи и их изменения получают свой смысл по месту, занимаемому ими в предложении. Но далее Буслаев пишет: "Впрочем, кроме того, имеют они и свое собственное неизменное значение, как отдельные

формы. Определение этих форм составляет учение о категориях частей речи" (15,6). Это высказывание для нас важно не только как существенное дополнение к изложенному выше пониманию частей речи, но и как первое в русском языкознании употребление термина "категория" применительно к грамматическим явлениям. Затем Буслаев стремится определить основные различия между знаменательными и служебными частями речи. Позднее это разграничение целиком было включено в "Историческую грамматику".

Далее Буслаев предлагает вниманию читателей ряд материалов по истории русского языка. Прежде всего он останавливается на звуках, которые считает в этимологии "важнейшими и основными предметом". В этом разделе дается характеристика гласных и согласных, приводятся их соответствия в других славянских и индоевропейских языках, отмечаются чередования звуков, явление ассимиляции и др. Но особенно подробно анализируются редуцированные, носовые, плавные и звук в, который в тот период рассматривался как переходное явление от гласных к согласным. Весь анализ проводится преимущественно с позиций сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Из грамматических вопросов Буслаев прежде всего останавливается на рассмотрении приставок, суффиксов и окончаний, особенностях их значения и употребления в древнерусском языке и лишь иногда указывает соответствия в других индоевропейских языках. Интересны замечания о сложных словах периода языческого и христианского. Богато представлен материал по образованию местоимений, наречий и местоименных наречий с привлечением фактов как из древнерусских памятников, так и других родственных языков. Из области формообразования подробнее разобраны склонение и степени сравнения прилагательных.

Переходя к синтаксическим замечаниям, Буслаев пишет: "Научное преподавание отечественного синтаксиса может быть только сравнительное и историческое, на основании логических начал" (15,141). В этом разделе он останавливает-

ся сначала на значениях некоторых частей речи и их историческом происхождении. Основное же место занимает такие вопросы древнерусского синтаксиса, как согласование собирательных существительных с глаголами, особенности употребления падежей и времен, управление глаголов, а также значение и употребление предлогов и союзов.

Таким образом, Буслаев здесь впервые применяет сравнительно-исторический метод к объяснению русских звуков и форм и тем самым вводит русский язык в круг сравнительного индоевропейского языкознания. Многие потом "Историческую грамматику" считали более полным и стройным воссозданием второй части "О преподавании отечественного языка".

Однако с точки зрения современного состояния науки о языке большую актуальность сохранили материалы для русской стилистики.

Стилистика, по мнению Буслаева, "та же грамматика, только в непрестанном применении к чтению писателя и к собственному сочинению" (14, 168). Иначе говоря, стиль в таком случае сводится к своеобразию речи того или иного индивида - взгляд, получивший особенно широкое распространение в XX столетии. Отсюда уже вытекает необходимость выяснить понятие индивидуального слога. Об этом Буслаев пишет следующее: "Слог известного писателя определяется характером самого писателя; здесь филология граничит с историей и философией. Притом слог индивидуальный видоизменяется по содержанию описываемых предметов: здесь, кажется, уже и предел стилистике, иначе бы ей пришлось рассуждать об астрономии, анатомии, физике, философии и пр." (14, 168). Таким образом, понятие индивидуального слога переплетается с понятием функциональных стилей, но только в применении опять же к отдельным индивидам.

Иное дело представляет собой язык, в котором выражается вся жизнь народа. Поэтому разложить его на стихи так же трудно, как и характер народа. Но поскольку язык есть плод тысячелетнего развития, то исследовать его необходимо с исторической точки зрения. Разные исторические собы-

тия, принятие христианства, связи с другими народами, народный быт оказали свое влияние на язык, который, "многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницей всей прошедшей жизни нашей" (I4, I70). Поэтому Буслаев выделяет в языке следующие элементы: народный язык, архаизмы, варваризмы, провинциализмы. При этом он подчеркивает, что в речи все эти стихии тесно взаимосвязаны и расчленяются лишь для удобства анализа. Вначале автор рассматривает их исторически и затем применительно к современным писателям, или другими словами, лексикологический анализ завершает стилистическим (соответственно изложенным выше взглядам).

Народный язык Буслаев противопоставляет речи письменной и употребляемой в кругу образованных людей ("невозможно ... народный язык во всей его целостности возвести на степень языка письменного, ибо мы принуждены выразить многие понятия, стоящие вне круга народной мыслительности" (I4, I79). Обычно к нему, говорит Буслаев, проявляется двойное отношение: одни равнодушны или презирают его, другие видят в нем спасение литературы. "Но есть надежда, что со временем спадет чопорная важность с первых, тогда перестанут слишком завидовать мужикам и последние" (I4, I79).

Из явлений народного языка Буслаев отмечает такие, как тавтология, описательные формы, эллипсис, эпитеты, период, сравнение и др. Рассматривая историю народного языка, он стремится прежде всего отметить связь народной поэзии с памятниками русской литературы и литературы других славянских народов, чтобы доказать необходимость его изучения. Здесь особенно большое место занимает параллели из "Слова о полку Игореве" и народных песен. Но наряду с этим привлекается также материал из летописей, Суда Либуши и Краледворской рукописи. (Подделку последних двух рукописей удалось окончательно доказать лишь в 80-е гг. XIX века).

Говоря о роли народного языка, Буслаев отмечает, что в старинных литературных памятниках он постоянно смешивается с языком церковнославянским. И только Ломоносов в "Рос-

сийской грамматике" впервые отделяет их один от другого. Из последующих писателей на народный язык обращали внимание Третьяковский, Державин и отчасти Мерзляков. Но только Крылов, Грибоедов и Пушкин окончательно доказали, что народный язык необходимо ввести в письменный. И Буслаев приводит ряд высказываний Пушкина, в которых тот высоко оценивает язык простого народа и призывает "прислушиваться к московским просвирням; они говорят удивительно чистым и правильным языком". Вообще из всех русских писателей Буслаев выше всего ценил Карамзина и Пушкина. В своих воспоминаниях он писал: "Карамзин и Пушкин были мне авторитетными руководителями в моих грамматических соображениях. Первый щедро рукою брал в свою прозу меткие слова и выражения из старинных документов, а второй украшал свой стих народными формами из сказок, былин и песен. Этот великий поэт всегда ратовал за разумную свободу русской речи против беспощадного деспотизма, против условных, ни на чем не основанных предписаний и правил грамматики Греча, которая тогда повсеместно господствовала. Еще на студенческой сессии из лекций профессора Шевырева я оценил и усвоил себе это заветное убеждение Пушкина и старался сколько мог провести его в своих разрозненных исследованиях о языке и слоге, помещенных во второй части моего сочинения "О преподавании отечественного языка" (23, 282-283).

Под архаизмами Буслаев понимает "все старинные выражения, соответствовавшие древней русской жизни" (14, 170). Но судя по приведенным примерам, он относит сюда всю устаревшую лексику, а не только историзмы. Основное же место занимает терминология военная, юридическая, религиозная, бытовая и др. Далее Буслаев приводит примеры употребления архаизмов в произведениях передовых русских писателей. При этом он подчеркивает новаторскую роль Пушкина в создании единых норм русского литературного языка. "Если мы сравним архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина, увидим естественную последовательность, с какою вкоренялись они в письменный язык. Старинные формы в одах Ломоносова и

в И. Г. Р.: иногда останавливает читателя, ибо не везде связываются органически с предыдущим и последующим: Пушкин внутренне, живое связью связал славянизмы с народной речью" (I4, 230).

Третьей составной частью лексики Буслаев считает стихи чужеземные, или варваризмы. Причины заимствования он целиком видит в истории народа. Это, во-первых, разный уровень развития народов, в результате чего к внутреннему развитию может присоединиться чуждое влияние, а к народному языку - варваризмы; во-вторых, связи между народами, которые приводят к обмену как мыслями, так и словами. На Руси впервые много заимствований появилось в связи с введением христианства, которое "нанесло решительный удар грубой древнейшей народности нашей, испровергнув первобытных богов, чтимых и любимых народом. Эти боги тесными узами связывались с преданиями, обычаями, законами; им посвящены были леса и воды; имена их возникли в языке народном и срослись с ним. От всего этого надобно было отказаться перед лицом новой религии, и даже признать смертным грехом то, что недавно почиталось великим и правым" (I4, 231-232). Со времени Петра Великого начинается новый период в истории варваризмов: "они вторгаются толпами и неуклюже громоздятся в русской речи".

Однако наряду с процессом заимствования, говорит Буслаев, всегда проявляется другая тенденция - освободить язык от иноязычных элементов, которые не соответствуют характеру народа. "Все, что развивается в языке органически само из себя, есть выражение народного ума и быта и потому удобопонятно само по себе; занесенное же и насильственно изобретенное умствующим рассудком содержит в себе, подобно монете, только условное значение. Слова заимствованные, как поддельные цветы, не коренятся в языке, ибо народ не знает ни роду их, ни племени, не сочувствует корню, от которого они происходят; стоят они, как сироты, не будучи окружены производными от себя или сродными по корню" (I4, 230). Поэтому язык стремится или ассимилировать варваризмы, подчи-

нить их своей системе, или совершенно вытеснить из употребления. Буслаев, как истинный поборник народного духа, сочувственно относится к высказываниям Сумарокова, статьям "Дивописца" и даже деятельности Шишкова, направленным против заимствований. Наиболее правильной он считает позицию Ломоносова, который, восставая против "диких и странных слов нелепости, входящих к нам из чужих языков", одновременно исключил из употребления также устарелые и непонятные старославянизмы. Шишков, хотя и смешал русский язык со старославянскими, принес большую пользу, нападая на варваризмы, которые вносил в русский язык Карамзин и его последователи в первый период своей деятельности. Что же касается Карамзина, то его основную заслугу Буслаев видел не в галлицизмах, "ибо они малозначительны в сравнении с великими красотами И. Г. Р., заимствованными из старинной нашей литературы" (I4, 242). Видимо, этим объясняется и то, что он только констатирует употребление варваризмов у Пушкина, который был для него величайшим авторитетом, Крылова и Державина, но не дает этому никакой собственной оценки.

Составной частью народного языка, наряду с фольклорными элементами, Буслаев считает также диалектизмы (провинциализмы), нашедшие отражение уже в летописях. На вопрос о том, какое место должны занимать диалектные слова в художественной литературе, он отвечает: "Наука никак не может предписать, сколько и что может и должно войти в язык письменный из областных наречий: русское чутье всякого оценит по достоинству каждый провинциализм, а гениальный писатель может внести в письменный язык со всех сторон нашего отечества столько выражений, что мы и представить себе не можем" (I4, 244).

Определенный исторический интерес представляют также высказывания Буслаева по вопросам семасиологии. Полагая, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатление, а потом переходило в условный знак понятия, он выделяет следующие особенности значения слов. Во-первых, словом мы выражаем только впечатление, произве-

денное предметом на нашу душу. Во-вторых, поскольку впечатление предполагает нечто деятельное, то большая часть слов происходит от глагольных корней. В-третьих, физическое (конкретное) значение слов, как более близкое к живому впечатлению, древнее нравственного (абстрактного). В-четвертых, со временем впечатление, лежащее в основе слова, забывается и остается только отвлеченное понятие.

Вторая часть книги, в отличие от первой, с самого начала получила всеобщее одобрение. Ученые отмечали прежде всего ее высокий научный уровень. Например, А. Кирпичников писал: "Сравнивая его книгу с другими работами подобного рода, нельзя не заметить, что русская филология с ним вступает в новую плодотворную стадию развития. С Буслаевым русская наука как бы переходит из монашеской келии и из гимназии в аудиторию европейского университета" (70, 156) ¹.

В книге Буслаева подкупало богатство, разнообразие и новизна фактического материала. Большой недостаток прежних работ по языку как раз заключался в ограниченности приводимых фактов и их одностороннем истолковании. Например, "Отечественные записки" писали об одном из наиболее распространенных учебных пособий того времени: "О грамматике г. Греча говорить нечего; на ней соьвается серьезно, что прежде говорилось, может быть, в шутку, именно: это грамматика г. Греча, но не грамматика русского языка" ². Однако в тот период необходимы были философия языка, сравнительно-историческое изучение русского языка во всех его проявлениях и в связи

¹ Ср. также высказывание В. Миллера: "О преподавании" обнаруживает в нем ученого, стоящего на высоте современной ему западной науки. Он вполне усвоил себе идеи органического развития языка, успехи, достигнутые сравнительным языкознанием в Германии (труды Боппа, Потта) и приемы сравнительно-исторического метода, нашедшие себе блестящее оправдание в трудах Якова Гримма по истории немецкого языка" (70, 23).

² "Отечественные записки", 1846, т. 46, стр. 52-53.

с другими славянскими и индоевропейскими языками, создание новых практических грамматик. И можно сказать, что все это разнообразие языковых фактов мы находим в книге Буслаева. Особенно важно подчеркнуть, что он первый показал научное значение изучения народного языка, областных говоров, языка фольклора. Притом уже в первом научном труде он проявил себя как мастер глубокого и разностороннего исследования каждого факта.

В этой книге Буслаев первым применил исторический метод к изучению русского языка. Как отмечал Шахматов, он "воспользовался трудами своих учителей в славянском и русском мире (Востокова, Павского, Добровского и др.), связал их с данными иной, еще только зарождавшейся в Западной Европе науки - сравнительного языковедения, осветил и оживил их учением Гримма, "начала которого он (говорю его словами) признавал самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни", соединил таким образом "способы" сравнительной и исторической лингвистики, применив их к исследованию родного языка - и в результате заложил основания для обширной, "необъятной" науки - русской грамматики и стилистики; скажу еще определеннее - основания исторического, а, следовательно, научного изучения русского языка" (96, 7-8).

В книге Буслаева получает также свое дальнейшее развитие один из основных тезисов Гримма - тезис о том, что язык отражает историю народа и тем самым является ценным источником при изучении судеб народа. Анализируя разные лексические пласты русского языка (архаизмы, провинциализмы, заимствования и др.), автор знакомит нас с воинским, религиозным, семейным бытом наших предков, с их мифологией, языческой поэзией, христианской символической, народной мудростью и т.д., т.е. через язык раскрывает широкую картину исторического развития русского народа. Недаром многие его называли "русским Гриммом".

Шахматов, оценивая вторую часть "О преподавании отечественного языка", писал: "Со времени выхода этих Мате-

риалов прошло уже полстолетия. Но из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливое этого ядра Исторической грамматики Буслаева. Работы Востокова весьма поучительны: сам он удивляет своей пронизательностью, но от него веет холодом... Про Буслаева можно сказать, что он отдавался науке весь: сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия - все это одинаково является достоянием трудов Буслаева. Такой человек более, чем кто-либо другой, был способен заложить о с н о в а н и я новой науки, начертав предварительно план всего здания, наметив таким образом пути, по которому должны идти работы будущих ученых поколений. Буслаев заложил новую науку на широком фундаменте: задуманное здание далеко еще не окончено, некоторые части его еще и не тронуты" (96,9).

§ 3. Западники и славянофилы. Магистерская диссертация "О влиянии христианства на славянский язык"

В 40-е гг. Буслаев ближе знакомится с московским кружком славянофилов (А.С.Хомяков, К.О.Аксаков, братья Киреевские, профессора Погодин и Шевырев и др.). В 1845 году он помогал Киреевскому издавать журнал "Москвитянин", где поместил рецензию на издание "Слова о полку Игореве" и на главу о местоимении из грамматики Давыдова. Но сам Буслаев писал: "В среде московских славянофилов я узнал и полюбил бесподобных людей, а не их славянофильство. Мне и в голову не приходило задаваться мыслью, в чем и как отличается эта партия от западников. Это меня несколько не интересовало. Потому и о себе самом я не мог догадываться, кто я таков, славянофил или западник" (23,297)¹. Причину

¹ Ср. также: "Будучи равнодушен к их славянофильским убеждениям и идеям, я высоко ценил их нравственные достоинства, безукоризненную чистоту их помыслов, гордую независимость

этого он так объяснял в своих "Воспоминаниях". "Несмотря на мою любовь к Италии и на благоговение к ученым трудам Якова Гримма, назвать себя западником я решительно не мог, по крайней мере в том смысле, как это прозвище предлагается к Чаадаеву или Белинскому. Не стану же я, думалось мне, вместе с Чаадаевым поклоняться римскому папе и в качестве московского аббата прислуживать ему за обедней, хотя бы даже и в Сикстинской капелле...; не стану вместе с ним же позорить Византию, потому что знаю высокое ее призвание в средневековой истории просвещения не только в России, но и в остальной Европе... Я не презирал вместе с Белинским "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой", как он сам выразился в "Трех портретах" Тургенева; напротив того, я посвящал себя на прилежное изучение именно русских преданий и их глубокой старины; я не глумился и не издевался вместе с Белинским над нашими богатырскими былинами и песнями, а относился к ним с таким же увлечением, как к поэмам Гомера или скандинавской Эдде. После всего этого, думалось мне, - какой же я западник" (23, 299).

"Постольку же не мог я назвать себя и славянофилом. Не меньше Константина Сергеевича Аксакова я любил русский язык, но изучал его не по методу мечтательных умозрений заодно с ним, а всегда пользовался точным микроскопическим анализом сравнительной и исторической грамматики. В наших преданиях, в стародавних обычаях, в былинах, песнях и сказках славянофилы видели заветные тайники народных сокровищ доморощенной мудрости, равных которым по их глубине не было и нет во всем мире; для меня же все это служило интересным и ценным материалом, к которому я старательно подбирал сходные, а иногда и почти одинаковые факты из других народностей,

духа, соединенную с милым простодушием, иногда доходящим до детской наивности. Я любил их сердечно и вместе уважал глубоко, как недосыгаемые для меня образцы высшего совершенства, какое человеку доступно" (23, 292).

преимущественно из родственных по происхождению, т.е. индоевропейских. Славянофилы восхищались образцовым строем русской семьи, русской общины и земщины, русским третейским судом и другими особенностями так называемого обычного права. Мне гораздо интереснее было анализировать только терминологию семейных отношений... и на основании законов сравнительной грамматики возводить их к санскритскому языку для очевидного доказательства, что наши предки в незапамятные времена вместе с собой вынесли из своей азиатской прародины уже вполне благоустроенную семью. По географической карте Шафарика и московские славянофилы, увлеченные панславизмом, мечтали об изгнании немцев из Австрии, чтобы совокупнуть чехов, лужичан, словаков, сербов, поляков и других их соплеменников в одно великое панславянское государство, между тем как я, начинив свою голову параграфами немецкой мифологии Якова Гримма, представлял себе умирительную картину примирения германцев с славянами в идеальной апотеозе Асов и Ванов" (23, 299-300).

В условиях разгорающейся борьбы западников и славянофилов Буслаев "очутился между двумя враждебными лагерями, но, сыскав себе укромное местечко, спрятался в своей маленькой крепостце до поры до времени от выстрелов того и другого" (23, 300).

Такая позиция "укромного местечка" была характерной для Буслаева. В этом сказались его воспитание и социальное положение: с одной стороны, бедняк, проживший трудную жизнь, а с другой, человек, близкий к знати, от которой он зависел материально и духовно. Поэтому он всегда уклонялся от высказываний по политическим вопросам, никогда не читал газет, не интересовался современным положением европейских государств. Но как человек исключительной честности, порядочности Буслаев не мог не сочувствовать простому народу. Вспоминая о своем пребывании за границей, он писал: "По крайней мере мне стало теперь вполне очевидно унижительное положение бедной Италии, которую поработили себе Габсбурги и Бурбоны, раскромсав ее на мелкие части, и чем больше

я сердился на этих эксплуататоров, тем живее сочувствовал бедственному положению народа, изнывавшего под игом чужеземного захвата, тем гнуснее становились мне те из вельможных фамилий итальянских, некогда прославленных доблестями патриотизма, которые тогда из личных выгод и ради почестей при дворах владетельных особ усердно помогали им нажимать и затягивать это иго к пушай ненависти и озлоблению народа" (23, 205).

В 1843 году Буслаев сдал магистерский экзамен, к которому пришлось довольно много готовиться, особенно по философии и славянским языкам, до этого не преподававшимся в университете. Экзамен прошел настолько блестяще, что профессора Крпков и Шевырев поспорили между собой, кому из них он более обязан своими успехами. Встал вопрос о теме магистерской диссертации. Только что опубликованная работа "О преподавании отечественного языка" в целом была хорошо встречена читающей публикой. Поэтому многие советовали ему в качестве диссертации представить вторую часть книги. Но Буслаев с этим не согласился. "К какой стати совет в университет работу учительскую, писанную для гимназии в пособие преподавателям, а не ученое исследование, достойное внимания профессоров. То была посильная дань моему гимназическому учительству; теперь надо подумать о чем-нибудь более основательном, т.е. вполне специальном, как пишутся ученые монографии" (23, 288).

Однако ясной программы не было, он не знал, какому из своих увлечений следует отдать предпочтение. В своих воспоминаниях он писал: "Что выбрать для диссертации? как назвать ее? Не с ветру берется для нее тема, а как результат или итог извлекается из массы накопленных сведений. Я стал втупик и не знал, что делать и как мне быть. Чтобы помочь беде, ничего другого не оставалось, как выкинуть из головы всякие диссертации, темы и планы и вновь продолжать начатое прежде, а именно изучать разнообразные сочинения Якова Гримма и его брата Вильгельма, их издания памятников древнегерманской и народной литературы, заниматься сравнитель-

нов грамматиков по руководству Боппа, по словарю Потта и читать санскритские тексты, учиться скандинавскому языку по песням Древней Эдды в издании Якова Гримма, а также и готскому по переводу Библии, составленному в IУ веке Ульфилон в издании Габеленца и Лобе. Последнее занятие получило для меня новый интерес, когда я стал изучать Остромирово евангелие, над которым так много трудился Востоков и, наконец, издал в 1843 году" (23, 288). Поэтому и магистерская диссертация получила заглавие: "О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию" (М., 1848).

Содержание диссертации сводится к следующему. История языка стоит в тесной связи с преданиями и верованиями народа. В период образования язык носит на себе следы народной мифологии. Мифологические предания славян необходимо изучать в связи с преданиями других средневековых народов (особенно немцев), так как родство индоевропейских языков сопровождается сходством преданий и поверий. Поэтому и готский перевод библии многое дает для истории славянского языка.

Сравнивая славянский язык XI века с готским переводом библии, Буслаев доказывает, что он задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей. Об этом говорит тот факт, что славянский перевод евангелия отличается чистотой выражения христианских понятий, в то время как готский перевод библии сохраняет еще языческие предания для выражения идей христианства. Например, слово 'кръсть' в Остромировом евангелии употребляется в смысле орудия казни и как символ христианства, а Ульфилон переводится словом 'galga', т.е. виселица, позорный столб. Далее, перевод священного писания на славянский язык Буслаев относит к той поре народной жизни, когда в языке еще господствовали понятия о семейных отношениях, а в языке готского и древне немецкого переводов заметно большее развитие государственных понятий. Столкновения с другими народами и перевод священного писания вывели славян из ограниченных до-

машних отношений, что нашло отражение в языке в виде осознания чужеземного и общечеловеческого. Отвлеченность славянского языка в переводе священного писания усилилась также гречизмами, которых в готском было гораздо меньше.

Уже сам выбор темы диссертации говорит о широком научном кругозоре автора, который удачно соединил в себе талант филолога и историка культуры. При помощи сравнительно-исторического метода Буслаев восстанавливает материальный и юридический быт, культуру и верования славян и готов в доисторическую эпоху их жизни, а отчасти переходит и к более отдаленным временам — эпохе индоевропейского единства. Поэтому труд его, по замечанию Котляревского, "носит больше археологически-бытовой или культурный характер, чем строго формально-лингвистический;... но в целом исследование пр. Буслаева доселе не заменено ничем лучшим и остается одним из замечательнейших "опытов истории языка", понимаемой не внешним образом, а в связи с движением жизни и истории" (48, 317)¹. Но и с точки зрения лингвистической следует отметить, что здесь мы видим более строгое применение фонетических законов, хотя со многими буслаевскими этимологиями современная наука уже не согласится.

Таким образом, "с появлением этих книг (т.е. "О преподавании отечественного языка" и "О влиянии христианства на славянский язык". — С.С.) период подготовительных изучений — период "школы", в ее широком значении — для Буслаева окончился: из "ученика" он сделался "мастером" (2,28).

3 июля 1848 года состоялась защита диссертации. Буслаев следующим образом описывает ее в письме к А.Н. Попову.

¹ Ср. также высказывание А.Н. Лыпина: "Диссертация г. Буслаева была в нашей литературе совершенной новостью: это был первый опыт применить сравнительное и историческое языкознание к древностям славянского языка, откуда извлекалась бытовая картина такой далекой поры, на исследование которой подобным путем еще никогда не покушалась русская наука" (79, т. II, 80).

"Любезнейший Александр Николаевич. Наконец диссертация моя прошла сквозь огонь и воду, т.е. напечатана и защищена. Диспут был 3 июня, в четверг; спорили долго, от 12 почти до 4 часов. Возражали Шевырев, Бодянский, Катков, Леонтьев и Хомяков. Шевырев хотел, чтобы я разделил мифологический период языка на четыре, а потом и на пять отделов; в слове 'колыма-га, колыма' - определял двойственным числом (от формы к о л о) - колесо; в выражении русских песен: 'спел а тетивка', по академическому словарю, видел г о т о - в у в , б ы с т р у в тетиву, тогда как по-моему она п о е т: выражение, не чуждое Гомеру и вообще языку эпическому; нападал на меня за то, будто я вижу в нашей поэзии влияние скандинавское, но я ему доказал, что это ему помешалось, потому что сблизать то, что само собой сближается, еще не значит выводить одно из другого. Бодянский прицеплялся к каждому словопроизводству, но только дополнял меня, а не опровергал. В заключение своих возражений Бодянский сделал мне комплимент, которого я столько же не ожидал, как вероятно и вы: мож-де исследования особенно его радуют тем, что я беспристрастно отдаю каждому языку свое, и славянскому и немецкому, и проч.; потом коснулся моего 5-го тезиса об изучении славянских преданий в связи с немецкими, но я его успокоил, объяснив, как это я разумел, и он опять согласился. Катков нападал на меня за соединение интересов лингвистических с историческими, так что не видно, кто в моей диссертации - как он выразился - "хозяин", лингвист или историк: хозяином диссертации назвал я самого себя. Нападал на недостаток системы; я оправдался тем, что выразил уже в своем предисловии. Леонтьев коснулся моего понятия о чистоте славянского перевода св. писания, а потом отстаивал мнения Копитара о паннонизмах в церковнославянском языке. Хомяков начал свои возражения общим замечанием: что теперь на некоторое время наука в Европе остановилась в своем развитии, и нам, русским, только одним, предстоит обрабатывать ее, а потому моя диссертация для него приятное явление. Затем нападал на меня за излишнюю осто-

рожность в сличении языка славянского с санскритским и приводил примеры: из его слов я вывел, что он считает санскрит местным наречием языка русского. Наконец, Шевырев сделал общее заключение обо всем диспуте и заявил, что были нападения частные, более обращенные на период мифологический, но собственно мой предмет о влиянии христианства на славянский язык остался за мною, и я сидел в своей крепости, как он выразился, непобедим" (23, 309-310).

За эту работу Русское географическое общество присудило Буслаеву золотую медаль (1851 г.), а Академия наук избрала его членом-корреспондентом (1852 г.).

§ 4. Преподавание в Московском университете. "Опыт исторической грамматики русского языка"

В 1846 году Буслаев закончил свои учебные занятия в семье графа Строганова. Одновременно он уволился и из гимназии. В это время И. Давыдов получил место директора Главного педагогического института и переселился в Петербург. В Московском университете появилось вакантное место, на которое был принят Буслаев в качестве "стороннего преподавателя" (приват-доцента). Он получил четыре лекции в неделю: две по теории словесности на математическом факультете и две по сравнительной грамматике и истории церковнославянского и русского языка на филологическом.

О начале своей педагогической деятельности в университете Буслаев писал: "В лекциях сравнительной грамматики по Боппу и Вильгельму Гумбольдту я ограничился только общими положениями и главнейшими результатами в той мере, сколько было мне нужно, чтобы определить отличительные черты группы славянских наречий и указать им надлежащее место в среде других индоевропейских языков. Историю русского языка я вел в связи с церковнославянским и на первый раз остановился на Остромировом евангелии. Меня особенно интересовал

тогда вопрос о первобытных и свежих формах языка, еще не тронутых и не переработанных на новый лад искусственными ухищрениями переводчиков священного писания. Для этой цели мне были нужны не сухие, бессодержательные окончания склонений и спряжений, а самые слова, как выражения впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа в неразрывной связи с его религией и с условиями быта семейного и гражданского. Таким образом я разделил свой курс истории языка на два периода: на языческий с мифологией и на христианский" (23, 308). На этой основе и была написана магистерская диссертация, о которой говорилось выше. После защиты диссертации Буслаев получил место адъюнкта по кафедре русской словесности.

Интересно представить себе образ человека, который в течение нескольких десятилетий был высшим авторитетом в области филологии. Наиболее выразительно это удалось сделать А. Танкову. Он пишет: "Стоило один раз в жизни видеть Буслаева, чтобы потом его образ запечатлелся в душе навсегда. Высокого роста, сановитого сложения, представительной наружности, он казался моложе своих лет. Ему в то время шел 58-й год, но живость и энергия, присущие его характеру, не допускали и мысли о преклонном возрасте профессора. Необыкновенно благородно было выражение его лица, обширный ум выражали его глубоко лежащие глаза, открытое высокое чело вполне гармонировало с правильным овалом лица, шла к нему и небольшая бородка темных с проседью волос. Мне известно несколько портретов Буслаева, но ни один из них не передает, как следует, оригинала: вся подвижность, вся эффектность его, позволительно так выразиться, физиономии Ф.И.-ча на портретах утрачивается. Буслаев обладал прекрасными изящными манерами, безукоризненной, на английский лад, деликатностью в обращении, "расмаркивался", как шутили говорили иногда о нем студенты, перед университетскими служащими, одевался щеголевато и производил вообще самое симпатичное впечатление. Но что обаятельнее всего было в нем, чего не передает никакая фотография, никакой портрет: когда он был

оживлен, то все лицо светилось особым духовной красотой" (90, 842).

Лекции Буслаева всегда вызвали живейший интерес аудитории. Появление на кафедре любимого профессора встречалось громом аплодисментов. Особенно подкупало то, что он читал широко и свободно, без каких-либо записей, все время заставляя слушателей работать головой. Речь его отличалась выуклостью и образностью. Здесь небезынтересно привести воспоминания одного из его студентов. "Что меня более всего поразило, — пишет он, — так это то обстоятельство, что способ чтения Буслаева не походил на чтение других красноречивых профессоров. Там было искусство, здесь естественность, там декламация, здесь как бы простой пересказ, там отделка фразы, здесь как бы шероховатости, недомолвки, отсутствие работы над конструкцией речи. И в то же время умение задеть за живое слушателей, приковать их внимание к предмету лекции, не дать им возможности скучать и утомляться. О великих артистах часто употребляется выражение: они живут на сцене. Вполне справедливо о Ф.И. можно сказать: он жил на кафедре. Я не знаю, изложил ли он когда-либо десяток другой фраз спокойным, бесстрастным, докторальным тоном? Едва ли. Пока он говорил, он был одушевлен, и это одушевление выражал движениями лица, глаз, головы, разнообразными характерными жестами" (90, 842). И далее: "Смотря по характеру речи, Буслаев оживлял ее теми или иными движениями и жестами. Вот он говорит о чем-либо важном и торжественном, чело его омрачается, правая рука поднимается вверх и как бы грозит; вот его слово касается чего-либо презренного и отвратительного — посмотрите, как отразилось чувство гадливости на необыкновенно подвижном лице его; вот он сказал о чем-либо поразительном, случившемся внезапно, и смотрите — откинулся на спинку кресла, и в глазах его начертано недоумение" (90, 845).

По отношению к студентам Буслаев был всегда добрым, внимательным и справедливым. Все, которые обращались к нему с какой-либо просьбой, не получали отказа. Например, во

время перерыва, несмотря на усталость, он давал объяснения окружавшим его студентам. Иногда же, увлекшись, стоя в коридоре или гардеробе, читал им чуть ли не целые лекции I.

х

х

х

Изучение древних памятников давало Буслаеву много новых и интересных фактов, которые постепенно приводились в строгую научную систему. Таким образом он стал одним из лучших знатоков истории русского языка. И неслучайно в 1852 году Буслаев был приглашен вместе с Галаховым управлением военно-учебных заведений в комиссию, обсуждавшую реформу преподавания в этих заведениях русского языка и словесности. С этой же целью нужно было составить несколько учебников для учащихся и пособий для преподавателей. Буслаеву поручили составление двух руководств для учителей - грамматики и хрестоматии, которая содержала бы выдержки из рукописей и старопечатных книг. Первое учебное пособие под названием "Опыт исторической грамматики русского языка" вышло в 1858 году. Позднее оно переиздавалось еще пять раз (1863, 1869, 1875, 1881, 1959 гг.) под названием "Историческая грамматика русского языка".

Когда грамматика была написана, начальник главного штаба военно-учебных заведений Я.И. Ростовцев решил ее обсудить публично, с участием специалистов, преподавателей, инспекторов и директоров военного ведомства. На диспуте присутство-

I Ср. высказывание А.Архангельского, хорошо знавшего Буслаева в течение последних 15-20 лет: "Своим сердечным радушием, всегда неизменным и теплым участием знаменитый ученый одинаково дарил всех, кого сводила с ним судьба. Для каждого, обращавшегося к нему, Федор Иванович был олицетворенное радушие, олицетворенная любовь, - и каждого встречал с полной и горячей готовностью помочь, сделать добро, насколько это от него зависело" (2,5).

вали также Востоков и Греч. Главные замечания сводились к тому, насколько "Историческая грамматика" удовлетворяет практическим целям. Буслаев на основе личного педагогического опыта и теоретических разработок стремился отразить все нападки и объяснить некоторые недоразумения. Греч долгое время никакого участия в дискуссии не принимал, но потом вышел из себя и наговорил дерзостей. После этого выступил Востоков, который вполне одобрил грамматику, а отдельные ошибки и недосмотры отметил на листочке и передал его Буслаеву для исправления замеченных погрешностей.

Ни один крупный труд в истории русского языкознания не был встречен такими многочисленными отзывами и не получил такой противоречивой оценки, как "Опыт исторической грамматики русского языка". Одни ученые (А. Кочубинский, А. Котляревский, П. Лавровский, М. де-Пуле, Е. Будде и др.) считали, что эта книга составляет эпоху в изучении отечественного языка и его школьном преподавании. По мнению других, грамматическая система Буслаева не отличается оригинальностью по сравнению с предшествующими разработками. Например, К. С. Аксаков писал: "Относительно самой грамматики вообще, нового ничего не представляет нам грамматика г. Буслаева. Следовательно, здесь нам нечего ему делать замечаний; он взял ту систему, какая выработалась до него. Мы могли бы надеяться, что он скажет что-нибудь более живое и свежее, например, в синтаксисе, где пришлось нам вновь натолкнуться на "сокращение", "опущение", "слияние", на "тропы" и проч. и проч." (I, 441) ^I. Но несмотря на самую жестокую критику и самые лестные похвалы, каждое поколение лингвистов снова

^I Ср. также предисловие к последнему изданию "Исторической грамматики": "Сама же грамматическая система, лежащая в ее основе, не является оригинальной: во многом существенном Буслаев следует уже сложившейся грамматической традиции (основным принципам классификации частей речи, логико-грамматическому подходу к явлениям синтаксиса)" (22, 14).

и снова возвращалось к труду Буслаева, находя в нем всякий раз для себя что-нибудь новое, по-своему оценивая его в зависимости от уровня развития языкознания и стоящих перед ним задач.

Для понимания и оценки "Опыта исторической грамматики русского языка" очень важное значение имеют высказывания Буслаева о характере и особенностях предыдущих грамматик. Этому посвящены предисловие к первому изданию "Опыта", статьи "О преподавании русского языка и словесности. Заметки на статью г. Греча в № 7 "Морского сборника", "О преподавании церковнославянского языка в средних учебных заведениях", отчасти книга "О преподавании отечественного языка", о которой говорилось уже выше, и др.

Русские грамматики, которые раньше были приняты в качестве школьных учебников, говорит Буслаев, составлялись по филологическому способу, принятому в пособиях по классическим языкам.

Для филологов-классиков язык является только средством познания древней литературы. Граматику они изучают не ради самой грамматики, а для того, чтобы понимать классических писателей и правильно выразиться на их языке письменно и устно. Значит, грамматика как самостоятельная наука со своим предметом и объектом для них не существует. Поэтому основное место в грамматике занимали склонение, спряжение и особенно синтаксис, так как именно эти разделы теснее всего связаны с употреблением языка. Поскольку классические языки дошли до нас только в письменной форме, то и филологическая грамматика ограничивалась книжной речью и не обращала внимания на живой, разговорный язык. На основе частоты употребления тех или иных форм выводились грамматические правила и исключения из них. Вследствие этого филолог не знал законов языка, которые объясняли бы происхождение, сущность и видоизменения грамматической формы. Однако в практическом отношении филологическая грамматика имела то несомненное преимущество, что она учила понимать значение форм и правильно их употреблять.

Впоследствии, когда начали составлять учебники родного языка, то в качестве образца была взята именно филологическая грамматика, хотя отношение учащихся к чужому и родному языку совсем не одинаково. Такие грамматики получили название практических, так как ставили перед собой только задачу научить правильному употреблению родного языка как в письменной, так и устной форме. Характерными особенностями этих грамматик Буслаев считает следующие:

1. Практическая грамматика ограничивалась только речью образцовых писателей, считая все остальное грубым (по выражению Греча, площадным), неправильным и недостойным науки. Недаром даже сам Пушкин оказался в противоречии с многими правилами грамматики. "Мертвящее начало, заимствованное в готшедовскую грамматику, из грамматик языков мертвых, останется в ней до тех пор, пока она не обратится к родному языку, как к живому слову, вечно юному и неистощимо богатому, в его видоизменениях исторических и местных; и пока не определит правильного отношения некоторых нововведений и особенностей, внесенных в нашу речь творениями образцовых писателей, к тому живому целому, которое называем языком родным. Только тогда авторитет образцов, не противореча живому слову, и не стесняя, а подкрепляя дарования, принесет нашей литературе желаемые плоды" (22, 566).

2. Вместо законов языка практическая грамматика давала правила и исключения. Это приводило к смешению разнородных явлений, особенно таких, которые основаны на внутренних законах языка, с теми, которые являются результатом договора (ср. употребление *ѣ* и прописных букв).

3. Практическая грамматика не рассматривала подробно звуковой состав языка и словообразование и всю этимологию сводила преимущественно к склонениям и спряжениям. На этой основе затем была составлена особая часть грамматики - правописание, куда включили все, что представляет трудности в родном языке. Как справочное руководство орфография имеет большие достоинства, но ее теоретическая основа недостаточна: во-первых, в орфографии нет системы, во-вто-

рых, ее правила излагаются без всяких теоретических обоснований.

4. Синтаксис практическая грамматика хотела построить на требованиях здравого смысла. Однако, ограничив свой материал только примерами из образцовых писателей, она рассматривала язык как случайное сочетание звуков, приспособленное к выражению мысли. На этой почве возникло убеждение, что грамматика должна учить тому, как нужно употреблять грамматические формы родного языка, а не тому, как они действительно употребляются образцовыми писателями. При таком подходе, говорит Буслаев, практическая грамматика, представлявшая собой в течение столетий верный отголосок схоластики, находит затем общий язык с классицизмом. "Как классицизм французской теории вкуса осудил Шекспира в грубости и невежестве, так и готшедовская грамматика, знакомая только с искусственной фразой, видела в языке старинных литературных памятников и в народной речи жалкий лепет младенца, недостойный серьезного изучения" (22, 570).

В начале XIX века возникает новый, лингвистический подход к языку. Для него язык впервые становится самостоятельным предметом изучения. К переходному периоду от филологии к лингвистике Буслаев относит деятельность К.-Ф. Беккера, который решил построить целую философскую систему и изложить в ней все важнейшие результаты лингвистики. Однако его попытка оказалась преждевременной: недостаточность положительных фактов и основанные на них философские соображения показали слабость системы Беккера и в ученом, и учебном отношении. "В ученом отношении Беккер не умел определить настоящих границ между грамматикой и логикой, по той причине, что, не имея достаточного запаса исторических сведений в языках, он нечувствительно сошел с прямого пути в развитии общих понятий о языке, с пути предначертанного В. Гумбольдтом, и принял ложное направление старинных, так называемых о б щ и х г р а м м а т и к , имевших целью решение весьма странной задачи оправдать язык логически, то есть доказать, что параграфы схоластической логики

удобно применяются к грамматическим фактам. Ограничившись общими понятиями о выражении мысли в формах языка, Беккер все внимание обратил на синтаксис, коснувшись этимологии слегка, только для полноты системы. Вследствие того, его синтаксис, не будучи основан на этимологическом разборе форм, оказался не наукою о языке, а отвлеченным рассуждением о применении законов логики к готовому материалу языка" (22, 572). В учебном отношении система Беккера также не вносила никаких улучшений, так как отдавала явное предпочтение различным логическим тонкостям вместо изучения самого языка. Поэтому без прежних практических грамматик, пользуясь только беккеровскими руководствами, дети не научились бы даже правильно писать на родном языке. Отсюда Буслаев делает вывод: "Итак, в практическом отношении, эта метода уступает прежней; в теоретическом же стоит несколько выше ее. Она правильно определила части речи и части предложения; но не умела дать надлежащего основания синтаксическому учению" (22, 572-573).

Дальнейшие сравнительно-исторические исследования показали, что в языке нет таких неправильностей и исключений, которые нельзя было бы подвести под те или иные закономерности. В связи с этим возникает потребность в основательном объяснении грамматических форм. Этого требовало и более углубленное понимание строения языка. Слово начинает рассматриваться не только как средство сообщения мыслей, но и как "живой памятник духовного бытия народов", тесно связанный с историей умственного развития человечества.

Но отсюда встает вопрос, какое отношение должна иметь сравнительно-историческая грамматика к школьному обучению. Беккеровские руководства, занимаясь логическим разбором, выпускали из виду, что дети должны усвоить и многие книжные формы. Практическая же грамматика, сосредоточив внимание на литературном языке, не хотела допустить разговорную речь в пособия по родному языку, а книжные явления рассматривала как нечто случайное, а не результат закономерного исторического развития. Все это, по мнению Буслае-

ва, обуславливает необходимость исторического подхода к языку, так как только такой подход может примирить предыдущие противоположные точки зрения. Этим Буслаев стремится также объяснить основные принципы исторической грамматики, которым он следовал при создании своего учебного пособия. Они сводятся к следующему (кстати, в этом заключается и то новое, что автор вносит в характер изучения языка, отбор материала, построение учебника и т.д.).

1. Историческая грамматика изучает русский язык в непрерывной связи с церковнославянским. "Эта древняя основа составляет необходимейший предмет учебника русской грамматики, в тройном отношении: во-первых, при объяснении законов языка, дает науке преимущества сравнительно-исторического метода, в сближении форм русского языка с формами одного из славянских наречий, ранее прочих усвоившего себе письменность, и потому сохранившего, в большей полноте и чистоте, первоначальные свойства славянского языка; во-вторых, служит источником для объяснения многих, как этимологических, так и синтаксических форм нашей книжной речи, образовавшихся под влиянием церковнославянской письменности; и наконец, в-третьих, в отношении педагогическом, скрепляет теснейшими узами живую связь нашей родной речи с языком церкви" (22, 574).

2. Историческая грамматика, чтобы объяснить все грамматические формы, опирается на данные как литературного, так и разговорного языка. Иначе говоря, "грамматические особенности, замечаемые в сочинениях образцовых писателей, она влагает в обширную раму, которая объемлет всю область языка русского, как разговорного, по местным его видоизменениям, так и книжного, в его историческом движении" (22, 574).

3. Историческая грамматика все выводы строит на большом фактическом материале, тщательно изучая всех лучших писателей от Ломоносова до Пушкина, не упуская из виду ни одного примера.

4. Историческая грамматика в основу изучения кладет

подробный анализ морфологических форм, чтобы извлечь отсюда грамматические законы, которые были бы убедительны теоретически и применимы на практике. Морфология должна служить основой орфографии. Задача же синтаксиса — "определить правильнейшее отношение отвлеченных приемов логики к формам языка" (22, 576). Благодаря такому подходу появляется возможность заменить грамматические правила объяснением языковых законов.

5. Историческая грамматика объединяет оба способа изучения языка — филологический и лингвистический. "Вернее старинной практической грамматики она следует способу филологическому, в подробном и тщательном изучении образцовых писателей, не ограничивая произвольно числа их. С другой стороны, основываясь на законах языка, открытых сравнительно-исторической лингвистикой, она расширяет область филологической грамматики отчетливым исследованием форм языка, на основании исторического их развития" (22, 578). Такой подход имеет следующие преимущества. Во-первых, в теоретическом отношении ведет к ясному пониманию грамматических форм с учетом первоначального вида и позднейших изменений. Этот исторический подход является как бы средством и условием понимания современного состояния языка. Во-вторых, в практическом отношении такая грамматика может служить пособием при изучении литературных памятников и употреблении языка, так как она объясняет законы как письменной, так и устной речи (включая областные наречия).

Буслаев назвал свой труд "Исторической грамматикой". Поэтому необходимо выяснить, что он подразумевал под этим термином и как понимал историю языка вообще. Отдельные замечания, касающиеся этих вопросов, рассыпаны по многим его работам. Но наиболее цельно он выразил свои взгляды в рецензии на книгу Срезневского "Мысли об истории русского языка".

Рассматривая язык как средство выражения и сообщения мысли, Буслаев полагает, что его первоначальной и основной формой является предложение. Членораздельные звуки,

образующие слова, и сами слова являются лишь "живыми членами целого живого состава". "Все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение в речи между частями и целым именуется организмом языка" (22, 21-22). Этот организм постоянно претерпевает изменения, обусловленные изменениями его составных частей. Чем древнее формы языка, тем они богаче, полнее, гибче и одушевленнее. Например, язык древних славянских памятников намного превосходит современную речь живостью, образительностью и свежестью слов и грамматических форм. Но и древнейшие памятники не сохранили нам полностью "золотого века процветающего языка". При этом, если литература, искусство и наука развиваются вместе с жизнью народа, то не такова история языка. "С усовершенствованием народа в умственном и политическом отношениях, язык уже не движается вперед, не совершенствуется в своих формах, не приобретает ни новых сочетаний звуков, ни совершеннейших форм грамматических, но даже теряет мало-помалу и те богатства, какие имел искони. Только в одном отражается на языке совершенствование народное — именно в большей правильности и ясности при изложении мыслей в речи. Но это происходит уже не от совершенствования языка, а от стремления подчинить бессознательно употребляемые формы языка отвлеченной мысли" (16, 40) ¹. Следовательно, по Буслаеву, язык имеет историю, может изменяться, но эти изменения не носят поступательного характера, не являются движением вперед, про-

¹ Ср. также: "С течением времени из живого организма язык становится пустым звуком, условным знаком для выражения мысли. Язык, по вступлении народа на поприще истории, оказывается трупом, организмом уже не живым, а замирающим. Период творческого создания и переворотов уже совершился. Дальнейшая история языка состоит только в указании того, как он подчинялся влиянию развивающейся мысли человека" (16, 40).

грессом. Такой взгляд на историю языка имел в то время довольно широкое распространение (Я.Гримм, А.Шлейхер, И.Срезневский и др.).

Исходя из этого, Буслаев ставил перед сравнительно-исторической грамматикой русского языка следующие задачи:

а) выяснить, какие общиндоевропейские и общеславянские особенности сохранились или утратились в языке русском;

б) объяснить грамматические формы, в которых затейливо перепутано новое со старым. "История языка ведет к тому, чтобы не только уметь употреблять язык, но и **р а з у м е т ь** смысл каждого слова, каждой грамматической формы. История языка не принимает в расчет правил без доказательств: она стремится к уразумению законов языка. Оттого многое, что доселе признавалось за исключение из правила, объясняет она законным необходимым явлением" (16,42). Тем самым история языка приобретает и практическое значение: она дополняет школьную грамматику, помогает ей быстрее достигнуть своей цели — научить правильному употреблению языка для выражения мыслей. "Объяснение древнейших и существенных форм по преимуществу ведет к уразумению языка: поэтому теория современного языка и история языка стоят в непосредственной связи с сравнительной грамматикой" (16,45).

в) Поскольку история языка стоит в тесной связи с историей народа, то с ее помощью можно заглянуть в доисторические времена и создать широкую картину развития русского народа ^I.

Однако, поскольку "Историческая грамматика русского языка" создавалась как пособие для преподавателей средних

^I Ср. "Разумную цель лингвист имеет тогда, когда, не ограничиваясь исследованием букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка изучать духовную жизнь самого народа; когда в слове видит не случайное сочетание звуков, сгруппированных по законам благозвучия, но живой отголосок ощущений, воззрений и нравственных, умственных или религиозных убеждений народа" (20,37).

учебных заведений, то она ставила перед собой более узкие задачи, чем те, о которых мы говорили, и чем те, как они понимались позднее, в период младограмматизма. Автор не пытается хронологически проследить историю каждого явления, а только представить сравнительно-исторический комментарий к системе современного русского языка. Шахматов позднее упрекал Буслаева, что он вместо того, чтобы дать историю русского языка, "оставил нам школьную грамматику, дополненную историческим материалом" (96, 15).

В качестве источников своего пособия Буслаев привлекает старославянский язык, древнерусский, современные диалекты, другие родственные языки. По богатству и разнообразию материала с "Исторической грамматикой" не может сравниться ни одна лингвистическая работа конца XVIII — I пол. XIX вв. Конечно, историческое объяснение фактов русского языка встречалось и раньше (Востоков, Срезневский, Лавровский и др.), однако здесь впервые оно применяется ко всем сторонам языковой системы. Описывая звуковой состав современного русского языка, автор дает его широкое сопоставление с древнерусским и старославянскими языками, а также народными говорами, подробно рассматривает различные чередования, происходившие в древнейший период. В результате этого становятся понятными истоки современной фонетической системы. Анализируя формы словообразования и словоизменения, Буслаев опять же показывает их происхождение и более древнее состояние. Рассматривая синтаксис предложения, он приводит огромный фактический материал, характеризующий историю союзов и союзных слов.

При этом важно подчеркнуть, что Буслаев при объяснении многих явлений особенно удачно использовал неравномерность развития языков. Он писал: "Так как в одном языке сбереглось, подобно драгоценной развалине, одно первобытное качество индоевропейского поколения, в другом другое, то совокупление всех этих остатков далекой доисторической жизни в одно целое составит тот прекрасный организм, общий всем языкам индоевропейским, который воссоздать имеет в виду сравнительная грамматика этих языков, разрешающая существенные

вопросы о первобытных свойствах каждого из них" (16,34).
Этой же цели должно служить и изучение наречий, которые отражают более древний период и могут оказать большую помощь при сравнении русского языка с другими славянскими и индоевропейскими языками, а также для понимания воззрений народа на жизнь и окружающий мир. Недаром Е. Будде отмечал: "Сказать о языке в то время то, что сказал Буслаев, было новостью; ввести в грамматику народный язык с его говорами и искать в них научного освещения нашего литературного языка, предсказать путь развития русской лингвистики на почве изучения народных говоров, - было делом пророческого чутья и глубокого понимания науки с ее перспективами" (11,412). Благодаря такому подходу, Буслаеву удалось объяснить многие формы русского языка, которые до этого считались неправильными.

Нельзя также не отметить, что у Буслаева мы находим более строгое применение звуковых законов, чем это было у его предшественников и современников. Отмечая успехи сравнительно-исторического языкознания, он писал: "Важнейшим результатом этих успехов лингвистики для внешних приемов сравнительной этимологии надобно почтить ту непреложную истину, что родственные языки сближаются между собой не по внешнему созвучию, которое весьма часто бывает случайным, а по внутреннему соответствию, по которому звуки одного языка оказываются не тождественными, а соответствующими звукам другого языка. Звуки двух слов из различных языков одного поколения не могут быть во всем тождественными потому, что каждый язык по-своему развивает свой собственный организм" (20, 48-49).

Считая древнейший период наиболее интересным в истории языка, будучи в душе убежденным компаративистом, Буслаев тем не менее в "Опыте исторической грамматики" отводит самое важное место разработке проблем грамматического строя современного русского языка. Однако быстрое развитие сравнительно-исторического языкознания не могло не оказать влияния на его грамматическую систему. Дело в том, что это направление в

лингвистике своей задачей считало путем сравнения языковых фактов глубже проникнуть в их историю и тем самым полнее и лучше осветить их современное состояние. В основу же сравнения брались грамматические формы, которые нужно было всесторонне исследовать. Все это вело к тому, что понятие формы становилось краеугольным камнем нового подхода к языку. Кроме того, сравнительно-историческое языкознание с его внимательным и скрупулезным изучением каждого факта не могло уже укладываться в логические рамки и все больше вступало в противоречие со всеобщей грамматикой и ее дедуктивным методом.

Одним из первых необходимость нового подхода к изучению языка осознал сам Буслаев. Еще в 1844 году, критикуя логическую грамматику, ученый отмечал, что "она ищет сущности вещи не в самом языке, а в з н а ч е н и и, т.е. она предлагает не частную логику того или другого языка, но всеобщую, к которой приурочивает все языки" (14,63). Его же "Опыт исторической грамматики" не только завершил собой длительное господство логицизма в русской лингвистике, но и наглядно показал все противоречия и недостатки логико-грамматического направления, а также в определенной мере наметил пути их преодоления.

В основу своих рассуждений Буслаев берет понятие сущности языка. По его мнению, поскольку язык есть выражение мысли с помощью членораздельных звуков, то он подчиняется, с одной стороны, законам логики, а, с другой, законам самого выражения. В предисловии к первому изданию "Опыта" он называет их **внутренними законами развития языка** (см. 22, 566) ^I. Поэтому в своей кни-

^I Буслаев упоминает законы сочетания звуков, законы склонения и спряжения, согласования и управления и др., говорит, что они определяют существенные свойства языка. Однако понятие закона нигде четко не определяет. Например, пытаясь отличить закон от правила, он пишет: "Грамматические правила основываются на современном употреблении книжного языка... Грамматические законы основываются на свойствах языка постоянных и не зависящих от временного употребления,

ге Буслаев стремится объединить основные принципы построения предыдущих грамматик (как филологических, так и философских) и подвести под них историческую основу. Кстати, такому подходу отвечали и его взгляды на историю языка. Составляя характер изменений, происходящих в морфологии и синтаксисе, он писал: "Так как словосочинение образуется преимущественно под влиянием народного мышления, то история синтаксиса, в противоположность этимологии, предлагает не разрушение старых форм, а создание новых сочетаний, необходимых для развивающейся мысли. Сначала словосочинение идет дружно с этимологией, и образование предложения стоит в зависимости от образования звуков и слов; потом, по мере отдаления мысли человека от смысла, в самом слове содержащегося, отделяется и синтаксис от этимологии: значение слов, приставок и окончаний забывается, а синтаксис ловко и свободно пользуется ими при выражении мысли; наконец, в позднейшую эпоху, словосочинение до того может отделиться от врожденных свойств своего собственного языка, что уже легко может утратить свою собственную народную жизнь и подчиниться чуждому языку, или же отвлеченной логике" (16,44). Поэтому в "Опыте исторической грамматики" постоянно переплетаются, взаимно дополняя или противореча друг другу два начала: логическое и грамматическое (в единстве с историческим).

На основе анализа основных грамматических понятий мы попытаемся показать, каким образом Буслаев хотел преодолеть логицизм и подойти к изучению языка также с точки зрения его грамматических форм, способствуя тем самым возникновению новых течений в истории русской грамматической мысли.

Учение о частях речи Буслаев, в отличие от предшествующей традиции, излагает в морфологии и синтаксисе: в первой — словообразование и словоизменение, во втором — значение и употребление частей речи и их грамматических кате-

ограниченного только некоторыми формами. Отсюда понятно, что правила грамматики иногда могут стать в противоречие с законами языка" (22,28).

горий. В систему частей речи он внес те изменения, которые были сформулированы и обоснованы его предшественниками, прежде всего Орнатовским и Павским. Это утверждение числительных как самостоятельной части речи и выделение в особый разряд междометий.

Более четко Буслаевым был поставлен вопрос о разграничении частей речи на знаменательные (существительные, прилагательные, глаголы, кроме вспомогательного, и наречия, образованные от знаменательных частей речи) и служебные (местоимение, числительное, предлог, союз, вспомогательный глагол и наречия, образованные от служебных частей речи). Различия между ними он видит в следующем: а) знаменательные слова выражают различные впечатления, производимые природой и жизнью на человека, а служебные — отвлеченные понятия и отношения; б) служебные слова соответствуют окончаниям знаменательных слов; в) знаменательных слов много, а служебных мало; г) знаменательные слова изучаются в словаре, а служебные в грамматике; д) знаменательные слова постоянно создаются языком, служебные — нет; е) знаменательные слова могут заимствоваться из другого языка, служебные не заимствуются.

Основной недостаток такого разграничения был отмечен уже Потебней. В своем труде "Из записок по русской грамматике" он писал: "Оснований деления здесь два: отвлеченность и значение отношения (формальность); но не всякая отвлеченность есть формальность, так что в сущности здесь смешаны два деления. Число есть одно из высших отвлечений, но числительное не есть слово формальное" (76, 36).

В предыдущих грамматиках знаменательные части речи обычно определялись по их семантическим, а служебные — по их синтаксическим признакам. Поэтому господствующее место занимали такие, например, определения, как существительное — название предмета, прилагательное — название признака, глагол — название действия или состояния и т.д.

Буслаев, понимая односторонность подобных определений, стремится их расширить, ввести новые, дополнительные мо-

менты, которые указывали бы и на другие признаки частей речи. Прежде всего он отводит важное место морфологической стороне слова. Окончания, пишет Буслаев, придают корням слов значение предмета, свойства или действия и тем самым распределяют их по определенным частям речи. "А так как имена язык употребляет не иначе, как в известном падеже и числе, а глаголы в известном наклонении, времени, числе и лице; то само собой разумеется, что существо имен и глаголов, сверх суффиксов, определяется изменениями, или флексиями, т.е. склонениями и спряжениями" (22, 317). Важное значение Буслаев придает также синтаксическому моменту. Сущность частей речи, говорит он, "состоит не только в том, что они означают или действие, или предмет, или свойство, но и в том, какой смысл получают они в предложении, изменяясь по спряжениям и склонениям" (22, 318). Особенно отчетливо такой подход проявился при определении имени существительного. "Существительное, — писал он, — не только выражает предмет, сам по себе, но и ставит его в известное отношение к глаголу, означая падежом или подлежащее, или дополнение, или обстоятельство, или определение" (22, 317).

Более того, анализируя части речи, Буслаев подчеркивает, что существенное значение имеет не только то, что они обозначают, но и то, как обозначают. По его мнению, существительное обозначает предмет "сам по себе", поэтому "названия отвлеченных свойств и действий суть существительные" (22, 318). "Прилагательное означает свойство не отвлеченно, а в отношении к предмету, определяя его и согласуясь с его названием в роде, числе и падеже" (22, 317). "Глагол означает действие не отвлеченно, а в известное время и с показателем всех отношений, которые выражаются сказуемым, т.е. с обозначением лица, времени, вида, наклонения и залога" (22, 317). Эти мысли, высказанные еще по сути дела попутно, затем легли в основу определения частей речи у Потебни.

Но Буслаев не был последователен в своих рассуждениях. Это проявилось в том, что определения разных частей речи он строит на различных принципах. Например, выделив по се-

мантическому признаку числительное и местоимение, по синтаксическому употреблению многие из этих слов он считает прилагательными. Более того, не разграничив четко синхронический и диахронический аспекты, он отнес к именам существительным и инфинитив.

Предлоги и союзы определяются с синтаксической точки зрения. У предлогов Буслаев различает собственное и переносное значение. В собственном значении они показывают движение и положение предмета в пространстве ('ид-ти в город, сойти с горы'); в переносном - движение и пребывание предмета во времени ('в 1812 году') и различные отношения мысли ('с голоду, для бедных, из любви'). Судя по примерам, Буслаев еще не проводит четких границ между предлогами и приставками. Союзы, по его мнению, показывают связь между предложениями, соединенными по способу сочинения и подчинения. Здесь не указывается на то, что союзы могут выражать отношения и между однородными словами в предложении. Но это вполне понятно, так как такие предложения Буслаев считает слитными, т.е. состоящими из нескольких простых предложений.

Учение о предложении у Буслаева занимает по сути дела центральное место. Это непосредственно вытекает из понимания сущности языка. Назначение языка - быть средством выражения и сообщения мыслей. Поскольку мысль может быть выражена лишь в предложении, то ее первоначальной и единственной формой выражения Буслаев считал только предложение. В соответствии с традицией он определяет предложение как суждение, выраженное словами.

Однако, видимо, чувствуя ограниченность и недостаточность логического определения предложения, в дальнейшем он стремится найти и какие-то его грамматические признаки. Для этого Буслаев предлагает различать материю или содержание предложений (т.е. названия понятий и представлений) и способ их сочетания внутри предложения. Последний, по его мнению, выражается или окончаниями слов (склонениями и спряжениями), или служебными словами. Отсюда он приходит к выво-

ду, что отдельные слова могут составить предложение только в том случае, если они связаны друг с другом по способу согласования или управления. Согласованием Буслаев считает такое "сочетание слов, в котором одно слово уподобляет свое окончание окончанию другого" (22, 270) ¹. "Управлением называется такое сочетание слов, в котором одно слово зависит от другого и означает свою зависимость или окончанием падежа, или же предлогом" (22, 270). Термина "принятие" у Буслаева нет, вместо этого он говорит о "невидимой синтаксической связи".

Кроме этого, Буслаев находит еще один грамматический признак предложения — наличие сказуемого, которое он считает основным членом предложения: "Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего, каковы все, так называемые, безличные глаголы; напр. 'хочется', 'нельзя', 'нездоровится' и проч.; но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего" (22, 258). Собственной и первоначальной этимологической формой сказуемого Буслаев считает глагол. В этом рассуждении он в значительной степени сближается с Потебней, который также полагал, что "в ближайшем к нам периоде языка предложение невозможно без глагола и что взятый сам по себе глагол будет предложением" ².

Но Буслаев не мог отказаться от многих понятий логической грамматики. Особенно наглядно это проявилось в учении о сокращении и слиянии предложений.

По его мнению, придаточные предложения могут сокращаться в имена существительные, инфинитив, причастие и деепричастие. Кроме этого, Буслаев упоминает также о сокращении

¹ Уже Потебня в связи с этим резонно заметил, что в данном случае "было бы точнее сказать не об уподоблении окончания..., а об уподоблении формы, в смысле значения" (76, 75).

² Архив АН СССР, р. IV, оп. I, № 830, л. 9.

сказуемого в прилагательное. (Ср. 'Этот ученик прилежен' = 'Этот прилежный ученик'). Такой взгляд целиком обусловлен влиянием логицизма, в результате чего к логическому суждению сводится все многообразие структурных типов предложения. При этом он явно противоречит данным истории языка. Ведь причастия, из которых затем развились и деепричастия, возникли гораздо раньше, чем подчинительные союзы и относительные местоимения. Поэтому в исторической грамматике ни о каком сокращении или распространении говорить нельзя: в языке просто сосуществуют две разные формы для выражения более или менее одинакового содержания.

Под слитными предложениями Буслаев в соответствии с традицией понимал предложения, имеющие в своем составе однородные члены. По мысли автора, они возникают в результате слияния нескольких простых предложений. Например, 'Солнце светит' + 'Солнце греет' = 'Солнце светит и греет'. Уже Д.Н. Кудрявский (54, 123) правильно заметил, что это предполагаемое слияние не может быть ничем доказано, оно ничего не объясняет в строе этих предложений и скорее напоминает логическое упражнение, чем грамматический разбор. Отсюда он делал вывод, что теория слитных предложений не нужна, так как она не имеет под собой ни исторических, ни грамматических оснований.

С появлением "Исторической грамматики" был сделан большой шаг вперед в разработке проблем сложного предложения. Буслаев считал, что речь может состоять из простых предложений и из сложных. Последние возникают путем соединения нескольких простых. Это соединение происходит двояким образом: "1) или одно предложение составляет часть другого..., 2) или соединенные предложения не входят одно в другое, в виде отдельной части, и остаются самостоятельными... В первом случае соединение предложений именуется подчинением, потому что одно предложение подчиняется другому, составляя его часть; а во втором - сочинением" (22, 279). Предложение, составляющее часть другого предложения, называется придаточным; а то, в которое придаточное входит как часть, - главным.

Буслаев также более отчетливо сформулировал мысль о том, что каждый член главного предложения, кроме простого сказуемого, может быть выражен придаточным предложением. На этой основе им выделяются придаточные подлежащего, определения, дополнения и обстоятельства (места, времени, образа действия, меры и счета, причины). Но затем он относит к обстоятельственным также предложения, выражающие условие, предположение, желание и сравнение. Относительно замены сказуемого Буслаев высказывает следующее соображение: "1) Собственно сказуемое, т.е. глагол, никогда не может терпеть этой замены, что составляет одно из существенных отличий этого члена предложения от прочих. 2) Но так как при глаголе (именно при существительном 'б и т ь') употребляются определительные и обстоятельственные речения, составляющие вместе с ним сказуемое составное; то эти речения могут заменяться и объясняться придаточным предложением" (22,279).

Но верный своему принципу указывать, наряду с логико-семантическими, также грамматические признаки, Буслаев свой анализ придаточных предложений сводит к довольно подробному рассмотрению союзов и союзных слов. Не ставя вопроса о средствах подчинения определенных видов придаточных предложений, Ф.И. Буслаев подробно характеризовал условия употребления "вопросительных и относительных местоимений и наречий (-союзов) в связи с указательными", а также выяснял значение "повелительного, желательного и условного наклонения" для выражения подчинительных отношений в связи с употреблением союзов 'если', 'чтобы', 'дабы' и 'будто'. В этой части синтаксиса Ф.И. Буслаева содержится богатый фактический материал, объясняющий происхождение и сферу употребления относительных слов 'кто' и 'что' в их соотношении с указательными 'тот' и 'то', союза 'что', относительных слов 'кой' и 'который', 'какой' и 'чей', 'когда', 'куда', 'где' и 'как' в их соотношении с 'тогда', 'куда', 'там' и 'так'... Таким образом, касаясь вопроса о средствах и способах подчинения предложений, Ф.И. Буслаев отходил от прежней логической традиции и становился на чисто грамматическую почву

в своих наблюдениях над относительными словами и подчинительными союзами" (38, 95-96).

В целом система сложноподчиненных предложений, нашедшая свое выражение в "Исторической грамматике", затем легла в основу большинства школьных учебников второй половины XIX-нач. XX вв. и в значительной степени сохранилась до сих пор.

Говоря о сложносочиненных предложениях, Буслаев выделил три вида сочинительных отношений - соединительные, противительные, разделительные. Сочинительные союзы он рассматривает по происхождению и употреблению. При этом Буслаев первый обратил внимание на переходные (от сочинения к подчинению и обратно) конструкции в русском языке. Например, одной из форм этого перехода он считал соединение предложений при помощи местоимения 'иже'.

В учении о членах предложения Буслаев также занимает двойственную позицию. Первоначально он определяет главные члены предложения с логической точки зрения. "Предмет, о котором мы судим, называется подлежащим. То, что мы думаем или судим о предмете (о подлежащем), именуется сказуемым" (22, 258). Затем наряду с логической стороной главных членов Буслаев стремится найти и их морфологические признаки. Он говорит, что подлежащему соответствует имя существительное в именительном падеже. Если же подлежащее выражается какой-либо другой частью речи, то она принимает смысл существительного (ср. 'Ленивый часто скучает', 'Отчаиваться есть малодушие'). Кроме того, подлежащее может быть выражено также личной формой глагола (например, 'да-м', 'буде-м'). Поэтому, по его мнению, в грамматическом отношении безличное предложение не отличается от личного^I. Различение ряда способов выражения подлежащего позволило Буслаеву

^I Ср. реакцию на это Потебни: "Личное окончание или вместе с ним местоимение личное, как чистая форма (отношение к лицу, а не обозначение его указанием), суть неперменные составные части личного глагола. Без них нет глагола, стало быть, нет сказуемого. Но если подлежащее не есть сказуе-

отметить различную степень "определенности" субъекта мысли. Он выделяет субъект явственный (личный), неявственный (безличный) и неопределенный ('говорят'). По замечанию С.Груздевой, "этим Буслаев подготовил характеристику некоторых односоставных глагольных предложений, сделанную позднее Шахматовым" (32, 223).

Морфологической формой сказуемого, по Буслаеву, является глагол, который в этой роли означает признак, приписываемый предмету, и отношение говорящего к слушателю и к предмету речи. Это отношение выражается указанием на лица, а также категориями времени и склонения.

Кроме простого, Буслаев выделяет также понятие составного сказуемого. Последнее всегда состоит из двух частей:

а) глагола-связки, выражающего склонение, время и лицо, и б) названия признака, приписываемого глаголом подлежащему. Эти две части составляют одно целое. Однако в грамматическом отношении основной частью составного сказуемого является глагол-связка, в логическом - обозначение признака. Но, видимо, желая еще дальше морфологизировать свое учение о составном сказуемом, он полагает, что сказуемое может быть выражено лишь глаголом. В связи с этим присвязочный член им рассматривается далее уже как второстепенный член предложения.

Двойственный подход к языковым фактам - логико-семантический и грамматический - особенно ярко проявился в учении Буслаева о второстепенных членах предложения. В "Исторической грамматике" оно основано на двух принципах: синтаксическом употреблении и значении. Исходя из трех типов синтаксической связи слов, Буслаев делит второстепенные члены на определительные (присоединяемые посредством согласования), дополнительные (присоединяемые посредством управления) и обстоятельственные (слова, не находящиеся в видимой синтаксической связи с другими словами). Но перейдя к их характерис-

мое, то оно никогда не бывает ни личным окончанием, ни личным местоимением в формальном значении" (76, 73).

тике по значению, он вступает в явное противоречие с первым делением, так как считает, "1) что определительные присоединяются к другим словам посредством не только согласования, но и управления, и 2) что между обстоятельственными, сверх вышеупомянутых, несогласующихся и неуправляемых, большая часть таких, которые относятся к дополнительным" (22, 273-274). Недаром Потебня позднее отмечал, что деление второстепенных членов по употреблению оказалось совершенно ненужным для деления по значению, которое "основано не на наблюдении над языком, а над чем-то не имеющим к языку непосредственного отношения, что автору только кажется, будто он различным образом делит одно и то же понятие, между тем как он делит два различных понятия и влагает в одно то, что нашел в другом" (76, 77).

В целом "Историческая грамматика" завершила собой длительное господство в русском языкознании логического направления, характерной чертой которого был логико-семантический подход к частям речи, членам предложения и предложению. Она не только обобщила достижения предшествующих грамматик русского языка, но и показала недостатки их теоретической базы. Этому прежде всего способствовала двойственность принципов, которыми руководствовался автор. Причиной ее является то, что в грамматике Буслаева "понятие содержания (насколько оно составляет предмет языкознания) и формы слова еще весьма не ясны. В этой неясности иное лично, но во многом проявляется такое общее состояние знания, когда, с одной стороны, еще чувствуется тяготение к старой теории (логико-грамматической), для которой нет в слове ни собственно язычного содержания, ни формы, а есть только нечто, по другому взгляду, вовсе не заключенное в слове, именно понятие, а с другой стороны, имеются уже факты, которые, будучи как следует сведены и направлены, могли бы ниспровергнуть эту теорию" (76, 71). Эта задача была выполнена синтаксическими исследованиями Потебни, которые составили уже следующий этап в истории русской грамматической мысли.

Но грамматическая система Буслаева не только показала несовместимость индуктивного и дедуктивного подхода к языку. В определенной степени она отражала собой развернувшуюся в европейском языкознании середины XIX века борьбу с универсальной грамматикой, несовместимой со сравнительно-историческим языкознанием, занимавшим в то время все более ведущее место в науке. Особенно последовательно эта борьба проявилась в трудах Гумбольдта и Штейнталя, стремившихся в первую очередь подчеркнуть специфику грамматического строя отдельных языков. Например, в связи с этим Штейнталь писал, что языковые и логические категории так же мало соотносятся друг с другом, как понятия круга и красного. У Буслаева мы, естественно, не находим такой непримиримой критики логицизма, так как он старался именно объединить в одной грамматической системе все то лучшее, что было в прежних филологических и всеобщих грамматиках. Однако, по замечанию акад. В.В.Виноградова, "учение Буслаева о несогласованности "общих законов логики" и "собственных законов языка", о частых их столкновениях и противоречиях находит себе некоторые параллели в высказываниях В.Гумбольдта" (26, 248).

Таким образом, можно считать, что грамматическая система Буслаева обобщила и завершила достижения русского языкознания первой половины XIX века и в то же время в определенной степени наметила пути его дальнейшего развития..

х

х

х

Одной из важных задач первых представителей русского сравнительно-исторического языкознания была публикация и комментирование древних памятников, разбросанных по разным книгохранилищам. В 1855 г. в одном из юбилейных изданий Московского университета Буслаев публикует "Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, со-

бренные из XV-ти рукописей Московской Синодальной библиотеки, с приложением 22 снимков". В работе дается палеографическое, грамматическое и лексическое описание ряда рукописей, начиная со Сборника 1073 года и кончая Евангелием 1537 г. Из этих рукописей было извлечено много данных для характеристики звуков и форм русского языка в разные периоды его истории. Интересны наблюдения автора над синтаксическими явлениями и стилистическими особенностями памятников. Здесь же он впервые затрагивает вопрос о русской орнаментике, которая потом стала одним из любимых предметов его исследований.

Но особенно важное место в истории науки занимает "Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков", вышедшая в 1861 году. Буслаев, обратившись к рукописям, ввел в свою хрестоматию большое количество малоизвестных памятников, что во много раз расширило рамки допетровской литературы. Опубликовав рукописные памятники, он сделал их доступными широким кругам исследователей русского языка и литературы. Нельзя не отметить также важное значение историко-литературных и лингвистических примечаний, которые сопровождают тексты и в совокупности составляют, по замечанию автора, "как бы историю языка и письменности в практическом изложении". Вследствие этого, хрестоматия явилась значительным вкладом в науку и обусловила появление многих новых изданий древнерусских памятников и серьезных работ по древнерусской словесности.

"Историческая грамматика" и "Историческая хрестоматия" были написаны как учебные пособия для средней школы. Но они оказались слишком трудными и не могли найти себе широкого применения. Поэтому на их основе Буслаевым были созданы еще "Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора, для среднеучебных заведений" (М., 1869) и "Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями-

ми, с словарем и указателем, для среднеучебных заведений" (М., 1870). Обе книги пользовались большим успехом и выдержали по несколько изданий.

§ 5. Занятия литературой и искусством. Последние
годы жизни

В конце 1859 года Буслаев получил приглашение читать курс истории русской словесности наследнику престола Николаю Александровичу и переехал в Петербург. В январе 1861 г. лекции закончились, и он снова вернулся в Москву.

В этот период главным увлечением Буслаева вместо языкознания становится история литературы. Он писал подробные конспекты лекций, ежегодно дополняя их новыми и новыми материалами. Часть этих лекций печаталась с 1847 по 1860 г. в виде статей в разных периодических изданиях. Один из любимейших учеников Буслаева, Александр Александрович Котляревский, будущий профессор славянских наречий в Тарту и Киеве, старательно собирал все его статьи и заметки. Он мечтал издать их отдельным сборником. В 1860 г. эта мечта осуществилась — вышли "Исторические очерки русской народной словесности и искусства" в двух томах. Книга имела огромный успех. Не было ни одного крупного журнала, который не откликнулся бы рецензией, положительной или отрицательной. Московский университет присудил ему степень доктора русской литературы, а Академия наук избрала его ординарным академиком (1861 г.).

В декабре 1863 года Буслаев отправился на полгода за границу (Германия, Голландия, Бельгия, Италия, Франция) для изучения иконографии и орнаментики византийского, романского и готического стилей. Во время путешествия он писал корреспонденции в "Московские ведомости" и "Русский вестник", которые потом составили первый том "Моих досугов".

После возвращения в Москву в 1864 г. Буслаев снова стал читать историю русской литературы и специальный курс о Данте, с творчеством которого он особенно близко познакомился во время путешествия по Италии. Он был также избран секретарем Общества древнерусского искусства, созданного при Румянцевском музее. Буслаев много и плодотворно занимался изучением русской иконописи и орнаментики. Особенно его заинтересовали т.н. лицевые рукописи. В 1870 г. он решил специально поехать в Страсбург и Париж, чтобы изучить латинскую рукопись XII века и некоторые византийские лицевые рукописи. Но в это время разразилась франко-прусская война. Пришлось ограничиться только посещением Швейцарии и Италии.

В пятидесятилетнем возрасте перед Буслаевым встал вопрос о том, что полезного он сделал и еще успеет сделать. О своих раздумьях он пишет: "Начал я еще в молодых годах своих ученую карьеру педагогиею и дидактикою, потому что был учителем гимназии; а когда стал профессором, читал лекции по сравнительной грамматике и истории русского языка в связи с прочими славянскими наречиями. Но вскоре я заметил, что другие ученые, настоящие специалисты, и в Москве, и в прочих университетских городах, далеко опередили меня и в санскрите с ведом, и в славянщине; потому я сосредоточил свои силы на народной словесности и древнерусской литературе, проводя в науке приемы и результаты Гриммовской школы. А вот теперь бросаю и этот так давно и так глубоко проторенный мною путь. В университете целые три года сряду читал о Данте, для музейного общества пишу исследования иконографического содержания. И стало для меня ясно как день, что по разнообразию предметов, на которые расходую свои силы, я принадлежу к поколению стародавних профессоров, моих наставников — Давыдова, Шевырева, Погодина" (23, 366).

"Мне стало очевидно, что я начинаю стареть, что песенка моя спета. Однако не воображайте себе, что я унывал духом; напротив того, я радовался, что мои ученики опережают меня, со славой ведут дело, начатое мною; значит, не дурной

был я учитель, когда умел взлелеять таких учеников. В этом я находил себе оправдание и награду своей университетской деятельности" (23, 367-368).

С октября 1874 до осени 1875 года Буслаев жил в Италии, преимущественно в Риме. В 1881 году он оставил университет и вышел в отставку. В 1884 г. "Общество любителей древней письменности" издало его книгу "О русском лицевом Апокалипсисе".

С 1886 г. у Буслаева начало резко ухудшаться зрение, и к 1888 г. оно настолько ослабело, что ему было запрещено читать. Друзья посоветовали ему начать диктовать свои биографии. И он с увлечением занимался этим делом в 1889-91 гг. К 1892 г. "Воспоминания" были закончены. Но он еще раз к ним вернулся в 1893-96 гг.

Летом 1897 года Буслаев скончался. Закончился жизненный путь одного из крупнейших русских ученых, в течение нескольких десятилетий стоявшего в центре филологической науки, во многом определявшего пути ее развития. Об этом говорит и тот факт, что вокруг ни одного имени в истории русского языкознания не было столько полемики, не прогремело столько ожесточенных битв, как вокруг имени Федора Ивановича Буслаева.

х

х

х

А. Шахматов писал: "Федор Иванович Буслаев, как ученый, принадлежит нескольким областям знаний: язык, литература, искусство нашли в нем блестящего исследователя, его работы имели в свое время решающее значение в развитии этих трех отделов русской науки. Буслаев переходил в своих занятиях постепенно от одной из названных областей знания к другой:

сначала язык, потом литература, наконец искусство поочередно поглощали его силы" (96, 7).

В области языкознания Буслаеву принадлежат следующие заслуги:

1. Он создал первую методику преподавания русского языка и ратовал за то, чтобы при обучении отечественному языку преследовались не только практические, но и научные цели.

2. Буслаев впервые применил положение Я.Гримма о тесной связи истории языка с историей народа, его бытом, преданиями и верованиями к данным русского языка и нарисовал широкую картину исторического развития русского народа. При этом он первым дерзнул заглянуть в доисторические времена Руси с помощью нового орудия - языка.

3. Он описал и издал ряд старославянских и древнерусских памятников, обогатив тем самым науку новыми фактами и наблюдениями.

4. Одним из первых Буслаев установил родственные связи русского языка с другими индоевропейскими языками, а также историческую преемственность между языком древних памятников, языком современных писателей и живыми народными говорами.

5. Буслаев первым в России поставил вопрос о строгом применении звуковых законов в исторических исследованиях.

6. Он значительно расширил языковую базу исследований, считая объектом изучения весь русский язык во всех его проявлениях. При этом Буслаев впервые обратил внимание на язык народный и доказал научное значение изучения диалектов, как необходимой составной части сравнительно-исторической грамматики.

7. Буслаев создал первую историческую грамматику русского языка. Собранный им богатый фактический материал вошел в широкий научный оборот и использовался в последующих исследованиях (М. Колосов, А. Потебня и др.).

8. "Историческая грамматика" завершила и обобщила собой достижения русского языкознания I половины XIX века и в ка-

кой-то мере наметила пути его дальнейшего развития. Более того, она определила основные принципы и методы построения школьной грамматики. "Традиции буслаевской грамматики не изжиты и поныне. Они сильно дают себя знать не только в школьной учебной, но и научной литературе по русскому синтаксису" (26, 229).

Естественно, многие мысли Буслаева уже не новы, многие сделались азбучными и элементарными, хотя в середине XIX века они представляли собой целые открытия. Но своей азбучностью и элементарностью они обязаны именно Буслаеву. Труды Буслаева во многом уже принадлежат истории, но без нее не было бы современности. В этом как раз заключается прогресс науки.

С п и с о к

ц и т и р о в а н н о й л и т е р а т у р ы

1. К.С.Аксаков, Полное собрание сочинений, т.2, ч.1, М., 1875.
2. А.С.Архангельский, Ф.И.Буслаев в своих "Воспоминаниях" и ученых трудах, Казань, 1899.
3. Н.И.Барсов, Протоиерей Герасим Петрович Павский. "Русская старина", т.27, 1880.
4. С.Г.Бархударов, О "Мыслях об истории русского языка" И.И.Срезневского. В кн.: И.И.Срезневский, Мысли об истории русского языка, М., 1959.
5. К.Беккер, Организм языка. "Филологические записки", 1869, вып. I.
6. В.Г.Белинский, Русская грамматика Александра Востокова. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т.VIII, 1955.
7. В.Г.Белинский, Грамматические разыскания В.А. Васильева. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т.IX, 1955.
8. С.Б.Бернштейн, Памяти В.И.Григоровича. (К 150-летию со дня рождения). Известия ОЛИЯ, т.24, вып. IV, 1965.
9. О.Бетлинг, Грамматические исследования о русском языке. Ученые записки имп. Академии наук по первому и третьему отделениям, т.I, вып.2, 1853.
10. И.А.Бодуэн де Куртене, Лингвистические заметки и афоризмы. Избранные труды по общему языкознанию, т.П, М., 1963.

11. Е.Б у д д е, О заслугах Буслаева, как ученого лингвиста и преподавателя. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т.ХІV, вып. ІV, 1898.
12. Л.А.Б у л а х о в с к и й, Лингвистическое и методическое наследство Ф.И.Буслаева. РЯШ, 1937, № 5.
13. Л.А.Б у л а х о в с к и й, Измаил Иванович Срезневский (1812-1880). РЯШ, 1940, № 6.
14. Ф.И.Б у с л а е в, О преподавании отечественного языка, Л., 1941.
15. Ф.И.Б у с л а е в, О преподавании отечественного языка, ч.П, М., 1844.
16. Ф.И.Б у с л а е в, (рец.) "Мысли об истории русского языка" И.Срезневского. "Отечественные записки", 1850, т.72, октябрь.
17. Ф.И.Б у с л а е в, (рец.) "Филологические наблюдения над составом русского языка", изд. 2, СПб., 1850. "Отечественные записки", 1852, т.81, апрель.
18. Ф.И.Б у с л а е в, (рец.) "Филологические наблюдения над составом русского языка", изд.2. СПб., 1850. "Отечественные записки", 1852, т.82, май.
19. Ф.И.Б у с л а е в, (рец.) О русских глаголах Константина Аксакова. "Отечественные записки", 1855, т.101, август.
20. Ф.И.Б у с л а е в, (рец.) Сравнение русских слов с санскритскими, г.Хомякова. "Отечественные записки", 1855, т.102, сентябрь.
21. Ф.И.Б у с л а е в, О преподавании русского языка и словесности. (Заметки на статью г.Греча в 7-м № "Морского сборника" за 1856 год). "Отечественные записки", 1856, т.109, декабрь.

22. Ф.И.Б у с л а е в , Историческая грамматика русского языка, М., 1959.
23. Ф.И.Б у с л а е в , Мои воспоминания, М., 1897.
24. А.Б.н ч к о в , П.А.Лавровский (некролог). ЖМП, 1886, ч.244, апрель.
25. В.А.В д о в и н а , "Русская грамматика" академика А.Х.Востокова и ее значение в истории развития русской грамматической науки, АКД, Горький, 1955.
26. В.В.В и н о г р а д о в , Из истории изучения русского синтаксиса, изд. МГУ, 1958.
27. П.В л а д и м и р о в , Пятидесятилетие "Мыслей об истории русского языка". Киевские университетские известия, 1899, № 2.
28. А.В о с т о к о в , Русская грамматика, изд. 12, СПб., 1874.
29. Н.Г р е ч , Пространная русская грамматика, СПб., 1827.
- 29а.Н.Г р е ч , Практическая русская грамматика, СПб., 1827.
30. В.И.Г р и г о р о в и ч , П.С.Биллярский. В кн.: С.А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. III, СПб., 1892.
31. К.Г р о т , Братья П.А. и Н.А.Лавровские как деятели науки и просвещения. Известия ОРЯС, т. II, кн. 2, 1929.
32. С.И.Г р у з д е в а , Основы синтаксической системы Ф.И.Буслаева (простое предложение). Ученые записки ЛГУ, № 302, серия филологических наук, вып. 61, 1962.
33. Н.К.Г р у н с к и й , Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. I-II, СПб., 1911.

34. И.И. Д а в ы д о в, Статья о сочинении академика И.И. Срезневского "Мысли об истории русского языка". МНП, 1851, ч.69, март.
35. И.И. Д а в ы д о в, Взгляд на грамматические исследования о русском языке. Известия ОРЯС, т. III, вып. 3, 1854.
36. В. Д а л ь, О наречиях русского языка. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955.
37. А.В. Д у д н и к о в, Вопросы синтаксиса сложного предложения в трудах представителей логического направления в русской грамматике. Ученые записки Московского областного пед.института, т. 138, вып. 8, 1963.
38. А.В. Д у д н и к о в, Учение о сложном предложении в грамматических трудах Ф.И. Буслаева. Ученые записки Московского областного пед.института, т. 204, вып. IV, 1967.
39. В.А. З в е г и н ц е в, История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1964.
40. Из воспоминаний А.Х. Востокова о его детстве и юности. "Русская старина", 1899, № 3.
41. Е.Ф. К а р с к и й, Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР, Л., 1926.
42. М. К а т к о в, Об элементах и формах славяно-русского языка, М., 1845.
43. М. К о л о с о в, Заметки о звуках русского и старославянского языков. "Филологические записки", 1872, вып. IV.
44. Н.А. К о н д р а ш о в, Осип Максимович Бодянский, изд. МГУ, 1956.

45. Koxkxpondence Karla Havlíčka Borovského, Praha, 1903.
46. К о р о п а ч и н с к и й, Значение А.Х.Востокова в истории славянской филологии. Отчет Одесской первой прогимназии за 1874/75 учебный год, Одесса, 1875.
47. А.А.К о т л я р е в с к и й, Сравнительное языкознание. Сборник ОРЯС, т.48, 1890.
48. А.А.К о т л я р е в с к и й, Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения. Сборник ОРЯС, т.50, 1895.
49. А.А.К о ч у б и н с к и й, У могилы В.И.Григоровича. Записки Новороссийского университета, т. XXVI, 1878.
50. А.А.К о ч у б и н с к и й, Итоги славянской и русской филологии, Одесса, 1882.
51. А.А.К о ч у б и н с к и й, Начальные годы русского славяноведения, Одесса, 1887-1888.
52. А.А.К о ч у б и н с к и й, Памяти Петра Алексеевича Лавровского. Записки имп. Одесского общества истории и древностей, т. XV, 1889.
53. А.А.К о ч у б и н с к и й, Виктор Иванович Григорович (1815-1876) в истории славяноведения, Одесса, 1894.
54. Д.Н.К у д р я в с к и й, Введение в языкознание, Орьев, 1912.
55. Н.К у л ь м а н, Из истории русской грамматики, Птг., 1917.
56. П.А.Л а в р о в с к и й, О языке северных русских летописей, СПб., 1852.
57. П.А.Л а в р о в с к и й, Записка о втором издании пер-

вой части исторической грамматики Ф.И. Буслаева. Записки имп. Академии наук, т. VIII, кн. I, 1866.

58. М.С. Лапатухин, Из истории преподавания русского языка в средней школе (дореволюционный период). Ученые записки Калининского пед. института, вып. 34, 1963.
59. В.Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, М., 1958.
60. А.Линиченко, Очерк развития важнейших идей отечественного языкознания. Речи, произнесенные в торжественных собраниях Лицея князя Безбородко и Нежинской гимназии в 1854 и 1855 уч. годах и историческая записка за 1854-1855 уч. год, Киев, 1856.
61. М.В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. УП, изд. АН СССР, М.-Л., 1952.
62. А.С. Львов, Взгляды Ф.И. Буслаева на историческое преподавание русского языка в средней школе. РЯШ, 1941, № 2.
63. А.Мейе, Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков, Орьев, 1914.
64. А.Никольский, Основания российской словесности, ч. I, СПб., 1807.
65. Б.А. Ольховиков, Рационализм и эмпиризм в философии языка ХУП в. и "грамматика Пор-Рояль". Ученые записки I-го Московского пед. института иностранных языков им. М. Тореза, т. 42, 1968.
66. (рец.) "Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный II отделением имп. Академии наук". "Отечественные записки", 1852, т. 83, июль.
67. А.Орлов, Протоиерей Герасим Петрович Павский. Биографический очерк. Записки имп. Академии наук, т. IV, 1863.

68. И.О р н а т о в с к и й , Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных, Харьков, 1810.
69. Г. П а в с к и й , Филологические наблюдения над составом русского языка, Рассуждение I, СПб., 1850.
70. Памяти Федора Ивановича Буслаева, М., 1898.
71. О.М. П а р х о м е н к о , М.О.Максимович. УИИ, 1955, № 2.
72. Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И.Срезневского. Сборник ОРЯС, т.У, выд.П, 1873.
73. Е.М. П е т р о в а , Академик Федор Иванович Буслаев и его значение для школы. В кн.: Ф.И.Буслаев, О преподавании отечественного языка, Л., 1941.
74. С. П о н о м а р е в , Михаил Александрович Максимович. Биографический и историко-литературный очерк. ИМНП, 1871, ч.157, октябрь.
75. Н.С. П о с п е л о в , Учение о частях речи в русской грамматической традиции, изд. МГУ, 1954.
76. А.А. П о т е б н я , Из записок по русской грамматике, т.1-П, М., 1958.
77. П.И. П р е й с , Донесение г.министру народного просвещения, из Загреба, от 10 ноября 1841 г. ИМНП, 1842, ч.33, март.
78. А.Н. П ы п и н , Исмаил Иванович Срезневский (1812 - 1880). Некролог. "Вестник Европы", 1880, т.П, кн.3
79. А.Н. П ы п и н , История русской этнографии, тт.1-IV, СПб., 1890-92.
80. С.В. Р о ж д е с т в е н с к и й , Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, СПб., 1902.

81. Ф. Р о з а н о в , Российская грамматика, содержащая в себе новый, легкий и достаточный способ к изучению русского языка, М., 1810.
82. Slovanství v národním životě Čechů a Slováků, Melantrich, 1968.
83. И. С н е г и р е в , Иосиф Добровский. Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяноведения, Казань, 1884.
84. М. С о к о л о в , Исмаил Иванович Срезневский (некролог). "Древняя и новая Россия", 1880, т. XVI, № 3.
85. И. И. С р е з н е в с к и й , На память об И. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. Сборник ОРЯС, т. XVIII, № 6, 1878.
86. И. И. С р е з н е в с к и й , Воспоминания о Я. Гримме. Записки имп. Академии наук, т. IV, 1863.
87. И. И. С р е з н е в с к и й , Мысли об истории русского языка, М., 1959.
88. И. И. С р е з н е в с к и й ,(рец.) "Опыт общесравнительной грамматики русского языка" орд. ак. И. И. Давыдова. ММП, 1851, ч. 69, март.
89. И. И. С р е з н е в с к и й , Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. В кн.: А. Х. Востоков, Филологические наблюдения, СПб., 1865.
90. А. Т а н к о в , Воспоминания о Ф. И. Буслаеве. "Исторический вестник", 1897, сентябрь.
91. И. Т и м к о в с к и й , Опытный способ к философическому познанию русского языка, Харьков, 1811.
92. Н. Т и х о н р а в о в , В. И. Григорович (некролог). "Московские ведомости", 1876, № 332.

93. Н. Ч а е в , Михаил Александрович Максимович. "Русский архив", 1874, кн. 2, № 12.
94. А. Н. Ч у д и н о в , О преподавании отечественного языка. "Филологические записки", 1871, вып. I.
95. А. Н. Ч у д и н о в , О преподавании отечественного языка. "Филологические записки", 1871, вып. У - VI.
96. А. Ш а х м а т о в , Буслаев, как основатель исторического изучения русского языка. Сб. "Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21 января 1898 года", СПб., 1898.
97. Э к. С - т, (рец.) "Опыт исторической грамматики русского языка", составленный Ф. Буслаевым. "Отечественные записки", 1859, т. 125, август.
98. Э к. С - т, (рец.) "Опыт исторической грамматики русского языка", составленный Ф. Буслаевым. "Отечественные записки", 1859, т. 126, сентябрь.
99. Н. Я з в и ц к и й , Всеобщая, философическая грамматика, СПб., 1810.
100. Д. Я з ы к о в , Федор Иванович Буслаев (Историко-литературный очерк по его "Воспоминаниям" и вновь собранным материалам). "Русский вестник", 1897, сентябрь.
101. Л. Г. Я к о б , Курс философии для гимназий Российской империи. Ч. II, содержащая начертание всеобщей грамматики, СПб., 1812.

Х. Хейгер

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ
ГОВОРОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ЭСТОНИИ

I. Северо-восточная Эстония - это район, где в течение столетий проживали многие этнические группировки и взаимодействовали языки разной степени родства. Особый интерес по своему этническому составу и характеру языка представляет местность Ййзаку, расположенная к северу от Чудского озера.

Русский говор Ййзаку охватывает территорию бывшего Ййзакуского прихода в северном Причудье - Алутагузе, нынешнего городского округа г. Кохтла-Ярве. Заселение этой местности русскими происходило в течение многих веков из разных областей. По утверждению Х. и А. Моора, в XII-XIII вв. на территорию Эстонии, главным образом в незаселенные еще местности на севере и северо-западе от Чудского озера, в окрестности теперешнего Ййзаку проникла волна поселенцев северо-западного славянившегося водского племени. К этому времени словене уже успели заселить большую часть Ижорского плато, а северная водь, обитавшая на этой территории, постепенно в большей своей части слилась с русскими (4, 74).

По данным археологии, в XI-XII вв. в северном Причудье, в лесистом и болотистом Алутагузе появляются курганы новгородско-водского и чисто водского типа, известные с того же времени или ранее на востоке от Нарвы и Чудского озера. Вещественный материал, сопровождающий курганные погребения в Причудье, а также данные антропологии свидетельствуют о существовании на этой территории в то время как водского, так и смешанного славяно-водского населения (20, 115; 17, 151; 18, 31-32; 25, 353).

На довольно значительный водский элемент в поселенческой волне этого времени указывают и письменные источники XIV и XV веков, в которых упоминается большая часть суще-

ствующих ныне ийзакусских деревень, с водскими или эстонскими названиями: Soenpe (Soonpea - Соонпеа), Corwentacken (Kõrvetaguse = Кирветагузе), Humotankyla (Imatu = Имату), Lechtenpe (Lõhtpea = Лехтепеа), Potzike (Pootaiku = Поотсику), Jouskol - Jowkul - Jauküll (Jõuga = Йнуга), Warrasmetsa (Varesmetsa = Варесметса) и др. (I5, I4-I6).

Трудно провести грань между водскими и эстонскими названиями из-за близости северо-восточного эстонского и водского диалектов, однако некоторые топонимы имеют явно водско-жорское происхождение. Например, нынешнее название находящегося на той же территории города Йхви в Датской поземельной книге представлено в виде Gevi (I2,92); в речи местного русского населения этот топоним до сих пор звучит 'Йеве, Йови, Йовизна, Йевизна'. Л.Кеттунен считает возможным связать происхождение этого названия с водскими языком (jevi jõui jõui). (I4, 271-826). Водским можно считать также топоним Йнуга (Jõuga / Jowkull, Jauküll), имевший соответственно такую же основу, как и Йхви (Jõhvi / Gevi). В местном русском диалекте название деревни Jõuga звучит как Евгаль. Однако П.Аристе при объяснении топонимов 'Йхви' и 'Йнуга' допускает и эстонское их происхождение, так как в северо-восточных эстонских диалектах также произносят Jõvi.

Отсутствие русских топонимических названий в первых дошедших до нас письменных памятниках привело некоторых авторов (П.Трусман, О.Лийв) к выводу, отрицающему или допускающему лишь в незначительной мере наличие славянского населения в Алутагузе (6,5) в рассматриваемый нами период (XII - XV вв.). П.Висковатов (I, 240-241), изучив могильный инвентарь древнего кладбища Пхтицы (на этой же территории Алутагузе), считал его финно-угорским по происхождению, но допускал, что среди финно-угорского населения были и новгородские словене.

Позднейшие исследования по археологии и антропологии доказывают наличие смешанного водско-славянского населения в Алутагузе в XII - XV вв., и, по всей вероятности, наряду с топонимическими названиями водско-эстонского происхождения и смешанного характера, уже издавна имеются и чисто русские

параллели.

Существованием смешанного населения в этой местности можно объяснить сохранившееся до сих пор топонимическое название Tärevere. В письменном источнике от 1330 г. этот топоним написан в виде Therrenevere. Корнем этого слова, очевидно, является русское 'терев' (по В. Даль 'росчисть из-под кустарника'), к которому присоединилось эстонское vere < veeri (Therrenevere > Terrenevere > Tärevere), (18, 41), обозначающее, как полагает П. Аристе, древнее название леса в эстонском языке (9, 474). Подавляющая часть названий деревень имела свои русские параллели, которые известны и сейчас, хотя не являются официальными. Зачастую они представляют собой русские приспособления к финно-угорским наименованиям с помощью русских суффиксов, иногда бывает явно переводного характера. Например, нынешние эстонские названия деревень Kuru, Katase, Kauksi по-русски звучат как Кургуя = Кургово, Катазна, Кауказна; Jõuga - Евгаль, Иовкуль, Jõhvi - Евизна, Йовизна; Kõnnu - Кондище, Kaidna - Койдамыш, Koidamäe - Колдамать; переводными оказываются Замошье (Sootaguse), Рошица (Raasiku), Задубочье (Tammetaguse). Исконно русскими, не имеющими эстонских соответствий, представляются названия таких деревень, как 'Лу-га, Порсково, Подгрива, Пооцику'. В этих деревнях дольше, чем где-либо в центральной части Алутагузе, удержались русское население и русский говор. Наименование 'Порсково', по-видимому, происходит из русского слова 'порск' (по В. Даль, 'порск - 1. крик, голк арапника, выставяющего зверя в поле; в западных говорах порск - 2. яма для хранения корнеплодных растений, картофеля; 3. в новгородских говорах - порс(к)-нуть - сильно ударить, хватить, хлестнуть). Название деревни Пооцику, по всей вероятности, также имеет связь с русским словом 'бочка'. Название деревни Подгрива - русское (деревня эта не имела первоначального эстонского наименования), оно хорошо объясняется рельефом местности. Деревня эта находится близ возвышенности, представляющей собой песчаную гриву длиной в 2-3 км. В окрестностях вышеназван-

ных деревень (Порсково, Подгрива, Протсику) можно найти русскую микротопонимику — названия лесов, покосов и пр. Часто эти топонимы носят название хутора, близ которого они расположены. В деревне Вайкла (Порсково) в обиходе такие названия, как, например: Шелкина река (протекает около хутора Шелкина), Перица (лесок), Ключевице (лесок, покос), Реписа, Бабица гора, Мохкуская гора (мох = болото). И люди в деревне Вайкла знают до сих пор не по фамилии, а по бывшим названиям хуторов или рода: федикини, нивбицкини, полякови, молоткови, комарови, матвикини, Йонкини, шелкини, чусиинские, кубясови, мохкусские, подгривские, сорокини, сахкусские и др.

За период до XVI века население северного Причудья (Алутагузе) заметно увеличилось, хотя этнический состав его оставался прежним. Но по сравнению с другими центральными районами Эстонии лесистое Алутагузе было заселено слабо. Росту народонаселения препятствовали частые войны между Орденом и Новгородом и Псковом, позднее между Швецией, под владычеством которой находилась вся Северная Эстония, в том числе и Алутагузе, и Россией (XVI — XVII вв.). По письменным источникам второй половины XVI века можно проследить за увеличением русского населения в северном Причудье, особенно в его восточной части (15,21). О наличии русских в приходе Ййзаку свидетельствуют встречающиеся в письменных памятниках русские топонимические названия (15,22), а также русские наименования хуторов и личные имена. В период Ливонской войны и последующие годы (1558 — 1581) русское население в Алутагузе увеличивается в связи с приходом русских крестьян из-за Нарвы и Чудского озера — в основном с Новгородской земли и Псковщины.

Таким образом, к XVII веку, как об этом свидетельствуют письменные документы того периода, центральная часть Алутагузе, особенно ранее слабо заселенная окрестность Ййзаку, стала настоящим русским краем с преобладающим русским языком общения (18,46—50, 287). Территория северного Причудья,

как и вся северо-восточная Эстония сильно пострадала во время Северной войны. Земли, опустевшие в результате войны и голода, постигшего Эстонию в последние годы XVII века, а затем вследствие чумы, вспыхнувшей после Северной войны, стали заселяться новопривельцами из России: из бывших Псковской, Петербургской и других русских губерний, а также из польских селений в Латгалии и Латвии, в числе которых были как русские, так и отдельные финские и польские крестьяне. О новых поселенцах в деревнях Алутагузе свидетельствуют записи, сделанные в ревизиях от 1712, 1726 гг. По этим данным новое поселение охватывало обширную территорию, в основном бывший приход Ийзаку, а также некоторые районы севернее Ийзаку, места же доходило до Финского залива (15, 53-55).

В течение XVIII - XIX вв. заметных изменений в этническом составе населения северного Причудья не произошло. В конце XIX века, по данным D. Трусмана, А. Моора и других исследователей (6, 5; 18, 303), в деревнях прихода Ийзаку было преимущественно русское, или по меньшей мере, двуязычное русско-эстонское население. Но с этого времени начался быстрый процесс эстонизации русского населения. Этому в значительной мере способствовали общность характера экономической жизни (основным занятием русского населения Ийзаку было, как и у окружающих эстонцев, земледелие), тесные связи с соседними исконно эстонскими районами, оживленный культурный обмен, особенно в области фольклора (24, 250; 21, 107), а также материальной культуры населения этой местности (19, 195-198). Наблюдения над народным календарем, различными обычаями и обрядами, связанными с посевом и уборкой урожая, явлениями природы и др., подтверждают смешанный характер этих календарных обычаев и верований, сочетающих как эстонские, так и русские элементы (см. 24). Даты, отмечаемые в конце XIX и начале XX вв. в Ийзаку, были, в основном, аграрного характера и весьма близки к эстонским обрядным традициям. Но важно отметить, что в праздновании этих дат влияние церкви сказывалось значительно слабее, чем в русских обычаях. В этом заключает-

ся основное отличие календарной традиции ийзакуского населения от соответствующей обрядности русских соседей недалеко от Ийзаку. В народном календаре соседнего русского рыбацкого населения Причудья аграрное направление вообще отступило на задний план. Но у ийзакуского населения сохранилось и множество русских черт, связанных либо с календарными (например, Дмитриев день), либо с семейными датами. Еще недавно в свадебных обрядах эстонские черты сочетались с русскими, обрядовые песни пелись на русском языке, хотя венчались в эстонской (лютеранской) церкви.

Разнородный этнический состав ийзакуского населения отражается и в его материальной культуре (орудия труда, приготовление пищи). И здесь наблюдается переплетение эстонских и русских, иногда даже водско-ижорских элементов. Например, планировка отдельных дворов в ийзакусских деревнях та же, что и в остальной части Эстонии. Идлие помещения в Ийзаку отличаются чистотой. Пол часто некрашенный, чисто вымыт и покрыт, как обычно в русских избах, половиками. В народной одежде прослеживается ряд русских черт, а также отдельные водско-ижорские элементы.

С конца прошлого столетия сельское хозяйство в окрестностях Ийзаку принимало то же направление, что и в остальной части Эстонии — развивается скотоводство, увеличиваются участки, отводимые под картофель, который постепенно становится товарной культурой. Но здесь больше, чем в эстонских районах, сеяли лен. В ийзакусских деревнях после размежевания земель преобладающей стала либо звеньевая, либо нерегулярная, разбросанная планировка дворов (как и в эстонской деревне).

Таким образом, исследования как материальной культуры, так и народного календаря и различных обычаев населения Ийзаку подтверждают наличие смешения русских, эстонских, а иногда и водско-ижорских элементов, и в то же время свидетельствуют о начавшемся с конца прошлого столетия процессе этнической ассимиляции, проявляющейся в быстрой эстонизации русского населения. Причиной этого была общность экономиче-

ской жизни с расположенными по соседству эстонскими районами, особенно с Йыхвисским эстонским центром.

Существенную роль в этнической ассимиляции русского населения Йизаку с эстонским сыграло также вероисповедание. Русские принуждены были частично уже с XVII века в связи с шведским владычеством принять лютеранство. Лютеранская церковь, где служба велась на эстонском языке, со своей стороны содействовала тому, что русские крестьяне, принявшие протестанство, забывали свой язык и ассимилировались с эстонским населением. Значение лютеранства в эстонизации бывшего русского края Йизаку неоднократно подчеркивалось П. Аристе, О. Лийвом, А. Моора, Х. Тампере (10, 367; 15, 55; 19, 212; 24, 250).

Процессу эстонизации содействовали также и другие факторы - различные культурные мероприятия, общества по распространению народного образования, певческие хоры, в деятельность которых были втянуты как эстонцы, так и русские (13, 303).

Царское правительство всячески пыталось приостановить эстонизацию населения. В деревне Порсково было открыто министерское училище, в Пухтице основан женский православный монастырь (18, 288). Мария Раас, 96 лет, рассказывает: "В Порскове министерская школа была, все по-русски называли..." Школа с русским языком обучения в Порскове действовала вплоть до 1917 года. Но следует иметь в виду, что часто в силу необеспеченности многих семей, из-за недостатка земли и обычно большого количества членов семьи ("в меня дома восемнадцать человек было") дети мало учились в этой школе (1 - 2 года) или вообще не попадали туда. Ведь, как известно, население йизакуских деревень до конца XIX века состояло в основном из крестьян-дворохозяев, арендовавших свои хутора у местных помещиков, и батраков, работавших как на крупных эстонских дворохозяев, так и на помещиков. Поэтому детский труд использовался очень рано (с 6 - 7 лет): летом они "к лядям в поле ходили" (скот пасли) или выполняли дома

разные работы, а зимой ездили в лес на лесозаготовки. Вот что рассказывает Вольдемар Силлавайли, 68 лет, о том, сколько он ходил в школу: "Я в школу совсем мало ходил, только одну зиму, а вторую зиму не стаў больше ходит, надо было работат, дома хлеба не было, вот и в школу не стаў ходит. Летом в поле ходил в хозяевах чухих, осенью и зимой поидежь в лес дрова и палки (бревна) пилит, чтоб хлеба заработат. С десятих год стаў работат, по лясам ходит. Ая, трудно было жит".

Альберт Айуре, 72 года, из деревни Вайкла (б. Порсково) рассказывает: "В школе ни одного лета не бул, потому что я бул восем лет, когда мат умерла, а в нас була в семье сем душ, вси були маленькине, кто маленько подняўся, кверху подрос, тот на работу, в школу - не просите".

Малограмотные и безграмотные люди в окрестностях Ййзаку среди старшего поколения - явление не единичное. Малограмотная Мария Раас, 96 лет, рассказывает: "Раньше бедных була много. Не була такой чистой ржи, не такой чистый хлеб ели, семья больна. Что раньше кушали - сальки (салака), и сялэдки и молоко кисла, супи наваря маленько, мяса и не було летом, супи наваря, молока наваря, и сити (ситы) и здорови були".

Если в 80-е годы прошлого века, как отмечает Ю. Трусман (6, 5), русская речь в домашнем обиходе была общепринята, в некоторых деревнях женщины по-эстонски вообще еще не говорили, то в 30-е годы XX столетия (через 50 лет) в Ййзаку преобладал уже эстонский язык. В это время, по данным П. Аристе и И. Калдмаа (10, 364-370; 13, 309-317), по-русски говорили еще в 20 деревнях¹. Сейчас (имеется в виду лишь старшее поколение) русскую речь можно слышать только в деревнях Вайкла (б. Порсково), Лиива (б. Подгрива), Сяляку, Нурме (б. Поотсику), в меньшей мере в других деревнях (пос. Ййзаку, в деревнях Тя-

I

По-русски в 30-х гг. говорили в следующих ййзакуских деревнях: Sälliku, Kuru, Kauksi, Lemmaku, Liiva, Vaikla, Nurme, Kaasevälja, Luuga, Varesmetsa, Iisaku, Tärevere, Tammetaguse, Koldamäe, Jõuga, Sõrumae, Imatu, Kõnnu, Kaidma.

ревере, Ишату, Идуга). По семейным традициям, одна часть русского населения Ийзаку называет себя эстонцами. Так, довольно часто можно услышать такие высказывания, как "мы сами эстонцы, а по-эстонски не знаем; пошел по людям в поле ходит, так от людей научился по-эстонски говорит. Мамка сама эстонка была, а по-эстонски не знала (знала)". Другие же считают, что их предки были пришельцами из России, а также из Польши.

Русское население Ийзаку уже издавна стали называть "полуверцами". Причиной этого были, видимо, особый характер языка и материальной культуры, сочетающей русские и эстонские элементы, а также многочисленные смешанные явления в области фольклора и обычаев.

В период после 1917 года власти буржуазной Эстонии всячески способствовали более усиленному процессу эстонизации этого края. Вследствие того, что русский язык перестал быть языком официальной жизни, ийзакуское население было поставлено перед необходимостью овладения эстонским языком. Но определяющим для судьбы ийзакусского диалекта оказалось то, что на эстонском языке стало осуществляться обучение в школе, причем начальные школы с эстонским языком обучения были созданы почти в каждой деревне. Всякое общение за пределами своей деревни велось также на эстонском языке. Постепенно всё ийзакуское русское население становится двуязычным.

Важно подчеркнуть, что распространение русско-эстонского двуязычия обусловило дальнейшее сужение рамок использования ийзакусского диалектного языка. В связи с тем, что молодежь, а также среднее поколение, получившие образование в эстонской школе, слабо владеет русским языком и практически перешли на эстонский язык, к территориальным ограничениям добавляются ограничения генерационные. Во всех ийзакусских деревнях представители старшего поколения (от 60 лет и старше) хорошо владеет русским языком, усвоив его от своих родителей. При этом они являются двуязычными и свободно переходят с одного языка на другой. Между собой они (особенно люди старше

70 - 80 лет) предпочитают говорить по-русски, а некоторые из них по-эстонски говорят совсем плохо. На вопрос, на каком языке они в детстве или в молодости говорили, ответ почти один: "когда я стаю помнит, вси по-русски говорили", "раньше вси по-русски, я буда 10 год и совсем не знала по-эстонски" и т.д.

Раньше среди ийзакусского населения было много фамилий русского происхождения: Карн, Зубка, Федка, Нимвицкий, Заболотный, Давидов, Щелкин, Рябина и др. В буржуазное время все поменяли свои русские фамилии на эстонские, причем даже братья иногда брали разные фамилии. Изменение фамилий означало, конечно, усиление эстонизации, как признаются сами жители этих мест: "в эстонско правительство по-русски не хотели, запретили по-русски, в эстонско время стали по-эстонски учить, молодежь поэтому и не знае по-русски". Таким образом полностью эстонизировались деревни в северной части б.прихода Ийзаку, ближе к бывшему центру г. Йыхви (ныне г. Кохтла-Ярве). Ийзакусский русский диалект сохранился лишь в речи старшего поколения в центральной части Алутагузе - в деревнях Вайкла (б. Порсково), Лийва (б. Подгрива), Нурме (Постсику), Сялику, в меньшей мере в других деревнях (пос. Ийзаку, д. Тяревере, Имату и др.).

В настоящее время для ийзакусского диалекта характерны следующие особенности:

1) Ограниченность его функционирования пределами территориальными (в границах одной деревни) и генерационными (для старшего поколения).

2) Смешанный русско-эстонский билингвизм у представителей старшего поколения.

3) Отсутствие в течение долгого времени нивелирующего воздействия русского литературного языка, а также изолированность от материковых русских говоров привели к обилию эстонских заимствований, в особенности в лексической и фонетической системах говора.

Вообще можно сказать, что в говоре Ийзаку произошло на-

рушение принципа непрерывности функционирования: местный говор используется только в ограниченном кругу людей старшего поколения, общепринятым же средством общения является эстонский язык. Среднее и младшее поколение плохо знают местный русский язык. Поэтому вместе с вымиранием старшего поколения исчезнет и их единственный в своем языковом своеобразии говор, в котором отражается вся история изучаемого края.

Ц. Местность Ийзаку уже давно привлекала внимание исследователей своим особым смешанным этническим составом населения, сложным переплетением русских и эстонских элементов в материальной культуре, а также в фольклоре. Первые скудные заметки об ийзакусских "полуверцах" относятся к началу (20-е гг.) прошлого столетия (16, II). Имеется также некоторый материал с середины XIX века. Однако в основном это описания жизни и быта крестьян северо-восточной Эстонии (22, 158-159). В конце XIX века появляется ряд работ, касающихся русского населения б.Ийзакусского прихода (7, 124-135). В большинстве случаев они имели тенденциозный характер и были направлены на укрепление позиций православной церкви среди ийзакусского лютеранского населения.

Более важное значение имеет работа Д. Трусмана, являющаяся единственным источником конца XIX века (80-е гг.), где приводится некоторый материал об истории заселения края, топонимике, а также о языке и фольклоре ийзакусского населения. К сожалению, языковой материал лингвистически обработан слабо. Так, по записям Д. Трусмана нельзя судить о степени палатализации согласных в говоре в то время, а также о других явлениях в области фонетики (произношение а и о в первом предударном слоге, характер произношения отдельных гласных или согласных фонем и т.д.). Однако материал, представленный в работе, содержит и такие явления, которые в говоре исчезли или встречаются сейчас как реликты. Чрезвычайно интересным в этом отношении можно считать помещенный в конце статьи словарик, дающий некоторое представление о лексическом составе говора в то время.

Ценный языковой материал содержится в кратком обзоре о собрании фольклора у ийзакусских полудерцев П. Арнста и записях, сделанных им в 30-х гг. XIX века (10, 364-370).

Интерес к местности Ийзаку проявляли уже с конца XIX века также археологи, антропологи, историки и этнографы, которых волновал вопрос об этногенезе северо-восточной Эстонии вообще и окрестности Ийзаку — центральной территории Алутагузе, — в частности. Особенно интенсивно эта местность стала изучаться с 30-х гг. нынешнего века. За последние 50 лет по истории заселения территории Ийзаку, а также по материальной культуре населения этой местности появился целый ряд исследований и описаний (15; 8; II, 105-112; 25; 24; 17). Много внимания Ийзакусскому краю уделяли археолог Х. Моора и этнограф А. Моора (20; 5; 2; 19; 3, 138-151; 18). Среди лингвистических исследований заслуживает внимания работа М. Муст "Русско-эстонское двуязычие в северо-восточной Эстонии" (21, 107-123). В этой статье автор рассматривает эстонский говор населения Ийзаку. Здесь показано, что двуязычное население окрестностей Ийзаку восприняло эстонскую разговорную речь от окружающих эстонских районов (приходов) недавно — лишь 2-3 поколения назад местное население начало переходить на эстонский язык. Автор обращает особое внимание на сильный русский субстрат в эстонском говоре Ийзаку. Особую ценность представляет материал в виде краткого обзора специфических черт русской речи Ийзаку. Это первая серьезная попытка описания русского говора с указанием на его различительные признаки как в фонетике, так и в других областях языка (в морфологии, синтаксисе, лексике). Правильно подчеркивается, что как эстонский, так и русский говор Ийзаку отражает и происхождение местного населения, и взаимоотношения и языковые контакты между соседями (русскими и эстонцами), и процесс консолидации, связанный с переходом определенной этнографической группы с одного языка на другой.

Усиленный интерес к местности Ийзаку, особенно начиная с 50-х годов, объясняется расширенным изучением проблемы

славяно-прибалтийско-финских, в том числе и русско-эстонских взаимоотношений. Особо важным представляется исследование пограничных районов, где можно наблюдать непосредственные контакты разных народов как в области культуры и экономики, так и в области языка. Одной из таких территорий вышеуказанных контактов является северо-восточная часть ЭССР, в том числе и территория б. прихода Ийзаку. Ведь как раз здесь на протяжении столетий происходили взаимное общение и культурный обмен, складывались отношения между русскими, эстонцами и другими народами. Для организации и координации совместной исследовательской работы в этой области в 1960 году Президиумом Академии наук ЭССР была создана "Комиссия по координации изучения проблемы славяно-прибалтийско-финских отношений". В эту комиссию вошли представители институтов истории, языка и литературы, этнографии и других учреждений. Отвечалась необходимость совместного планомерного исследования археологических памятников граничащих с Эстонией районов, антропологических типов, русских говоров и топонимики Причудья (23,12) и ряд других вопросов.

С п и с о к
ц и т и р о в а н н о й л и т е р а т у р ы

1. П. В и с к о в а т о в , Похтицкое древнее кладбище. Временник Эстляндской губернии, кн. I, 1893, Ревель, 1894.
2. А. Х. М о о р а , Эстонско-русские отношения в ХУШ - ХХ вв. Краткие сообщения Института этнографии, № XII, 1950.
3. А. Х. М о о р а , Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XXIII, 1954.
4. Х. А. и А. Х. М о о р а , Из этнической истории воды и илоры. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений, Таллин, 1965.
5. Х. М о о р а , Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии, № XII, 1950.
6. Д. Т р у с м а н , Исацкие полуверцы в Эстляндской губернии. Временник Эстляндской губернии, II, Ревель, 1895.
7. С. И. У м а н е ц , Эстонские полуверцы. Воспоминания о князе С. В. Шаховском и Балтийские очерки, СПб., 1899.

8. A. A m a n d u s, Iisaku kihelkonna ajaloolist traditsiooni, 1932 (материалы хранятся в Литературном музее им. Ф.Р.Крейцвальда в г.Тарту).
9. P. A r i s t e, Veelgi vere-lõpulistest kohanimedest. "Keel ja Kirjandus", 1963.
10. P. A r i s t e, Korjamismatkal poluvertsikute maal. "Eesti Kirjandus", 1930.
11. M. B r e n b e r g, Iisaku kihelkonna venelaste-poluvertsikute mütoloogilist terminoloogiat. ERMA r. IX-X, Tartu, 1934.
12. P. J o h a n s o n, Die Estländische des Liber Censur Daniae, Kopenhagen-Reval, 1933.
13. J. K a l d m a a, Iisaku kihelkonna poluvertsikud. "Eesti Kirjandus", 1937.
14. L. K e t t u n e n, Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia, sarja B, nide 90, I, Helsinki, 1955.
15. O. L i i v, Vene asustusest Alutagusel kuni XVIII sajandi esimese veerandini, Tartu, 1928.
16. Marahwa Näddala-Leht, 12.I 1821, nr. 2.
17. K. M a r k, Ida-Eesti 11.-18. sajandi rahvastiku antropoloogia. Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, Tallinn, 1965.
18. A. M o o r a, Peipsimaa etnilisest ajaloo, Tallinn, 1964.
19. A. M o o r a, Eesti ja vene elemendid Eesti NSV kirdeosa elanikkonna materiaalses kultuuris, TA Toimetused, 1953, kd. nr. 2.
20. H. M o o r a, Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil. Eesti rahva etnilisest ajaloo, Tallinn, 1956.

21. M. M u s t, Vene-eesti kakskeelsus Kirde-Eestis.
Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo. Tallinn,
1965.
22. C. R u s s w u r m, Eibofolke oder die Schweden an
den Küsten Ehtlands und auf Runö, Reval, 1855.
23. Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo, Tallinn, 1965.
24. H. T a m p e r e, Kirde-Eesti rahvakalendri iseärasu-
si, I. Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo,
Tallinn, 1965.
25. V. T r u m m a l, Vene-eesti vastastikused suhted IX
sajandist kuni XIII sajandi alguseni, kand.
diss., Tartu, 1955.

О Г Л А В Л Е Н И Е

С. С м и р н о в, Ф. И. Буслаев и русское языкознание первой половины XIX века	3
Глава первая. Русское языкознание в первой половине XIX века	II
§ 1. Русские грамматики конца XVIII - I половины XIX века	II
§ 2. Возникновение и развитие сравнительно-исторического языкознания в России в первой половине XIX века	67
Глава вторая. Ф. И. Буслаев как лингвист.....	I28
§ 1. Детские и юношеские годы. Московский университет	I28
§ 2. Домашний учитель. Путешествие со Строгановыми за границу. "О преподавании отечественного языка"	I33
§ 3. Западники и славянофилы. Магистерская диссертация "О влиянии христианства на славянский язык"	I55
§ 4. Преподавание в Московском университете. "Опыт исторической грамматики русского языка"	I62
§ 5. Занятия литературой и искусством. Последние годы жизни	I90
Список цитированной литературы.....	I95
Х. Х е й т е р, Из истории изучения русских говоров северо-восточной Эстонии	204